ГЕОРГІЙ
ГРЕБЕНЩИКОВЪ

РОДНИКЪ
ВЪ ПУСТЫНѢ

РУССКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Я. ПОВОЛОЦКІЙ и К°
ПАРИЖЪ

Б. Гроссеръ

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3549
.G7
R6

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/rodnikvpustynie008800

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ГЕОРГІЯ ГРЕБЕНЩИКОВА

Томъ I
ВЪ ПРОСТОРАХЪ СИБИРИ

Томъ II
ВЪ ГОРНЫХЪ ДАЛЯХЪ

Томъ III
СТЕПЬ ДА НЕБО

Томъ IV
ЗМѢЙ ГОРЫНЫЧЪ

Томъ V
РОДНИКЪ ВЪ ПУСТЫНѢ

Томъ VI
СЕМИЛѢТІЕ

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ

РОДНИКЪ ВЪ ПУСТЫНѢ

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Я. ПОВОЛОЦКАГО и Ко.
ПАРИЖЪ

Copyright by J. Povolozky & Co.

Tous droits réservés

Перепечатка и переводъ воспрещаются

Типографія Зинабургъ и Ко.
Berlin SW 68, Alte Jakobstr. 129

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Томъ V

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Полынь — трава
2. Смолокуры
3. Дремь
4. Любава
5. Какъ Гурьянъ сталъ образованнымъ
6. Якуня — Ваня
7. Матушкинъ грѣхъ
8. Ярышка
9. Родникъ въ пустынѣ

ПОЛЫНЬ — ТРАВА.

I.

Широка Тарабинская степь. Ни лѣсу нѣтъ на ней, ни рѣки хорошей. Равнина изъ конца въ конецъ, неоглядная на всѣ четыре стороны. Небо кажется здѣсь плоскимъ, низкимъ и почти всегда тускловатымъ, а когда ползутъ по небу тучи, то степь и вовсе нагоняетъ скуку, какъ пустыня.

Даже солнце мало радуетъ, когда куда-то разбредутся тучи: слишкомъ оно ярко освѣщаетъ скучную равнину и на какую колокольню ни взберись, не увидать ничего отраднаго: ни рѣчки синей, ни зеленаго холма, ни кучеряваго лѣсочка. Только кое-гдѣ маячатъ бѣленькія церковки, какъ заблудившіяся бѣлицы-богомолки, да возлѣ сѣрыхъ, сплющенныхъ нуждою деревенекъ чернѣютъ остроконечныя пирамиды изъ кизяковъ-дровъ изъ навоза.

Какъ только кончится пахота — весь деревенскій людъ сгребаетъ въ кучки накопившійся за зиму навозъ, поливаетъ его водою и топчетъ лошадьми и собственными ногами, а потомъ кладетъ лопатами въ станки и стряпаетъ полѣнья — кирпичи. Зимою возлѣ нихъ тепло и «сладокъ дымъ отечества»...

Послѣ отпашки на степи цвѣты цвѣтутъ, травы и молодые всходы зеленѣютъ, иволги и трясогузки распѣваютъ, а по деревнямъ молодежь въ навозѣ пачкается до самаго сѣнокоса.

Топчутъ парни навозъ, а дѣвки мастерятъ изъ него кизяки и тѣ и другіе крикливо, но безъ всякой страсти перекликаются частушками:

— Въ Тарабѣ — да парни босы» — поютъ дѣвки, а парни имъ отвѣчаютъ: «Дѣвки любятъ папиросы»...

— «Парни — бравы — босяки»...

— «А дѣвки — робятъ кизяки-и»...

Велика степь Тарабинская, разбрелись по ней деревни, какъ стадо безъ пастуха — кто куда, и земли на Тарабѣ такъ много, что мужики отвыкли любить землю, разучились хорошо ее распахивать и почти каждый годъ сѣютъ на новой, а старую запускаютъ и отъ этого на ней все больше да больше растутъ бурьянъ, колючій молочай и горькая трава — полынь.

Уже съ Петрова дня въ деревнѣ Неслыхаевкѣ только два запаха: навозомъ да полынью, а къ Первому Спасу полынная пыль носится по воздуху, какъ дымъ. Осенью же буйные вѣтры развѣваютъ, разсѣваютъ ее по полямъ, по дорогамъ и по околицамъ. Годъ отъ году полынь растетъ все шире, все живучѣе и душитъ цѣлину, вытѣсняетъ съ нее хлѣбъ, цвѣты и дикія медунки. А дальше отравляетъ сѣно, горчитъ хлѣбъ и даже молоко, такъ что дѣти не хотятъ его пить, капризно толкая отъ себя любимую ѣду.

Должно быть оттого и люди на Тарабѣ были хмурые и злые, какъ будто полынь попала въ ихъ кровь и распаляла злобою сердца ихъ.

Одна на всю Неслыхаевку старуха Финогеевна, безродная вдова-шептунья, пеклась о грѣшныхъ людяхъ и скорбѣла, сѣтовала на мужицкое житье-бытье, сравнивала судьбу его съ своей покойною свекровкой.

Сидитъ, бывало, у тусклаго, единственнаго окошечка своей избушки, качаетъ головой и думаетъ и вспоминаетъ:

— Даетъ теперь, поди, Богу отвѣтъ, покойная головушка... Бывало: молодица бита, молодица ругана, молодицѣ скресу не было, а ходи весело, чтобы всѣ люди думали, что молодицѣ медъ, а не житье...

Финогеевна вздыхала и вспоминала дальше, уже свое, незабываемое:

— А какъ только молодица черезъ число при людяхъ взвеселилась, посмѣялась, — свекровушка того пуще зашипитъ:

— Иш-шь, обзарилась: рада-радешенька на мужиковъ-то рыло пялить.

— Охъ, какъ сердце молодое закипитъ тогда. И горечью и злобой захлебнется до — смерти...

Лучшее, душевное-то къ Богу съ жалобой:

— Ты видишь, Господи! Ты все видишь, Батюшка! Владычица Матушка, заступись, оборони!

А тайное, земное-то иного требуетъ:

— Батюшка Илья пророкъ! Разрази ее громомъ, попали молоньей!..

И старуха Финогеевна связываетъ въ узелокъ оборванную думку:

— Вотъ такъ и злоба наша засѣвается, укореняется, да разрастается... Вѣдь ужъ давно прибралъ Господь, а не могу простить, не могу забыть, што загубила,

отравила всю молодую вдовью жизнь... Состарилась раньше времени.

Полынь, какъ есть полынь-трава...

И переноситъ думки свои Финогеевна на міръ честной:

— Охъ, тяжко, охъ, нѣту конца-края пустошамъ, полынью засореннымъ... Нѣту силушки повыдергать ее, повыполоть...

И подкрѣпляетъ думы свои стариною:

— Сказы-ы-вливали старики, сказы-ывливали, что будутъ поѣдать другъ друга люди, а послѣдній самъ себя — сгрызетъ...

Знала старая всю злобу, всѣ грѣхи своей деревни, шли къ ней всѣ, и старъ и малъ, несли свои печали и болѣзни, потому что на слыху была старуха Финогеевна, «славутной» называлась: и повитуха, и лекарка, и совѣтчица. Съ бѣднымъ погорюетъ, со старымъ молодость помянетъ, скорбящему о Богѣ надоумитъ, ребенка сказкою забавитъ...

Вотъ она какая Финогеевна.

Думала старуха, сидя подъ окошкомъ, качала посѣдѣвшей головой, пеклась о грѣшномъ мірѣ, а не знала, что и къ ней подкралась злоба и ее отрава горькая подкараулила...

II.

Случилось-же такое, самое Финогеевну попуталъ грѣхъ на старости — польстилась на бездѣлицу: посадила на свое гнѣздо чужую курицу...

Со слѣпа что-ли, Богъ знаетъ какъ это случилось, а только все-таки поймала курицу возлѣ своей избушки

и посадила подъ шестокъ на двадцать одно яйцо... Пожадничала — Богъ то и нашелъ.

Сосѣдка Чукулаиха, баба мозглявая, крикливая, всегда съ кѣмъ-нибудь ссорится, только съ Финогеевной ладила... Давно ужъ поклепала она курицею всѣхъ сосѣдокъ, а на Финогеевну и не подумала, только однажды пришла къ ней, ненарокомъ заглянула подъ шестокъ, а курица ей оттуда въ руку клюнула, ажъ до крови. Хотѣла Чукулаиха шлепнуть курицу по носу, смотритъ, а курица-то ея собственная «Тараторочка»...

И съ хохолкомъ, а въ хохолкѣ-то бѣленькое перышко — на весь околодокъ курица примѣтная. Ни у кого такой нѣтъ.

Увидѣла Чукулаиха «Тараторочку» и отъ радости сперва даже не обозлилась, а только и сказала:

— Ой, баба, а вѣдь курица у тебя моя сидитъ.

А Финогеевна такъ-это свысока ей:

— Да ты съ ума-то, дѣвка, не сходи... Я сроду... За иголку за чужую не запнулась... Въ свидѣтеляхъ не бывывала...

— А хохолокъ-то, погляди-ка! — взревѣла Чукулаиха и побѣжала съ крикомъ на всю улицу: — Воровка ты, воровка!.. Да я тебя, собачью дочь, на общество выведу, да принародно докажу. — И побѣжала къ сотскому, а потомъ къ старостѣ.

Финогеевна схватила курицу съ гнѣзда, приблизила къ глазамъ — и правда: въ хохолкѣ-то бѣлое перышко...

— Ну, не бывать тому — уперлась сгоряча старуха: — не отдамъ курицу. Штука-ли — двадцать одно яйцо запарено.

И чтобы доказать, что курица не Чукулаихи — взяла да ножницами ей и отстригла хохолокъ-то. Понятное дѣло: не привыкла плутовать, себѣ же хуже сдѣлала.

Пришли староста и понятые, и бабы цѣлой кучей, да и уличили Финогеевну. Видать вѣдь сразу, что хохолòкъ-то только что обрѣзанъ.

А ужъ тутъ принародно Чукулаиха и начала срамить Финогеевну... Боже мой! Наговорила и того, о чемъ и слыхомъ не слыхала Финогеевна. А люди слушаютъ, да вѣрятъ. Даже не слушали, что говорила Финогеевна, не внимали слезной мольбѣ:

— Заступитесь, люди добрые... Сроду за иголку за чужую не запнулась... Повѣрьте совѣсти.

А ужъ какая тамъ совѣсть, когда всѣмъ ясно: курицу украла...

Протаскали курицу по сосѣдямъ, да на сходку, яйца-то и застудили. Всѣ до одного погибли. Ни цыплятъ, ни яицъ. Былъ бы староста, какъ Соломонъ, не велѣлъ бы курицу съ гнѣзда снимать — все-таки выгоднѣе было бы для всѣхъ и двадцать одна птица Божія свѣтъ бы увидала... А у старосты только и словъ:

— Не хорошо ты, Финогеевна, доспѣла... Въ каталажку бы тебя... Да ладно ужъ... На первый разъ пожалѣемъ.

Но Чукулаихѣ этого мало, ей надо было сжить со свѣта Финогеевну, вотъ какъ она обозлилась на нее.

Дѣло понятное — тутъ неслыхаевская честь была замѣшана, и многіе склонялись на сторону Чукулаихи.

Забыли всѣ заслуги Финогеевны, забыли всѣ собственные грѣхи и ошибки. Галдѣли, обрадовались случаю

пролить свою злобу, травили Финогеевну, какъ приблудную собаку...

Староста едва утихомирилъ.

III.

Съ ранней весны до перваго Спаса у Чукулаихи и Финогеевны каждый день былъ грѣхъ.

Выйдетъ изъ избушки Финогеевна, покличетъ свою телку, чтобы пойла дать — Чукулаиха и тутъ привяжется:

— И телушка-то заморышъ, а тоже слава: скотину водить надо...

— А тебѣ ужъ и теленокъ-то мой помѣшалъ? — заскрипитъ сквозь слезы Финогеевна.

— И-гы-гы-гы!.. Занюнила!.. — безпощадно дразнитъ Чукулаиха.

— Безсовѣстная ты... Ни Бога у тебя, ни совѣсти! — повыситъ голосъ Финогеевна.

И тутъ-ужъ Чукулаиха кричитъ на всю деревню:

— Это ты-то да о совѣсти? Это ты-то да о Богѣ?!.. Да вѣдь всѣмъ извѣстно, што ты старая колдовка съ нечистымъ знаешься!..

Финогеевна не могла этого вынести, срывалась съ мѣста и съ чѣмъ попало бросалась на Чукулаиху. А той только этого и надо. Она растрепывала волосы, срывала съ себя подшалокъ, разрывала кофточку и истошнымъ голосомъ вопила:

— Убила!.. Батюшки, спасите. Караулъ!

Этотъ крикъ, какъ ножъ по-сердцу, поражалъ, уничтожалъ старуху. У нея опускались руки, подкаши-

вались ноги, замирали на губахъ слова и вся она сбѣжавшемуся народу дѣйствительно казалась виноватой, только что хотѣвшей убить человѣка. Финогеевна хотѣла только одного теперь: уйти въ свою избушку и тамъ наединѣ съ собой наплакаться, пожаловаться Богу.

Всѣ сосѣди и сосѣдки набрасывались на нее, кричали вслѣдъ ей, улюлюкали, готовы были разорвать.

— Ишь потянулась, какъ змѣя жалючая...

— Колдовка!..

— Вѣшшица!..

А Чукулаиха не унималась, бѣжала къ старостѣ и взбѣшенно вопила:

— Убье-отъ она меня!.. Убьетъ!.. Ты лучше убери ее... За конбоемъ отошли ее въ острогъ...

Старостѣ наскучили эти скандалы, да и молва людская была противъ Финогеевны. Онъ наканунѣ Спаса въ жаркій день взялъ да и призвалъ ее на сходку.

— Вотъ што, мать честная, — началъ онъ, пощипывая жиденькую бороденку, — сказываютъ люди, будто ты грозишься Чукулаихину избу поджечь...

— Да што ты, што ты, батюшка!.. — испуганно взмолилась Финогеевна. — Да што вы, міръ честной!.. — слезно поклонилась она мужикамъ и бабамъ.

Но мужики и бабы уже бушевали:

— А отъ Чукулаихи-то вся деревня выгоритъ!..

— Вотъ какая сушь стоитъ...

— Она насъ съ кошелемъ по-міру пуститъ.

— Ишь, будто и знать ничего не знаетъ.

А кто-то зычно, коротко и возлѣ самаго уха Финогеевны потребовалъ:

— Пришить ее!..

— Да, родимые!.. — попятилась и присѣла пришибленная ужасомъ старуха. — Да што-вы?.. Я-ли не служила вамъ, я-ли не угождала? И старому и малому...

Но словъ ея уже опять никто не слышалъ. Всѣ махали руками, метали злые взгляды въ сторону сухой и сгорбленной, въ добиномъ синемъ сарафанѣ Финогеевны, и хоромъ требовали отъ старосты:

— Отпорный приговоръ!.. Отпорный!..

Какъ услыхала это слово Финогеевна, такъ и притихла опять, остановилось у нея сердце, помутилось зрѣніе. Безъ словъ, безъ голоса, а только думкою одной кричала:

— «Да неужъ-то это правда? Да гдѣ же Богъ-то? Гдѣ же грозный-то Илья Пророкъ?»

А староста подходитъ близко и объявляетъ Финогеевнѣ:

— Ну, вотъ... Все обчество... Сама слыхала... Доводится отпорный на тебя. Доводится...

Молча поглядѣла въ злые лица мужикамъ и бабамъ Финогеевна, молча поклонилась всему обществу, повернулась и пошла къ своей избушкѣ на непослушныхъ, шаркающихъ по землѣ ногахъ...

IV.

Было Воздвиженіе Креста Господня.

Только-что загорѣлось ясное, безросное утро, когда съ мѣшкомъ-котомкой за плечами и съ новымъ самодѣльнымъ костылемъ вышла Финогеевна изъ своей

землянки. Окошко она еще вчера заколотила, а убогую утварь отдала безродному Васюткѣ — пастуху.

Телка лежала на нагрѣтомъ за ночь мѣстѣ посреди пустынной улицы и Финогеевна толкнула ее костылемъ, подняла и погнала впереди себя изъ деревни.

Въ деревнѣ многіе еще спали, но надъ избами уже курился дымъ и склоняясь къ сѣверо-востоку разстилался тамъ въ сѣдыхъ полынныхъ зарослях. Навстрѣчу Финогеевнѣ съ юго-запада подувалъ вѣтерокъ.

Никто не провожалъ старуху. Лишь проходя послѣднюю избушку, она услыхала откуда-то слезливое и бабье:

— «Да родимая ты моя баушка»...

Это Фекла, которой совсѣмъ недавно Финогеевна помогла родить. Жаль ей старуху, а можетъ быть себя самое. Не къ кому теперь пойти, поплакаться на бабью жизнь...

Да за околицей погнались два мальчугана, помогли заворотить телушку... Какая-то собака долго лаяла на Финогеевну и на телушку, а потомъ и она отстала, завилявъ хвостомъ.

Финогеевна пошла по желтой, усыпанной соломой пашенной дорогѣ, и босыя ноги ея зябли отъ неразстаявшаго инея.

Шла она, ни о чемъ не думая и не оглядываясь. Чуяла, что понесла въ себѣ тяжелый камень, и чѣмъ дальше уходила, тѣмъ тяжелѣе становилась ноша, тѣснила сердце, сгибала къ костылю и не хотѣла отпускать съ родной земли.

Долго и упрямо шла старуха, пока хватилась, что куда-то отвернула съ дороги и отстала телушка.

Хватилась телушки, оглянулась и увидѣла едва маячившія крыши покинутой деревни. Увидѣла, остановилась и почуяла, что нѣту силъ дальше идти. Забыла про телушку, опять помутился свѣтъ въ глазахъ, опять подсѣклись ноги и перехватило дыханіе.

Передохнула, промигала слезы, вытерла ихъ жилистой рукой и сипло произнесла:

— Суди ихъ Богъ, Суди ихъ Богъ!..

Навстрѣчу ей дулъ вѣтеръ, все крѣпче и порывистѣй и, стряхивая зеленоватую пыль съ полыни, бросалъ въ полуоткрытый ротъ старухи, въ глаза, и въ ноздри и колыхалъ необозримыя сухія травы на непаханныхъ полосахъ.

Солнце поднялось высоко, слизнуло иней, но не прогрѣвало огрубѣвшей старой кожи Финогеевны. Только пересохъ у нея языкъ и, ворочая имъ во рту, она почуяла горечь полыни, терпкую и ядовитую, какъ банный дымъ.

Какъ мутная волна колыхались подъ вѣтромъ сѣдыя полосы, лишь кое-гдѣ озолоченныя сухимъ жнитвомъ и свѣжею соломою копенъ, скирдовъ и гуменъ.

Но въ морѣ полыни терялись суслоны немолоченнаго хлѣба, сидѣли, какъ обезглавленныя вороны, стога сѣна и лежала толстыми мѣдными подковами прошлогодняя солома на гумнахъ.

Старуха оглядѣла степь, пожевала пересохшій языкъ и, угрожающе поднявъ костыль, прохрипѣла волнующимся полямъ, какъ заклинаніе:

— Все засорила!.. Все отравила, проклятая полынь-трава!

И вдругъ лицо у Финогеевны исказилось, глаза расширились и побѣлѣли, не видя солнца; черные, съѣденные зубы оскалились, губы стали тонкими и темными, а подбородокъ высунулся впередъ, загибаясь къ обвисшему и дряблому носу...

Долго такъ стояла она въ оцѣпенѣніи, какъ будто увидѣла передъ собою что-то жуткое, жестокое, но крючковатая рука, державшая костыль, все также угрожала и тряслась.

Наконецъ, медленно, по-воровски, она присѣла на землю, спряталась въ сухой травѣ и не спѣша, таинственно пошарила въ котомкѣ. Достала что-то и замерла, припавъ къ землѣ, какъ затаившаяся волчица.

И вдругъ возлѣ нея расцвѣлъ и взбухъ и сталъ расти и осыпать большіе красные лепестки жаркой цвѣтокъ.

А Финогеевна опять вскочила на ноги, опять грозила костылемъ и, посылая отъ себя веселое, хохочущее пламя, зловѣще и злорадно проклинала:

— Сгинь, сгори огнёмъ неутушимымъ!.. Сгинь полынь-трава ядучая, сгинь зло людское, кипучее. Сгинь во-вѣки!.. Аминь!..

Подъ ногами у нея лежала и росла черная овчина и дымилась, сѣдѣла пепломъ; старуха часто переступала съ ноги на ногу на горячей сажѣ, какъ будто плясала на черномъ, все растущемъ гумнѣ, обложенномъ ярко-красною бѣгущею и вширь и вдаль соломою.

— «Нѣтъ, это не солома, это мѣдь... Не мѣдь, а золото, цѣлыя горы золота!.. Нѣтъ, это табунами побѣжали по степи златогривые кони... Ахъ, нѣтъ, это змѣй огненный, присланный Богомъ покарать за зло людей... Ой, нѣтъ же, нѣтъ, это упавшій съ колес-

ницы Ильи Пророка огонь, упавшій, чтобы сжечь полынь-траву, отраву горькую людскую!»

Все шире, все быстрѣй бѣжали по сухой полыни огненные кони, все больше выростало вытоптанное ими черное гумно. Вотъ они прыгнули на стогъ, вотъ заиграли на суслонахъ ячменя, вотъ помчались къ соломѣ на гумно. И все бѣгутъ, бѣгутъ съ побѣдоноснымъ ржаніемъ въ глубь Тарабы, увлекая за собой танцующую на горячемъ пеплѣ, безумную и страшную старуху...

*

... Въ тотъ же день прибѣжалъ огонь въ Незнаевку, а темнымъ вечеромъ, обложенная высохшими кизяками, деревня ярко освѣщала ему путь въ сосѣднія деревни.

Черезъ недѣлю Тараба лежала черною пустыней.

Многіе изъ обитателей ея ушли въ далекую тайгу, чтобы тамъ ранѣе другихъ посбирать Христовымъ именемъ «на погорѣло».

Но большинство осталось возлѣ пепелищъ и снова копошились, складывая изъ обуглившихся бревенъ новыя жилища.

А огонь ушелъ далеко въ степь и по ночамъ маячилъ изъ-за горизонта ярко-красными знаменами, пробираясь смѣло и настойчиво къ тайгѣ, лежащей гдѣ-то далеко за краемъ степи...

СМОЛОКУРЫ.

I.

Всякому свое счастье. И всякъ по своему его толкуетъ. Куриному уму — куриное счастье, а соколъ всегда будетъ летать по поднебесью. Конечно, гнѣзда вить и выводить дѣтенышей на облакахъ нельзя — все такое грѣшное и будничное дѣлается на землѣ, гдѣ столько дракъ промежъ звѣрей и птицъ и насѣкомыхъ, не говоря ужъ про людей, которые другой разъ не на шутку видятъ счастье въ томъ, если другъ другу глотку перервутъ удачно...

Мало ли людей теперь, у которыхъ умъ какъ будто соколиный, а дѣла куриныя: — поклевать досыта зернышка въ свѣжемъ навозѣ да снести яичко въ безопасномъ мѣстѣ — всѣ и идеалы тутъ... Хоть верхи взять, хоть низы...

А все-таки, до боли жаль людей, душа болитъ о нихъ... Хочется почаще говорить имъ колючія слова правды и хочется размягчить ихъ сердце ласковой любовью, будь они князья или рабы въ душѣ своей.

Потому что всѣ люди жаждутъ счастья и тянутся къ нему черезъ всѣ грѣхи и препятствія изъ всѣхъ чертоговъ и трущобъ. Вотъ почему вспомнились мнѣ наши

смолокуры, люди самые послѣдніе среди сибиряковъ, всегда достаточныхъ, степенныхъ, сытыхъ и смекалистыхъ...

Вотъ какъ это было.

Въ длинные лѣтніе дни, когда надъ молчаливыми сибирскими лѣсами, раскинутыми по холмамъ и далямъ, идетъ солнце, — синяя пустыня тайги кажется совсѣмъ нѣмою.

Только кое-гдѣ на синевѣ — живые, бѣлые клубки: это покуриваютъ разбросанныя по тайгѣ ямы дегтярей и смолокуровъ.

А темными ночами въ рыхлой тьмѣ тайги вмѣсто бѣлыхъ клубковъ золотятся огоньки, какъ рѣдкія нападавшія съ неба звѣзды.

Это костры у смолокуровъ.

Смолокуры — тѣ же золотоискатели въ тайгѣ: такіе же оборванцы, такія же отчаянныя головы и такъ же голодаютъ по недѣлямъ.

Вся разница въ шароварахъ: у золотоискателей шаровары изъ бархата и плиса и широкіе, какъ бабьи юбки, а у смолокуровъ — изъ просмоленнаго холста, крѣпкіе и твердые, какъ кедровая кора.

Но золотоискатели за шаровары дорого расплачиваются. Смолокуръ подумаетъ, что въ бархатныхъ штанахъ Богъ вѣсть какіе самородки, — приметъ на душу незамолимый грѣхъ... А тамъ, въ широкихъ то карманахъ, — одинъ кисетъ съ махоркой.

Такъ, должно быть, и Максимъ сложилъ головушку, первый Маланьинъ сожитель.

Пока ходилъ въ холщевыхъ шароварахъ, выкуривалъ съ Маланьей смолу, — хоть плохо, да были сыты.

А какъ обрядился въ бархатные, ушелъ искать золото, — насидѣлась Маланья съ маленькимъ Федькой голодомъ.

Да и самъ Максимъ, — бывало: вернется съ поисковъ, какъ изъ скитовъ: худой, измаянный, печальный.

Только одинъ разъ и пофартило, — нашелъ, принесъ домой три самородка величиной въ зерно подсолнуха, — обзарился: насулилъ Маланьѣ палатъ каменныхъ. Потомъ ушелъ желѣзную лопату покупать, — золото выкапывать, — да такъ и не вернулся. Не вернулся и слуховъ никакихъ о себѣ не оставилъ.

Черезъ полгода сосѣдъ Парфенъ, изъ поселенцевъ, заявился на Маланьинъ станъ и повелъ турусы на колесахъ. То да се, да лучше въ дегтю пачкаться, нежели за золотомъ охотиться. А потомъ напрямикъ и грохнулъ:

— Нашли въ Лѣшачьей согрѣ Максимовы штаны. Бархатъ-то, видать, не скоро сопрѣваетъ... Кости да штаны...

Подумала Маланья: не Парфеново ли это дѣло? Да Парфенъ такъ озаботился о ней и о Федькѣ, что она возьми да и свяжись съ нимъ... Старикъ не хуже молодого приголубилъ.

Сперва приголубилъ, а потомъ и сѣлъ на плечи, впрегъ во все Маланью.

«Стиснулъ въ своихъ варнацкихъ кулачищахъ, дармоѣдъ» — тайно думала Маланья, а сама не смѣла огрызнуться.

Пока парнишка подросъ, на ямѣ въ первую голову, одна, въ дегтю вся выпачкается. Ни кожи, ни рожи.

Накуритъ бочку, думаетъ сама свезти — продать, купить себѣ кое-какую лопотину. Нѣтъ, онъ не дозволитъ. Самъ поѣдетъ; продастъ, накупитъ водки и ѣздитъ по тайгѣ, съ другими смолокурами пьянствуетъ.

Кровь всю выпилъ. Молодость съ нимъ загубила.

Всталъ на дорогѣ, какъ стѣна острожная.

А была у Маланьи одна зацѣпка, вѣрная, для Федьки сберегала.

Маланьѣ сорокъ стукнуло, Федьку, того гляди, надо женить, а она все еще крѣпилась, не хотѣла Федькѣ открывать свою давнишнюю, золотую думку.

— Больно молодъ! — Глупъ, — глядѣла она на сына прятавшими что-то важное глазами.

А въ эти глаза впивались другіе, — острые, спрашивающіе глаза Парфена.

Пятнадцать лѣтъ носила въ глазахъ Маланья свою думку. И всѣ пятнадцать лѣтъ Парфенъ слѣдилъ за ними, мучился и не могъ угадать: что въ ней, въ этой бабѣ, какой дьяволъ сидитъ?

Въ первые годы, лѣтъ семь, думалъ:

— Повадка такая блудливая у бабы. Если бы не въ тайгѣ жили, — семерыхъ бы полюбовниковъ имѣла сразу.

И ревновалъ ко всякому смолокуру, ко всякому прохожему охотнику, — къ черневымъ татарамъ, пріѣзжавшимъ шишковать, — орѣхи бить.

Слѣдилъ, доискивался, билъ, — ничего не узналъ. Такъ въ глазахъ у нея и осталось это мудреное, влекущее и скрытное.

Былъ бы не старъ, — сказала бы, открылась. А то вотъ угадай-ка, что за этими зрачками кроется.

Боялась Маланья глазъ Парфеновыхъ. Такъ и изогнется подъ остріемъ его ищущаго, не моргающаго взгляда.

— На щенка-то чего уставилась? — вскидывался онъ, перехватывая взглядъ Маланьи.

Маланья вздрагивала, будто выронила правду, но справлялась и притворно фыркала:

— Да ты съ ума-то не сходи! — Хоть къ сыну-то родному не ревнуй.

Парфенъ сощуривалъ глаза. Какъ тетеву натягивалъ свой сиплый голосъ, и, какъ стрѣла, летѣло оскорбительное слово:

— Паску-уда-а!..

Давно убилъ бы онъ Маланью, если бы не уловилъ въ глазахъ ея такое, что заглушало злобу и приказывало ждать, искать, выпытывать.

II.

Однажды поздно осенью, когда ни на саняхъ, ни на телѣгѣ нельзя было уѣхать изъ тайги въ село, Парфенъ выжилъ Федьку изъ избы своей злобой. Поѣдомъ съѣлъ Маланью.

Федька взялъ винтовку, сталъ на лыжи, выругался за стѣной избушки, такъ, чтобы старикъ не слышалъ, и ушелъ на охоту.

А Парфенъ закрючилъ дверь избушки, медленно, не отнимая ногъ отъ земляного пола, наплылъ на Маланью и, какъ черный сонъ, навалился на нее:

— Пря-а-чешься?!..

Сдернулъ съ головы подшалокъ, раскосматилъ волосы, намоталъ ихъ на руку и притянулъ Маланьино

лицо къ себѣ такъ близко, что борода его залѣзла къ ней за воротникъ. И шипучимъ голосомъ допрашивалъ:

— Ну, змѣя... Ну-у?!..

Маланья сдѣлалась вдругъ гибкой, легкою какъ молодица, и покорнымъ, прерывающимся голосомъ молила:

— Да никого-о я, окромя тебя... не зна-аю... Ну, ка-аюсь... Одинъ Максимъ былъ моимъ полюбо-о-о...

Это «о» такъ и вырвалось изъ избушки и понеслось по лѣсу печальной пѣсней...

Парфенъ еще жаднѣе вбиралъ въ свой ротъ пропахшую махоркой и дегтемъ бороду и жевалъ ее большими волчьими зубами, а руки его толкали въ твердый полъ Маланьино лицо:

— Скажешь?.. Не скажешь?!..

Только тутъ, впервые въ жизни, Маланья оскорбилась:

— Не скажу!! — прохрипѣла она и обѣручъ схватилась за бороду старика.

Схватилась и, какъ лежала на боку, такъ и потянулась вся съ перекошеннымъ ртомъ къ зернистому носу Парфена.

Впервые сдѣлалось Парфену страшно. Онъ рванулся отъ Маланьи и въ рукахъ ея оставилъ окровавленные клочья бороды.

Вышелъ изъ избушки и ходилъ возлѣ нея до вечера, какъ обложенный медвѣдь.

Маланья долго сидѣла на полу, ощупывая синіе кровоподтеки на лицѣ, долго не могла завыть,—подавилась страшною обидой. А потомъ приподнялась, умылась, вышла изъ избушки и потрясла сухимъ кулакомъ въ сторону Парфена:

— Врешь, проклятый! — Врешь, острожникъ! — Ничего ты не узнаешь.

А про-себя чуть слышно и рѣшительно шептала:

— Убьетъ, — все сгинетъ... Надобно скорѣе открыться Федькѣ.

Парфенъ ходилъ возлѣ избушки, прикидывалъ въ умѣ, какъ вытрясти изъ бабы правду, и жевалъ отъ злобы остатки бороды.

Федька пришелъ съ охоты поздно, когда въ избѣ было темно. А на утро увидалъ затекшее лицо Маланьи и вырванную бороду Парфена и заржалъ отъ дикаго веселья:

— Натѣшились? Ха-ха-а! У обоихъ рожи-то какъ перекосило...

Дикарь былъ Федька, не смыслилъ, что мать изъ-за него страдаетъ, счастье бережетъ ему, звѣренышу.

Въ лѣсу родился, въ лѣсу выросъ; возлѣ смолокуровъ только и науки — ругань.

Весь просмолился, прокоптѣлъ возлѣ дегтярныхъ ямъ, — въ Петровку ни одинъ комарь не сядетъ, не укуситъ. А волосы — кора-корой.

Смолой лѣчился отъ брюшной боли, дегтемъ смазывалъ царапины и вереда, дегтемъ мазалъ трескавшіяся отъ солнца губы.

Настоящій дьяволенокъ, выкинутый изъ ада, гдѣ грѣшники въ смолѣ кипятъ.

Невзначай однажды увидалъ себя въ водѣ, и долго по лѣсу носился его дикій смѣхъ. Не могъ налюбоваться на себя, — глядѣлъ въ воду и хохоталъ на разные лады.

Мать какъ-то закричала:

— Да ты хоть разъ умойся! — Дай волосы-то остригу.

Федька оскалилъ зубы, а глаза его совсѣмъ исчезли въ узкихъ прорѣзяхъ.

— Ха-ха-а... — смѣялся Федька, вспомнивъ про себя въ водѣ.

— Олухъ, прости, Господи... Женить вѣдь скоро надо...

Федька озорно поглядѣлъ на мать и облизнулъ намазанныя дегтемъ губы.

— Жени, — храбро согласился онъ, но, какъ будто испугавшись, что мать за это поколотитъ его, опасливо отпрыгнулъ отъ нея и ждалъ, что будетъ дальше.

— Звѣренышъ ты, звѣренышъ и есть. — Тятенька родимый — чертенокъ дегтяной!

— А женишь? — еще подальше отступилъ отъ матери Федька и стоялъ на полусогнутыхъ ногахъ, готовый къ новому прыжку.

— Женю! — пригрозила Маланья, и по изрытому побоями лицу ея заиграла мягкая улыбка.

III.

Чему-чему, а жениханью учиться не надо. Придетъ пора, потянетъ парня къ дѣвкѣ, — вотъ и все.

Увидалъ Федька Дарку Туголукову, — съ дегтемъ разъ въ недѣлю мимо ѣздила.

Увидалъ, свистнулъ вслѣдъ, захлебнулся смѣхомъ, — и въ другой разъ потянуло...

И началъ каждый разъ глядѣть въ ту сторону, откуда должна ѣхать Дарка.

Чаще сталъ глядѣть на себя въ воду, умываться сталъ. — Даже остригся.

Дарка постоянно съ пѣсней ѣхала.

А какъ увидитъ Федьку, — перестанетъ пѣть, стегнетъ по лошади и скроется. Закипѣла на сердцѣ у Федьки смола.

Сталъ Федька въ деревню ѣздить, на вечеринку отважился пойти.

Вкусно пахло отъ дѣвокъ новымъ кумачемъ и всѣхъ вкуснѣй отъ Дарки.

Пойдетъ къ Даркѣ, а она толкается.

— Фу-у, какъ дегтемъ-то провонялъ! Съ души претъ. Уйди!

А сама тоже смолокурка, только въ банѣ часто парилась.

И Федька въ баню сталъ похаживать, — не помогло.

Запалила смола душу Федькину. Пересталъ онъ зубы скалить. Началъ мать корить:

— Одного родила и того непутеваго. А тоже: «женись!..»

Осталась у него одна утѣха, — взять винтовку, стать на лыжи — да въ лѣсъ, за звѣремъ промышлять...

Но вдругъ Маланья улучила время безъ Парфена; схватила за вихры Федьку и сказала:

— Дуракъ ты, Федька, дуракъ! Ничего-то ты не знаешь... А я-то, я-то для тебя полжизни загубила.

Федька выпучилъ дремучіе зеленые глаза, не понималъ.

— Счастье-то какое для тебя я сберегла...—Маланья снова вдругъ помолодѣла, и въ глазахъ ея сверкнула

скрытая, веселая игра. — Красавчикомъ оно тебя доспѣетъ!.. Не токмо Дарка, сама царевна выйдетъ за тебя, глупенышъ ты мо-ой!..

Федька ничего не понималъ. Одно онъ зналъ: не надо ему никакой царевны, Дарку ему надо. И, можетъ, только для того, чтобы пошибчѣе отлупить.

— Задается больно, язва!..

— Слушай, ты, дуракъ. Не проронi ни слова. — Маланья все сильнѣе теребила за волосы Федьку, чтобы понялъ, чтобы почуялъ, какiя сильныя слова она ему откроетъ: — Верстъ двадцать отсюдова... — шептала она задыхаясь. — Въ тайгѣ, за рѣчкою... есть логъ одинъ... Съ отцомъ твоимъ давно, давно была я тамъ... Нашелъ онъ тамъ три самородка... золотые... Чуешь ты, глупенышъ?!

Маланья задохнулась, слезы брызнули на слипшiеся, дегтяные волосы Федьки.

— Вотъ погоди ужо весна прiйдетъ...

Еще что-то хотѣла главное открыть Маланья Федькѣ, да оглянулась: поблазнило ей, что за спиной Парфенъ зубами скрипнулъ.

Нѣтъ, не поблазнило.

Парфенъ стоялъ за нею и сверлящими глазами пожиралъ и Федьку и Маланью...

— Понялъ!.. Услыхалъ, острожникъ!.. Отгадалъ загадку!

Остановилось Маланьино сердце. Выпило всю кровь съ лица...

Но изъ бороды Парфена выпали чужiя, незнакомыя слова :

— Маланьюшка!.. Сердечушко...

Старикъ держался за сердце и трясся, еле стоялъ на ногахъ.

— Врешь, змѣй лютый!.. Врешь, змѣй подколодный, — говорили нѣмые глаза Маланьи. — Давно бы ты сгубилъ насъ... Давно бы промоталъ все... пропилъ!..

И не смѣла поглядѣть на сына. Будто вмѣстѣ съ взглядомъ упалъ бы на его голову топоръ, который держали трясущіяся руки Парфена.

И затянулъ всѣхъ крѣпкій узелъ, неразрывная удавка, схлестнувшаяся изъ трехъ тропинокъ: Парфеновой къ богатству, Маланьиной — къ счастью Федьки, а Федькиной — къ Даркѣ чернобровой.

IV.

Парфенъ изъ-за жажды быть богатымъ молодость свою на каторгѣ оставилъ. Всю жизнь проползъ воромъ, а не человѣкомъ. И вотъ оно богатство гдѣ-то близко, протяни руки и бери... Но ключъ къ нему — на нутрѣ Маланьи.

— Немножко бы... Немножечко пожить безъ дегтю на сердцѣ... — шепчетъ онъ возлѣ Маланьи и добирается руками до этого нутра, какъ будто хочетъ вырвать, силою отнять золотую думку у Маланьи.

Онъ хочетъ быть съ Маланьей ласковымъ, хочетъ приголубить, приласкать ее, а руки противъ воли тискаютъ ея тѣло: Маланья въ темнотѣ безсонной ночи хрипитъ, какъ передъ смертью...

Федька какъ вошелъ въ избушку, съ вечера, остановился у порога, такъ и не выпускалъ изъ рукъ вин-

товку. И Парфенъ про это знаетъ... Потому-то онъ и говоритъ такимъ чужимъ, совсѣмъ не своимъ голосомъ:

— Маланьюшка!.. Сердечушко!.. Скажи, откройся... Вмѣстѣ съ Феденькой мы будемъ добывать... Не изобижу.

Маланья слышитъ и не слышитъ. Зеленые круги идутъ во тьмѣ передъ ея глазами, такіе зеленые, какъ тотъ лужокъ, на которомъ когда-то давно спозналась она съ Максимомъ... Много разъ потомъ ходила она туда по-хмѣль, по-смородину. А отъ этого лужка, наискосокъ, по косогору... Все по косогору шли они съ Максимомъ, до самаго до счастья. До самыхъ зеренъ золотыхъ, величиной въ подсолнушное сѣмя.

И дѣлаются круги въ глазахъ Маланьи меленькими, желтенькими и тяжелыми. Засыпали все тѣло, давятъ грудь. Совиными когтями въѣдаются подъ самое сердце...

— Скажи примѣтку-то!.. Ска-жи-и!

— О-ох-те... мнѣ-ѣ!..

Маланьинъ крикъ беретъ за середину Федьку...

Жмется онъ къ порогу и цѣлится на нары въ темноту на сиплый голосъ старика и скулитъ, какъ ущемленный:

— Не мучь... Не мучь ее... Не му-учь!..

Палецъ его дрожитъ, вотъ-вотъ нажмётъ собачку, мучительно ему отнять руку отъ винтовки и нельзя отнять: у Парфена — подъ рукой топоръ... И нельзя нажать: противъ дула, рядомъ съ головой Парфена, — материна грудь, а можетъ — голова... А голова эта нужна: въ ней — золото, въ ней — ключъ отъ жизни, ключъ отъ сердца Дарки...

Страшно Федькѣ выйти изъ избы: — убьетъ Маланью каторжный... И страшно броситься на выручку: — силенъ острожникъ, съ топоромъ лежитъ...

И еще другое, незнакомое изъ Федькиной души сочилось, отливалось въ боль и вырывалось жалкими словами:

— Не мучь... Не мучь ее... Не му-учь!...

И крикъ Маланьи еще больнѣе терзаетъ Федьку.

Упали, видно, въ ея душу Федькины слова, огнемъ пылаютъ, кровью облились. Кричитъ она, и больно, нестерпимо ухватился этотъ крикъ за душу Федьки... Не удержалъ онъ непослушный палецъ: — Нажалъ собачку, ничего не думая, зажмуривши глаза...

Охнула, подпрыгнула отъ выстрѣла избушка и захлебнулась дымомъ ѣдучаго пороха.

Пока дымъ таялъ, была слышна возня и хрипъ на нарахъ... А дымъ исчезъ, — затихло все. Федька сѣлъ на корточки и не смѣлъ подняться на ноги...

И сидѣлъ такъ до разсвѣта.

Пришелъ разсвѣтъ, и провалилась въ немъ тропинка къ сердцу Дарки, пѣсенницы крутогрудой.

Увидѣлъ Федька двухъ покойниковъ и почему-то вспомнилъ про черныя отъ дегтя ямы...

Много накурили въ жизнь свою Маланья и Парфенъ смолы... Будетъ въ чемъ кипѣть Федькѣ въ аду кромѣшномъ...

* * *

Лѣтомъ въ томъ году смола и деготь сильно вздорожали. Всѣ смолокуры еще съ весны какъ взбелени-

лись, — побросали свои ямы и на полсотни верстъ вокругъ Маланьинаго стана изрыли тайгу желѣзными лопатами: золотой Максимовъ пріискъ отыскать хотѣли. Да такъ и не нашли. Только лѣто потеряли зря.

Одинъ Федька не искалъ, весну и лѣто просидѣлъ въ тюрьмѣ, а осенью ушелъ на каторгу.

А какъ ушелъ Федька на каторгу, многіе изъ дегтярей еще глубже запрятали въ себѣ неотвязную думку: «Какъ придетъ весна, непремѣнно надо поискать».

Ѣдетъ смолокуръ деревней съ бочкой дегтя, черный, грязный, пропахшій дымомъ и смолою, и кричитъ, съ кровью отдирая отъ нутра надсадное, какъ стонъ:

— Дех-тю! Дех-тю! Дех-тю-у!

А въ глазахъ блестятъ золотыя искорки лукавой надежды:

— «Счастье, какъ солнышко... И дегтяря можетъ согрѣть, побаловать»

И смекаетъ про себя:

— «Много въ тайгѣ изъ-за этого грѣха доспѣется»...

И, чтобы не выронить, не выдать тайной думки, дегтярь стегаетъ свою клячу и снова стонетъ:

— Дех-тю... Дех-тю-у!...

ДРЕМЬ.

I.

До двадцати годовъ Корнѣй не выѣзжалъ изъ горъ, и даже какъ-то не разспрашивалъ о равнинахъ въ той сторонѣ за горами, куда каждый вечеръ закатывается солнышко. Зналъ, что оттуда на вьюкахъ привозятъ бѣлую муку, порохъ и расписные ситцы для рубахъ. Не любопытно ему было даже и то, что грамотеи старики всегда по праздникамъ о чемъ-то важно разговаривали въ сумрачной моленной, иной разъ спорили, и потрясая костылями, упоминали слово «Русь», какъ-будто сами были не русскіе. Корнѣй и впрямь не зналъ, былъ ли онъ русскій. Онъ слышалъ, что басурмане послѣ смерти въ адъ пойдутъ, а басурмане тѣ, кто креста на шеѣ не имѣетъ и за столъ садится не крестясь или не молясь ложится спать. И монголы, калмыки и киргизы, что за хребтомъ живутъ, гдѣ солнце всходитъ — тоже басурмане. Всѣ же люди, проживавшіе на рѣчкѣ Разсыпной, называются ясашные, и онъ, Корнѣй — ясашный, а почему ясашный никого не спрашивалъ. Зналъ только, что тамъ на Руси почти всѣхъ

молодыхъ парней въ солдаты берутъ, а царь печать антихристову къ нимъ прикладываетъ, чтобы душу дьяволу отдать; ясашныхъ же въ солдаты не берутъ, и они не должны даже изъ одной чашки ѣсть съ тѣми, которые живутъ тамъ, на равнинахъ...

Да и не было нужды Корнѣю о чемъ-либо безпокоиться.

Было у него одно опредѣленное и ясное сознаніе, что онъ, какъ и Терешка съ Климкой, какъ и всѣ сыновья богатыхъ пчеловодовъ, никого не боятся, ни въ чемъ не нуждаются, самимъ Богомъ избраны для жизни въ Бѣловодьѣ, чтобы вѣру старую спасти.

Поэтому на всѣхъ, кто жилъ не съ ними, не на рѣчкѣ Разсыпной, смотрѣли какъ на людей нечистыхъ, по настоящему не православныхъ, табашниковъ, никоніанъ, еретиковъ и грѣшниковъ.

Слыхалъ Корнѣй, что раньше, лѣтъ назадъ полсотни, дѣдамъ приходилось трудно, даже отцы наплакались въ горахъ безъ хлѣба, безъ жилья, безъ охотничьихъ припасовъ. А главное — терпѣли много отъ начальства и отъ никоніанскихъ ересей. Какъ за звѣрями охотились за ними, и старики — какъ звѣри же: уйти далеко въ глушь силы не хватало, тамъ не было ни хлѣба, ни жилья, ни топора. Все надо было на Руси добывать. И близко отъ Руси нельзя было жить. Жили, какъ волки, ни близко, ни далеко отъ заселій. Ужъ потомъ только, когда силъ набрали, тропки въ глушь протоптали, исподтиха пасѣками тамъ обзавелись — тогда переселились къ самымъ истокамъ Бѣловодья.. И зажили, благословясь, на славу.

За то вотъ и благословилъ Богъ: всякой благодати чаши полныя и отъ грѣховъ подальше, и къ благочестію поближе — какъ въ скиту...

Корнѣю вовсе думать ни о чемъ не доводилось. Все было само собою, все во время и въ изобиліи. Это послѣ ужъ онъ началъ разбираться: кто бѣдный, кто богатый, кто сытый, кто голодный; а что такое голодъ — понялъ только на охотѣ, лѣтъ семнадцати, и то, когда одинъ на промыселъ пошелъ. А отъ того, что дѣтство протекло гладко, сытно, безпечно, — не научился ни надѣяться, ни вспоминать, ни думать, и потому не зналъ: что значитъ хорошо, что значитъ плохо. Зналъ только, что значитъ больно и что значитъ весело. Плакалъ же другой разъ зря: либо о матери, которая уйдетъ по хмель или по ягоды, либо съ досады на отца, который уѣзжалъ верхомъ въ сѣдлѣ въ горы, а его не бралъ.

Плакалъ какъ-то разъ съ испуга. Угнался за отцомъ по лѣсной тропинкѣ, заблудился тамъ и ночью кое-какъ пришелъ домой.

И плакалъ больше отъ того, что кто-то дразнился въ лѣсу... Онъ плачетъ и тотъ плачетъ, онъ ругается — и тотъ ругается. И до сихъ поръ Корнѣю кажется, что это чортъ. Потому-то никогда онъ не поетъ и безъ нужды громко не кричитъ въ лѣсу.

Да и всѣ, живущіе въ горахъ, всегда ѣдутъ по лѣсу молча. Только возлѣ рѣкъ, всегда шумливыхъ, быстрыхъ и прохладныхъ, начинаютъ разговаривать и разговариваютъ громко, чтобы перекричать рѣку. И дома также громко разговариваютъ потому, что всѣ дома стоятъ на берегахъ все тѣхъ же быстрыхъ и шумли-

выхъ рѣчекъ. У многихъ рѣчки даже дворами загорожены, что бы не нужно было скотину гонять на рѣчку: пусть пьетъ сама, когда захочетъ.

Скотъ ѣлъ и пилъ и десятки лѣтъ сорилъ навозомъ въ рѣчки, но рѣчки такъ быстры и сильны и такъ часто послѣ дождей становятся могучими, что никогда не дѣлаются мутными, всегда прозрачны, быстры и веселы.

Споконъ вѣку такъ заведено: вверху полощутъ грязныя рубахи, внизу берутъ воду на щи и кашу, и никогда никто не хварывалъ, и рѣдко кто не въ свое время умиралъ. И ребятишки росли пухленькіе, съ ниточками на ногахъ и на рукахъ, съ отвисшими, плотно набитыми ядреной кашей, животами.

Какъ солнышко пригрѣло — сейчасъ въ рѣчку, хоть весной, хоть осенью, когда забереги ледяные застываютъ.

А прійдетъ зима, всѣ передъ купаньемъ въ баняхъ черныхъ, дымныхъ, жаркихъ до красна напарятся и прямо раскаленные, дымящіеся паромъ, крякаютъ въ ледяной рѣкѣ, какъ отъ крѣпкой браги.

И избы приземистыя, коренастыя, изъ лиственницы и кедрача, присаживались къ рѣчкамъ плотно, навѣкъ. Покрытыя березовой корою, съ самодѣльною рѣзьбою на конькѣ и надъ окошками, съ глухими сѣрыми крылечками, съ восковыми, желтыми полами — онѣ глядѣли узкими окошками степенно, строго и упрямо, и въ нихъ-то, въ этихъ избахъ, въ длинныя зимнія ночи, зачинались новые люди, новыя поколѣнья, маленькіе Климки и Терешки, чтобы съ трехъ-пяти лѣтъ разъ навсегда запомнить, что горы и лѣса и рѣки, травы, рыбы, звѣри — все это создано для нихъ, и

все это должно давать имъ пищу, тепло, уютъ и радости, и ту простую жизнь, отъ которой ни одинъ изъ стариковъ, спущенныхъ въ долбленныхъ крѣпкихъ домовинахъ въ каменныя могилы на пригоркѣ — не подумалъ добровольно отказаться...

И вотъ — до двадцати годовъ Корнѣй не прожилъ, а пробаловалъ.. А въ двадцать лѣтъ — похоронилъ отца — лѣсиной его задавило на порубкѣ. Потомъ разругался со стариками изъ-за вѣры — требовали они, чтобы онъ какую-то эпитимію понесъ — отца похоронилъ не по обряду, — а онъ не то сглупа, не то съ досады брякнулъ имъ въ моленной:

— А, ну васъ къ лѣшему!.. Не до того мнѣ-ка теперь. У меня на рукахъ сироты, пасѣка, хозяйство! Мать отъ горя слѣпнетъ... надо — дакъ молитесь, это ваше дѣло, стариковское!..

Даже не смыслилъ Корнѣй, какую онъ бѣду накликалъ на себя.

Не только старики, родной дядя, всѣ сосѣди отвернулись отъ него, какъ отъ нечистаго, а мать вовсе изошла слезами.

И пошло все достоянье, все отцовское обзаведенье на позоръ. Черезъ годъ узнать нельзя было заимку: — лошади, хоть ребра сосчитай, коровъ наполовину звѣрь въ лѣсу задралъ отъ недогляда, дворы поразвалились. Только пасѣка держалась, да и то пока тамъ мать съ меньшими ребятишками жила. А мать свалилась, пролежала лѣто на одрѣ, и отъ пасѣки остались три десятка лежаковъ.

Но все это какъ-будто не тревожило Корнѣя, хотя въ глаза сосѣдямъ онъ не сталъ глядѣть: встрѣтитъ

кого, натянетъ шляпу на глаза и отвернется. А чаще — набьетъ сумку сухарями, возьметъ отцовскую винтовку и уйдетъ куда-нибудь дня на три, а то и на недѣлю. И ходилъ на промыселъ, не какъ заправскіе охотники — безъ собаки.

Разстрѣляетъ порохъ, явится худой, оборванный, голодный, и Климка съ Терешкой, неразлучные друзья-товарищи, смѣются, потѣшаются надъ нимъ, проходу не даютъ:

— Ладно они, барсуки-то, напугали тебя! Ишь бѣжалъ отъ нихъ — какъ оборвался... Вотъ Парунька то увидитъ — похохочетъ надъ тобой.

Пока смѣялись просто, по пріятельски, Корнѣй молчалъ и ухмылялся. А то скажетъ простодушно:

— Я слѣды медвѣжьи видѣлъ. Свѣ-ѣжіе. Большіе.

— И убѣгъ?..

— Нѣтъ, пошто!.. Я гдѣ не то его настигну! — и увѣренно и добродушно улыбался сверстникамъ.

Но какъ только они къ своимъ насмѣшкамъ приплетали Паруньку, которая и безъ того Корнѣя стала избѣгать, Корнѣй вдругъ свирѣпѣлъ и схватывалъ себя за поясъ, будто пробуя, достаточно ли туго подпоясанъ, — а свѣтло-сѣрые глаза его щурились, голосъ становился сиплымъ и глухимъ:

— А ты што лѣзешь? Ну!?. Какое твое дѣло?.. Ну!..

А самъ старался какъ-нибудь уйти и скрыться съ глазъ товарищей. И снова уходилъ въ лѣса и горы. Тамъ онъ дѣлался смѣлѣе и безпечнѣе. По цѣлымъ днямъ, не говоря, не думая, онъ превращался въ слухъ и зрѣніе и жадно искалъ случая напасть на слѣдъ,

найти, убить. Сначала убивалъ изъ озорства и любопытства, потомъ для пробы глаза и ружья, потомъ для славы, чтобы было чѣмъ похвастать на заимкѣ. А потомъ сталъ убивать потому, что уже не могъ не убивать — въ убійствѣ заключалось все: и жизнь, и развлеченіе, и слава. А слава открывала какъ-бы дверь къ Парунькѣ, и тутъ-то у Корнѣя завершалась радугой вся жизнь, всѣ его звѣриныя скитанія по ущельямъ, по лѣсамъ, по разсыпямъ и по трущобамъ.

Парунька была самый красный, самый цѣнный звѣрь, котораго хотѣлось взять живымъ и приручить къ себѣ вмѣсто собаки, чтобы никогда не разставаться.

Но Парунька, какъ лисица: хитра и ласкова, увертлива и зла... Сегодня приголубитъ, завтра насмѣхается... Всю разглядѣлъ ее Корнѣй. Всю ощупалъ такъ и этакъ. На всю жизнь запомнилъ запахъ ея сарафана, оспенныя крапинки на шеѣ, сосчиталъ всѣ бисеринки въ янтаряхъ. Ртомъ испробовалъ пушекъ на шеѣ, смуглую кожу на груди... Но глаза ея никакъ не могъ запомнить и всегда, какъ только встрѣчалъ, — глядѣлъ въ ея глаза, глядѣлъ не отрываясь, но снова забывалъ, что надо разглядѣть глаза, чтобы потомъ въ лѣсу припомнить. Но какъ только начиналъ глядѣть въ глаза — все забывалъ и безпокойно ждалъ: вотъ заблеститъ въ нихъ волчья искра, вотъ оттолкнетъ и крикнетъ:

— Чего уставился? Не прицѣливайся, я тебѣ не горносталька!

Если же не оттолкнетъ, не крикнетъ, то самъ Корнѣй начнетъ ей говорить:

— Парунька!.. Слышь ты. Парасковья! Пошто ты Климку манишь?.. И съ Терешкой прошлый разъ сидѣла у амбаровъ... Чѣмъ тебѣ я хуже? Ну-ка, ты... Парунька!.. Слышь ты... Утушка моя!..

И всматривался ей въ глаза такъ зорко, такъ близко, что она откинетъ отъ него голову и захохочетъ, какъ разсыплетъ бисера:

— Чегой-то ты присталъ? Валежина я тебѣ — навалился! Ну-у-ка! — и стряхнетъ съ груди руку его, выскользнетъ изъ его объятій.

А потомъ резонно такъ заговоритъ съ нимъ:

— Домашность-то пошто отцовскую не берегешь? Коевадни на пасѣку твою заѣхала — матка жалуется, што скотина ульи повалила. Пошто не огородишь? Городьба-то повалилась вся.

Корнѣй глядѣлъ въ ея теперь такіе близкіе, такіе ласковые глаза и не умѣлъ ей отвѣтить.

А она опять разсыплетъ бисера и спрашиваетъ громко:

— А звѣрей-то много настрѣлялъ? Звѣровщикъ!.. Поди, медвѣдей-то боишься? Какъ я съ тобой жить-то буду въ пасѣкѣ? Медвѣдь-то медъ, вѣдь, любитъ: прійдетъ!.. — и разсыпаетъ бисера — хохочетъ.

А у Корнѣя все растетъ, растетъ желаніе, страстное желаніе убить для Паруньки самаго матераго, самаго страшнаго звѣря.

И онъ, размашисто перекрестившись, говоритъ ей, задыхаясь и сверкая свѣтлыми, простоквашными глазами:

— Вотъ те Истинный! Убью!.. Вотъ увидишь — для тебя убью!..

И льняные волосы его азартно встряхивались со лба на темя и обратно.

II.

У Корнѣя израсходовались пули. Ихъ и было-то всего четыре: двѣ потратилъ на глухаря, окаяннаго какого-то, дьяволъ, что-ли, глухаремъ прикинулся. Видно было даже перья оба раза сыпались, а не душевредно: улетѣлъ. Третью въ воду уронилъ, когда перебродилъ Громотуху.. Послѣ дождей вода взыграла по-поясъ. Штаны снялъ, несъ въ рукахъ, поднималъ выше головы вмѣстѣ съ сумкой и винтовкой, чтобы порохъ не подмочить — выпала изъ сумки. Даже слышалъ — что-то булькнуло. Подумалъ — пуля, такъ оно и есть: пуля выпала изъ сумки, утонула. А четвертая... Ну, это не къ добру — когда послѣдняя пуля у охотника по мелкому звѣрю тратится; барсука убилъ. Да жирный, пуда въ полтора, едва продрался съ нимъ черезъ трущобы.

— «Соли нѣтъ съ собой, испортится — придется бросить», — досадовалъ Корнѣй.

А главное — не къ добру это. И такъ ужъ на сердцѣ не ладно что-то. Громъ ли, дождь ли, темнота ли или зло, что пули стратилъ — что-то разбудило въ душѣ тревогу.

Корнѣй дошелъ до знакомыхъ кедровъ, — четыре ихъ изъ одного корня лѣтъ полтораста росли, — бросилъ на землю добычу, оправился, досталъ огниво — и еще бѣда: трутъ не горитъ. Не то отъ поту, не то дождь попалъ, не то въ рѣкѣ купнулъ его невзначай — не горитъ, хоть выжми.

— Вотъ, Господи прости, оказія!..

А дождь, какъ изъ ведра, поливаетъ, и молніи глаза совсѣмъ ослѣпили, какъ стекломъ ихъ выкололи. И рѣка рядомъ реветъ, какъ семь звѣрей. Въ простую пору, когда все благополучно, даже не слыхать ея, уши привыкаютъ. А сегодня, какъ на грѣхъ, реветъ, терпѣть нельзя: оглушила. Подъ ногами грязь, и обогрѣться негдѣ. — «Надо хоть на лѣсину влѣзть, а то если медвѣдь есть близко — на барсука припретъ... Барсуки они, погань, вонючіе, за пять верстъ медвѣдь ихъ чуетъ»...

Хорошо еще топоръ былъ у Корнѣя.

Вынулъ его изъ-за пояса, вырубилъ на стволѣ ступеньку, привсталъ, до сучьевъ руками дотянулся влѣзъ повыше, срубилъ тамъ три сука потолще и смастерилъ на кедрахъ лабазъ.

Пока работалъ въ темнотѣ — вспотѣлъ, согрѣлся и повеселѣлъ.

И вышло хорошо: — хоть спи.

Спустился внизъ, набралъ побольше хворосту съ травой, настлалъ на лабазъ, забросилъ туда винтовку съ сумкой, сѣлъ поудобнѣе, досталъ сухари. Только первый сухарь сунулъ въ ротъ, хрумкнулъ крѣпкими зубами, да такъ ротъ сжатымъ и оставилъ: — услыхалъ потрескиванье сухихъ валежныхъ сучьевъ. И такъ ясно услыхалъ, — какъ будто рѣчного шума вовсе не было. И правда, шумъ рѣки куда-то провалился, слышны были только эти новыя и осторожныя потрескиванья бурелома.

— Такъ и есть — унюхалъ, варначина: подкрадывается. Ну, скажи на милость! Надо же мнѣ было

на себя эдакую приманку добыть... Да хорошо, что хоть съ собой на лабазъ не втащилъ. Сожретъ тамъ и уйдетъ, быть можетъ.

Корнѣй неслышно приготовился: пощупалъ ножъ у пояса, топоръ взялъ въ руки, винтовку положилъ поближе, что бы хоть тычкомъ «ему» по мордѣ дать.

Легъ половчѣе, лицомъ внизъ, и потихоньку прожевалъ сухарь.

Даже усмѣхнулся, слушая:

— «Кряхтитъ, должно, наткнулся на сукъ вострый! — прошепталъ Корнѣй. — Экъ, што-бъ те брюхо пропороть да кишки вымотать!..»

И воспомнилъ, что если медвѣдь на что наткнется — начнетъ злиться и кричать и драться съ виноватою валежиной...

Корнѣй потихоньку доставалъ сухарики, грызъ ихъ съ плотно сомкнутыми губами и ждалъ, что вотъ начнется ревъ и трескъ, драка съ лѣсомъ.

— «Нѣтъ, притихъ што-то... Неужто человѣка чуетъ?» — Корнѣй вглядѣлся въ темноту и снова услыхалъ тяжелый, все заполнившій собою шумъ рѣки, а увидать — такъ ничего и не удалось.

Откуда-то въ ущелье ворвался вѣтеръ, тряхнулъ верхушками кедровъ и пролилъ на Корнѣя цѣлые ручьи воды. Потомъ Корнѣй приподнялъ голову и сквозь черную повѣть хвои, сквозь маленькую прорѣху сѣрой тучи увидалъ звѣздочку. И лишь потомъ замѣтилъ, что дождя уже нѣтъ.

Опять легъ на животъ и сталъ приглядываться и прислушиваться внизъ.

Долго такъ лежалъ. Даже спина озябла и отерпла рука, державшая топоръ подъ грудью. А мокрая хвоя подъ нимъ стала горячей. Ничего не видать и не слыхать.

— «Што за оказія? Неужто мнѣ поблазнило!» — Корнѣй снова усмѣхнулся надъ собою и подумалъ: — «Увидали бы меня теперь Терешка съ Климкой, — проходу не дали бы, черти, застыдили».

Потомъ Корнѣй невольно вспомнилъ Паруньку. Перво-наперво вспомнилъ, что она всегда горячая и мягкая такая, — «уснуть бы съ ней хоть разъ когда-нибудь!»

Вспомнилъ и зажмурился.

Грѣховъ еще большихъ за нимъ не было. Возлѣ амбаровъ какъ-то разъ уснулъ лежа головой у Паруньки на колѣняхъ и такъ-то хорошо спалось, что и грѣхи на умъ не шли.

Корнѣй даже опять почуялъ запахъ Парунькинаго сарафана и рта: изъ рта ея всегда листвяжной сѣрой пахнетъ. И зубы ея вспомнилъ: крупные и бѣлые — всегда смѣется.

Такъ и забылъ про всѣ опасности и задремалъ Корнѣй на лабазѣ.

Подъ неумолчный шумъ рѣки увидѣлъ пестрый сонъ: то будто зимнею порою по застывшей и засыпанной снѣгомъ рѣкѣ мчится онъ на тройкѣ вмѣстѣ съ Климкой и Терешкой, и подвязанные подъ дугой колокольцы звенятъ на все ущелье. То будто онъ плыветъ на льдинѣ спиной внизъ и не можетъ перевернуться, — боится упасть въ воду, а гдѣ-то по берегу бѣгутъ Па-

рунька съ Климкой и Терешкой и хохочутъ всѣми голосами надъ Корнѣемъ.

А рѣка шумитъ, крошитъ льдины на куски и мчитъ Корнѣя въ пропасть, къ разъяреннымъ водопадамъ у Медвѣдь-горы. . .

Корнѣй вздрогнулъ, даже охнулъ и проснулся.

Проснулся и не сразу понялъ, гдѣ онъ. Подъ грудью у него въ побагровѣвшей рукѣ, на которой отпечатался узоръ домотканнаго зипуна, закоченѣлъ топоръ, къ щекѣ прилипла вѣточка хвои, а на свалившейся съ головы войлочной шляпѣ серебрился иней.

Чуть брезжило утро. Высоко на ломанномъ хребтѣ горы сквозь тяжелый и сѣдой туманъ процѣживался блѣдный румянецъ зари.

Потомъ въ уши ворвался ревущій шумъ рѣки, и лишь тогда Корнѣй припомнилъ все.

Припомнилъ и взглянулъ подъ кедры. И опять упалъ куда-то, провалился шумъ рѣки, опять оцѣпенѣлъ Корнѣй на лабазѣ, и только дрожь, ядреная и острая, какъ тысячи иголокъ, напомнила ему, что онъ еще не окончательно застылъ, не умеръ, не оглохъ и не ослѣпъ.

Широко открытымъ удивленнымъ взглядомъ впился Корнѣй в то, что видѣлъ внизу подъ кедрами и даже промычалъ съ усмѣшкой и чуть слышно осипшимъ, полусоннымъ голосомъ:

— Гляди-ка ты: съ семьей!..

Никогда и никому въ жизни не повѣрилъ бы Корнѣй, что вотъ такъ просто, почти среди бѣла дня, можно увидѣть медвѣжиху съ медвѣжатами... И не то, что какъ-нибудь мелькомъ или въ западнѣ, а вотъ на волѣ,

— «Ни за что Терешка съ Климкой не повѣрятъ!.. Честь-честью, будто къ куму въ гости пришли и разсѣлись при бесѣдѣ»...

Это было занятно и такъ ново, что Корнѣй даже забылъ о страхѣ. Не шевелился же и даже не дышалъ лишь потому, чтобъ не спугнуть невиданнаго зрѣлища.

Припалъ глазами къ лабазу и глядѣлъ черезъ сѣтку хвои внизъ, и даже, несмотря на терпкій запахъ сѣры, чуялъ запахъ звѣря: точь въ точь такой же, какъ пахнутъ свиньи въ хлѣву.

Сама сидѣла на заду, раскорячивъ заднія лапы, отчего одна изъ нихъ то и дѣло срывалась съ покатаго мѣста и цѣплялась когтями о грязную землю, оставляя на ней легкія царапины. Передней правой лапой опиралась о стволъ дерева, а лѣвая передняя висѣла и покачивалась въ тактъ тому, какъ оба медвѣженка тыкали тупыми мордами ей въ брюхо.

И показалось Корнѣю, что глаза у медвѣжихи сонные и узенькіе, и она лѣниво, нехотя глядѣла ими на деревья, а ротъ чуть-чуть открытъ, и черный пятачекъ на носу едва шевелится, принюхивается къ чему-то.

Медвѣжата, съ добрую собаку ростомъ, толстые и пышные, то и дѣло ощетинивали свои хребты и дѣлались круглыми, какъ ежики.

И у нея хребетъ то вставалъ дыбомъ, то приглаживался, и видно, какъ на кончикахъ щетинъ посверкивали капельки росы.

Корнѣй соображалъ и спрашивалъ себя:

— Неужто сонъ я вижу?

А потомъ опять глядѣлъ на медвѣдей.

— Ишь, барсука-то слопала и подобрѣла: ребятишекъ призвала, накормитъ и уйдетъ... Али не уйдетъ? А ну, какъ она человѣка чуетъ; ишь, носомъ-то нюхтитъ...

И вотъ опять въ Корнѣя вонзились тысячи иголокъ, онъ чуть не крикнулъ и припомнилъ: теленгиты и сойоты покойниковъ на деревьяхъ погребаютъ, а медвѣди приходятъ, стаскиваютъ и ѣдятъ. — «Падаль они любятъ больше, чѣмъ свѣжинку»...

— Проголадается проклятая и будетъ лѣзть за мной... Либо ребятъ своихъ начнетъ учить. Продержитъ она меня тутъ сутокъ трое и замучаетъ!

И вдругъ какое-то отчаянное чувство охватило парня. Вмѣстѣ съ тѣмъ невтерпежъ стало лежать безъ движенія. Чуялъ, — все въ немъ стало застывать, и вотъ-вотъ все развалится по всѣмъ суставамъ, какъ въ гробу...

Внезапно обожгло его желаніе кричать. Самъ не зная почему, — не то со страха, не то изъ озорства, не то отъ страшной боли, — онъ наглоталъ полную грудь воздуха и хрипло закричалъ, отчаянно и дико.

Все тѣло его стало корчиться, какъ въ судорогѣ, глаза заволокла слеза, а ротъ кривился и, не закрываясь, выпускалъ пронзительные крики ненависти, страха и отчаянья.

А въ уши ползли, какъ колючія и горячія змѣи, другіе вопли, снизу, какъ будто тамъ табунъ свиней живьемъ жгли на кострѣ.

У Корнѣя сморщилось лицо, глаза стали, какъ щелки, и въ нихъ совсѣмъ потухли зрачки. Онъ уже сидѣлъ на лабазѣ, рубилъ топоромъ стволъ кедра и кри-

чалъ безъ словъ, безъ смысла, однимъ сплошнымъ крикомъ, и крикъ его и вопли снизу сливались въ общій ревъ и разсыпались многозвучнымъ эхомъ по горамъ...

Но вотъ Корнѣй нечаянно взглянулъ подъ кедръ и встрѣтилъ тамъ такой же узкій, обезумѣвшій зеленый взглядъ вздыбившагося и ощетинившагося звѣря. И, точно состязаясь, Корнѣй настойчивѣй и злѣе сталъ глядѣть въ эти зеленые, безъ зрачковъ, глаза на страшной сморщенной мордѣ и, какъ бы дразня звѣря, тоже сморщилъ носъ, обезобразилъ отчаянною злобою и страхомъ свое лицо, и все сильнѣй кривилъ его, и, не моргая, кололъ глазами медвѣжиху и ревѣлъ разными голосами все сильнѣе и упрямѣе.

И вдругъ медвѣжиха попятилась и опрокинулась на спину, потомъ перевернулась на ноги и понесла свой крикъ подъ косогоръ въ трущобы, вмѣстѣ съ сухимъ трескомъ бурелома... И увидалъ Корнѣй, что за нею потянулась тонкая и непрерывная нить, точно паутина за крестовикомъ, только не бѣлая, а красно-зеленая..

И крикъ Корнѣя перешелъ въ хохотъ, а потомъ смѣнился какъ бы заунывной пѣсней и сразу оборвался: не хватило голоса.

Корнѣй расправилъ ноги, потянулся, сѣлъ, какъ слѣдуетъ, протеръ ладонями глаза и устало простоналъ чуть слышно:

— Фу-у,Господи!.. Че-же это?

И медленно сталъ слѣзать съ лабаза, увѣренный въ своей побѣдѣ.

По свѣжему и жидкому красно-зеленому слѣду, оставленному на травѣ, по обрывкамъ растянувшихся кишекъ онъ медленно прошелъ въ оврагъ и, не доходя

до неподвижнаго и бураго, отъ котораго шелъ свѣжій паръ, онъ остановился съ поднятымъ топоромъ и прошипѣлъ:

— Вѣдь, напоролась!.. Вотъ оказія!.. А я думалъ и вправду, што съ испугу они подыхаютъ... — промямлилъ парень и сталъ подкрадываться къ звѣрю.

Медвѣдица лежала, какъ будто приготовилась для новаго прыжка. Изъ подъ хвоста ея вмѣстѣ съ поносомъ сочилась кровь, и Корнѣй хотѣлъ снять шляпу, чтобы съ радости перекреститься, но шляпы на головѣ не было. Вмѣсто шляпы стали дыбомъ волосы и не прилегали, какъ нужно.

Только теперь, по настоящему, Корнѣй оцѣпенѣлъ отъ страха.

Онъ медленно озирался по сторонамъ и синими губами чуть шепталъ:

— А маленькіе-то куда дѣвались?.. Ишь утянулись, сволочи! Должно, она ихъ раньше услала...

Изъ-за горы скользнули въ ущелье первые лучи солнца и будто откупорили уши Корнѣя. Въ нихъ опять ворвался дикій, неумолчный ревъ рѣчки Громотухи, прибывшей за ночь и катившей по руслу крупные, гладко отшлифованные камни.

Съ горы снимались и уносились въ синюю глубь неба пышные клочья тумана, бѣлые, какъ пѣна и чудесные, какъ первая большая радость.

Корнѣй и вѣрилъ и не вѣрилъ, что такъ легко свалилъ онъ перваго медвѣдя.

И даже не стыдился хвастать самъ съ собою:

— Ну, теперь Терешкѣ съ Климкой носъ утру я!..

А самъ не зналъ, какъ приступить къ огромной тушѣ звѣря, и какъ нести домой сырую шкуру.

Долго думалъ, провозился до полудня, снялъ шкуру и затащилъ ее на лабазъ. Потомъ разостлалъ тамъ шерстью вверхъ, легъ на нее и проспалъ, какъ убитый, до новой ночи.

Только на другое утро, выбившись изъ силъ, коекакъ перевалилъ черезъ Медвѣдь-Гору и, злой и важный, спустился къ заимкѣ съ медвѣжьей шкурой на плечѣ.

III.

У амбаровъ дьяка Саватѣя Карпыча, выстроенныхъ на отлетѣ, на пригоркѣ, рядомъ съ кладбищемъ, ярко пестрѣли красные, и синіе, и желтые рубахи, сарафаны и платки.

Праздновали Спасу.

Корнѣй сразу замѣтилъ желтые цвѣты на сарафанѣ Паруньки и синюю рубаху Климки, который сидѣлъ рядомъ съ дѣвкой, грызъ орѣхи и, низко наклонясь къ ея лицу, должно быть, говорилъ ей што-то тайное.

Кругомъ сидѣли и стояли дѣвки и ребята, и, какъ кузнечики, скакали и метались мелкіе парнишки и дѣвченки — со всѣхъ заимокъ все молодое собралось къ амбару Саватѣя на зеленую послѣ дождей полянку.

Корнѣй подумалъ:

— Пойду и брошу шкуру на Паруньку!.. — но тутъ же догадался, что испугаетъ и разсердитъ дѣвку.

— А Климка скажетъ: «Хвастаешь!..»

И, стараясь не сгибаться подъ тяжелой шкурой, не глядя къ амбарамъ, направился домой.

Но его замѣтили и окружили ребятишки, потомъ остановили парни. Сняли съ него, развернули шкуру, ахали и удивлялись. А отъ амбара прибѣжали остальные. Корнѣй оглядывался и искалъ Паруньку, но Паруньки не было. Не было среди парней и Климки. А Терешка весело размахивалъ широкими рукавами расписной рубахи и, сдвинувъ на затылокъ шляпу, присѣлъ и мѣрялъ четвертями шкуру:

— Ай-да, Корня!.. Ухамаздалъ чорта... шестнадцать четвертей слишкомъ...

Корнѣй привсталъ на носки и черезъ толпу смотрѣлъ на желтые разводы сарафана и на синюю рубаху.

Какъ сидѣли они, такъ и сидятъ... Видно, что весь свѣтъ забыли въ разговорахъ.

— «Разговариваютъ, будто медъ пьютъ!» — мелькнуло у Корнѣя, и точно шиломъ укололо въ сердце.

Онъ нахмурился, послалъ къ чертямъ уже топтавшихся на шкурѣ ребятишекъ и волокомъ потащилъ ее прямо по землѣ.

Толпа ребятъ такъ и гналась за нимъ до дома.

Ослѣпительно и жарко, какъ всегда послѣ дождей, глядѣло съ неба раннее солнце. За стѣной дома, въ пригонѣ, пряча головы въ тѣнь, стояли прибѣжавшія изъ лѣса лошади. Старый Воронко, лѣниво помахивая унизаннымъ репейниками хвостомъ, положилъ свою голову на спину Рыжкѣ и задремалъ, и отъ этого вдругъ показались Корнѣю дремлющими: старый домъ съ кривымъ крыльцомъ и заткнутыми вмѣсто выбитыхъ стеколъ красными подушками окошками, и темно сѣрыя ворота съ глубоко набекренившимся колпакомъ, и хмурые, вросшіе въ косогоръ амбары съ давнымъ-давно брошен-

ными на нихъ, позеленѣвшими отъ времени, старыми дровнями, и вся, какъ будто приплюснутая къ жирно унавоженному рѣчному берегу, заимка.

Корнѣй пнулъ собакъ, которыя поднявъ щетину на хребтѣ, испуганно залаяли на шкуру, толкнулъ въ подушку въ рамѣ, заглянулъ въ окошко и позвалъ:

— Аганькя-а!.. Дунькя-а!..

Изъ избы въ окно пахнуло на него горячими мясными щами — значитъ, въ печкѣ щи стоятъ, можно поѣсть.

Вмѣсто отвѣта изъ избы въ разбитое окошко важно и лѣниво вышелъ котъ, заспавшійся и сытый. Но, увидавъ собакъ и звѣря, вдругъ сталъ короткимъ и высокимъ, выгнулъ спину и подавленно завылъ:

— Ого-о-у-у!..

Съ рѣчки прибѣжалъ бѣлоголовый, синій отъ купанья и обрадованный шкурѣ, семилѣтній Патря.

— Убилъ?.. — сказалъ онъ брату ласково и удивленно.

— Бѣги, найди Аганьку! — приказалъ Корнѣй сердито.

— Онѣ на пасѣкѣ, — протянулъ Патря.

— А мамка?

— На пасѣкѣ... Медъ рѣзать поѣхали...

Корнѣй вспомнилъ, что на Спаса всегда медъ подрѣзаютъ, что съ отцомъ, бывало, всей семьей на пасѣку дня на два уѣзжали. Въ меду, бывало, какъ въ смолѣ. За Корнѣемъ такъ рои мухъ и летали всюду.

— А щи кто варилъ?

— Они про-олиты... — виновато протянулъ парнишка.

— Ты пролилъ? — зарычалъ Корнѣй, и Патря не узналъ брата:такое у него лицо стало страшное, злое.

— Мамынька велѣла къ загнетѣ пододвинуть, што бы не остыли. Я сталъ пододвигать, а горшокъ...

Патря довѣрчиво глядѣлъ на брата, какъ всегда, а братъ схватилъ его за бѣлые, выцвѣтшіе отъ купанья волосы и бросилъ отъ себя, какъ рукавицу.

Патря было заревѣлъ, но всталъ съ земли и сморщеннымъ обидою лицомъ глядѣлъ на брата съ любопытствомъ. Никогда въ семьѣ у нихъ никто еще не дрался и къ Корнѣю до сихъ поръ, какъ къ большаку, всѣ относились ласково, и самъ онъ всѣхъ всегда звалъ, какъ отецъ, — а Патрю даже въ шутку величалъ:

— «Патрикей Максимычъ».

Корнѣй вошелъ въ избу, скинулъ зипунъ, заглянулъ въ печку: на шесткѣ стояла лывка щей съ жирнымъ янтаремъ поверху: видно, что котъ не осилилъ всего счастья, только мясо стащилъ на полъ.

Корнѣй поднялъ мясо, вытеръ его о холщевую, засмолившуюся рубаху, но ѣсть не сталъ и выбросилъ въ окно собакамъ.

Потомъ пошелъ въ амбаръ, втащилъ туда, повѣсилъ шерстью вверхъ на край сусѣка шкуру и впервые въ жизни съ любопытствомъ заглянулъ въ сусѣкъ: тамъ въ уголкѣ пополамъ съ пылью было —не было муки двѣ мѣры.

— Вотъ когда прійдется ѣхать въ Русь... — подумалъ онъ не то съ досадой, не то съ недоумѣніемъ.

Потомъ взялъ съ деревянной спицы узду, пошелъ въ пригонъ, поймалъ Воронка и крикнулъ Патрѣ:

— Айда, на пасѣку поѣдемъ!

Сѣлъ на лошадь безъ сѣдла, схватилъ за руку Патрю и забросилъ его за себя, какъ сумку.

Патря мокрыми глазами засмѣялся, крякнулъ отъ натуги и обхватилъ руками потную, пахучую, широкую спину брата, какъ, бывало, самъ Корнѣй обнималъ отца, когда съ нимъ ѣздилъ на покосъ или на пасѣку.

Ѣхали по узкой, скользкой и тѣнистой тропинкѣ косогоромъ и молчали. Только Патря раза два спросилъ:

— А ты его одинъ убилъ?.. Изъ пули?..

Но большакъ не отвѣчалъ: Патря замолчалъ, слушая, какъ внутри у Воронка «селезень крякаетъ».

Босыя ноги его сладко щекотала теплая шерсть Воронка, а изрѣдка и слегка царапали прохладныя иглы пихтъ.

Изъ-за спины Корнѣя онъ не видѣлъ, куда ѣдутъ, но чуялъ, что на Воронкѣ, какъ въ зыбкѣ: такъ укачиваетъ, такъ баюкаетъ — такъ бы и упалъ на землю и уснулъ бы крѣпко-накрѣпко на мягкой, бурой прошлогодней хвоѣ гдѣ-либо въ тѣни подъ пихтой.

Пасѣка расположилась на припекѣ, въ чашинѣ, у изголовья свѣтлаго болтливаго ручья, и въ ней все было старое, съ молодыхъ лѣтъ знакомое Корнѣю. Все напоминало объ отцѣ и дѣдушкѣ, который самъ натыкалъ по ручью тополевыхъ кольевъ, стоявшихъ теперь стройной и высокой рощей.

Мать встрѣтила его безъ радости и безъ упрековъ. Сказала только:

— Лошадь-то сведи подъ повѣтку, а то тутъ пчелы искусаютъ...

Корнѣй понялъ: — Дескать, и на это у него не хватаетъ разума.

Корнѣй нахмурился и слышалъ, какъ на радостное сообщеніе Патри, мать отвѣтила устало:

— Ну-у, какая отъ медвѣдя теперь польза? Лѣтнюю-то шкуру въ грошъ не ставятъ.

Корнѣй отвелъ коня, зашелъ въ омшанникъ, попросилъ у Дуньки хлѣба, взялъ осотину меда и ушелъ къ ручью. Тамъ прихлебывалъ изъ пригоршни воду, жевалъ кусокъ съ медомъ и будто не чуялъ сладости его: такъ не хорошо стало на нутрѣ, такъ скученъ показался слишкомъ бѣлый день, и бѣлыя березы, и вывернутые на изнанку легкимъ вѣтромъ бѣлые листочки тополей — отъ всего этого жмурились глаза, и вѣяло тоской.

Солнце стояло на срединѣ неба, сыпало на землю острыя и раскаленныя стрѣлы. Ручей журчалъ все одно и то же, мелко и разсыпчато, будто повторялъ на ломанномъ ребячьемъ языкѣ давно надоѣвшую глупость.

Корнѣй посидѣлъ еще немного, посмотрѣлъ въ чащу деревьевъ за ручьемъ и слушалъ, какъ все въ лѣсу заполнило гудѣнье пчелъ, спѣшившихъ съ предосеннею работой. Потомъ лѣниво растянулся тутъ же у ручья на примятую, прохладную траву; поглядѣлъ на небо, которое живою сѣткой загораживалъ рой мошекъ, кружившійся надъ головой Корнѣя, закрылъ глаза рукой, полежалъ немного, какъ всегда, безъ думъ, и скоро захрапѣлъ всей грудью...

Проспалъ до вечера, а вечеромъ поѣлъ, повеселѣлъ немного и снова легъ уже въ омшанникѣ. Такъ и провалялся два дня, а когда вернулся на заимку, мать закричала на него:

— Возьми ты изъ амбара свою шкуру: духъ такой, што и войти нельзя...

Корнѣй вошелъ въ амбаръ и выскочилъ обратно. Потомъ набилъ полынкой ноздри, взялся за шкуру, и въ рукахъ его остались полныя горсти обопрѣлой шерсти.

— Вотъ опасна боль! Надо было шерстью внизъ повѣсить, — сказалъ онъ глухо.

Вырылъ яму за дворомъ, зарылъ шкуру и еще сказалъ:

— Не путемъ добыта, не пошла и впрокъ.

А когда мать напомнила, что надо въ Русь за хлѣбомъ ѣхать, Корнѣй подумалъ вслухъ:

— Видно, не заправскій я охотникъ... Надо за домашность браться.

Когда же съѣздилъ въ Русь и увидалъ, какъ велика тамъ степь,какъ широка рѣка, какое множество людей, — опять ушелъ на промыселъ и пропадалъ больше недѣли. Бродилъ по лѣсу и пытался все обдумать и сообразить. Вслухъ разговаривалъ съ собою,разводилъ руками, сидѣлъ часами гдѣ-нибудь на пнѣ или на камнѣ, пока его не начинала одолѣвать дремота.

И вотъ, какъ-то послѣ Покрова, прійдя домой, онъ услыхалъ, что Парунька засваталась за Климку.

Услыхалъ, — и ничего. Даже сказалъ съ усмѣшкой:

— На свадьбѣ, значитъ, погуляемъ!

И по первымъ снѣгамъ на свадьбѣ Климки и Паруньки впервые до пьяна напился, бушевалъ на всю заимку, плакалъ, до смерти загналъ хорошаго коня и полѣзъ въ драку съ Терешкой. Его связали мужики и связаннаго сдали матери.

Тогда мать позвала въ домъ Саватѣя Карпыча, — что бы тотъ молитвой отчиталъ непутеваго сына.

Дьякъ поглядѣлъ на связаннаго парня, тряхнулъ суровыми желто-сѣрыми бровями и сказалъ:

— Экъ, мотри, добро!.. Жеребчиковъ молоденькихъ вотъ такъ же вяжутъ, когда легчатъ... Аль и тебя легчить придется?!.

Корнѣй не могъ отвести глазъ отъ зоркаго взгляда старика и сразу протрезвился. Лежалъ подъ лавкой и, оскаливъ зубы, засмѣялся, потомъ сказалъ, украдкой подмигнувъ наставнику:

— Развяжи, слышь!

Старикъ собственноручно развязалъ и выругался въ окно:

— Экъ, окаянные, перетянули парню руки-то! Ишь какъ затекли. Ну, какъ? — спросилъ онъ у Корнѣя и посадилъ его рядомъ съ собой на лавку: — Долго еще добрыхъ-то людей будешь смѣшить?

А потомъ сказалъ ему такъ просто, какъ будто посовѣтовалъ лѣкарства выпить:

— Давай-ка, сынокъ, на мясоѣдѣ-то поженимся! Поѣду-ка я тутъ къ сосѣду: дѣвка у нихъ бастецкая закисла...

Корнѣй покорно, какъ только что поднявшійся съ одра больной, сидѣлъ и по новому тихонько улыбался.

Ему даже любопытно стало, что высватаютъ для него съ другой заимки, незнакомую.

Онъ подчинился и повеселѣлъ.

А какъ женился — взялся за домашность, сталъ работать, жить и промышлять, какъ всѣ въ томъ краѣ.

Собаку у калмыковъ вымѣнялъ на жеребчика...

Хорошую собаку добылъ: за зиму триста съ лишнимъ бѣлокъ взялъ съ ней, между дѣломъ.

И Парунька испарилась изъ ума... Будто и не думалъ о ней никогда. . . . . .

IV.

. . . . . .

... Медвѣдь-гора — какъ высоченный, накренившійся корабль посединѣ разволнованнаго синяго моря, застывшаго по-чьему-то приказу въ ту самую минуту, когда волны такъ зловѣще раскачались, что стали заплескивать на небо, и гребни ихъ смѣшались съ облаками...

Застыло море и окаменѣло и потомъ, за тысячи годовъ, покрылось лѣсомъ, будто шерстью, — дивныя морскія чудища.

Прищуриться и приглядѣться на востокъ, когда солнце встаетъ: золотыя струны вытянутся отъ солнца и черезъ хребты, черезъ щетины лѣса всю землю туго опутаютъ, какъ будто идетъ гдѣ-то по голубому берегу свѣтлый богатырь — закинулъ на всю землю крѣпкій неводъ золотой и тянетъ ее всю къ себѣ, какъ рыбину...

Потомъ опуститъ неводъ и пойдетъ на синюю равнину вверхъ, не торопясь и весело:

— Плавай, дескать, рыбина, живи, Господь съ тобою!..

А горы потихоньку скидываютъ съ себя синія тѣни, раздѣваются и кажутъ солнцу зеленые и сѣрые, лиловые и бѣлоснѣжные свои бока и груди, всѣ израненные, изможденные тысячелѣтними скорбями, непогодами и грозами. И раскрываетъ полуденному солнцу свою каменную грудь земля и млѣетъ передъ нимъ и оживаетъ.

А солнце полюбуется, посмѣется вдосталь, разожжетъ ея желанья до изнеможенья и начнетъ спускаться съ голубой, недосягаемой горы туда, за гладкія, сѣдыя, тихія равнины, которыя чуть-чуть виднѣются съ Медвѣдь-горы, какъ узкая и длинная песчаная полоска берега, съ котораго уже можно рукой достать чистую и синюю лазурь небесной бездны.

Когда спускается туда солнце, за нимъ бѣгутъ-бѣгутъ и розовѣютъ и толпятся облака, и кажется, что это вздохи загрустившей, снова потемнѣвшей земли...

А сверху, изъ неизмѣримой глубины высотъ, спускаются и приникаютъ неисчислимыми очами сны, непостижимые, извѣчные, и смотрятъ, смотрятъ, чуть дрожа, рѣсницами внизъ, какъ будто сторожатъ заснувшую, усталую, похолодѣвшую и смутно-грезящую землю.

А на востокѣ, между тѣмъ, опять чуть брезжитъ свѣтлый путь ловца съ золотыми мрежами...

Съ Медвѣдь-горы, если сидѣть на ней и день и ночь, открываются чудесные законы. О нихъ не надо думать, не надо знать. Они сами собою постучатся въ сердце человѣка, звѣря, птицы и букашки. Самъ Богъ безъ словъ разсказываетъ ихъ всему живому и крѣпко-накрѣпко приковываетъ къ высотѣ, къ которой все живое тянется, потому что на высотѣ солнце.

Съ Медвѣдь-горы въ погожій день видны бѣлесыя изъ гладкихъ галекъ русла рѣзвыхъ рѣчекъ, чуть голубѣющія и сверкающія горныя озера, лысые холмы, мохнатые и темные ковры изъ сосенъ, кедровъ, лиственницъ и пихтъ, и пестрыя подъ осень, яркоцвѣтныя березовыя, тополевыя, рябиновыя и осиновыя рощи, и кое-

гдѣ, какъ клочья сѣдины, густая сѣть пригоновъ и дворовъ на пасѣкахъ и на заимкахъ.

Проходятъ дни и ночи, быстро, будто-бы земля, знай, только открываетъ и закрываетъ свои глаза...

Проходятъ зимы и лѣта, какъ дни и ночи... А Медвѣдь-гора стоитъ все съ тою-же щетиной на хребтѣ, все такъ же опустивши голову къ рѣкѣ, какъ будто пьетъ и не можетъ напиться... Извѣчно стоятъ уши одинаково: одно торчкомъ, другое чуть-чуть покривилось, будто медвѣдь пьетъ и смотритъ вверхъ по теченью: не выплыветъ ли тамъ изъ-за утеса охотникъ...

И такъ же все бѣжитъ, шумитъ, играетъ свѣтлою струей рѣка Быструха, и день и ночь, и зиму и лѣто, десятки лѣтъ... Откуда столько и воды берется? И куда она бѣжитъ? Когда какое она озеро наполнитъ до краевъ?

Вонъ онъ, охотникъ, бредетъ черезъ рѣку, и совсѣмъ не оттуда, куда такъ опасливо косится Медвѣдь. И впереди его собака.

Босой, съ штанами и винтовкою въ рукахъ, въ войлочной шляпѣ — онъ направляется прямо къ мордѣ звѣря... Но онъ такъ малъ, слабъ, вода вотъ-вотъ повалитъ его и понесетъ, какъ щепку...

Нѣтъ, перебрелъ таки, только собаку отнесло пониже. Вотъ подошли къ ноздрямъ Медвѣдя и, какъ мошки, влѣзли въ лѣвую. Охотникъ тамъ присѣлъ. Одѣлся и началъ карабкаться по носу на широкій лобъ...

Долго онъ ползетъ до праваго уха и дѣлается все меньше и меньше, пока совсѣмъ исчезаетъ въ густой и высокой щетинѣ на загривкѣ Медвѣдя...

А собаки и совсѣмъ не видно.

Высоко выползъ онъ изъ лѣса и, путаясь въ кустарникахъ, то исчезая въ нихъ, то снова появляясь, какъ блоха въ шерсти, ползетъ все выше, дѣлается все меньше, незамѣтнѣе.

... Такъ изстари заведено: разъ охотникъ полѣзъ на Медвѣдь-гору, значитъ — пошелъ на медвѣдя.

Вышелъ на вершину, отдышался, посидѣлъ, поѣлъ и оглядѣлся, какъ заказано отцами — дѣдами, и сталъ искать тропинку въ самый дальный Черный лѣсъ къ Четыремъ кедрамъ.

Нѣтъ болѣе дикаго, болѣе трущобнаго мѣста, какъ Черный лѣсъ. Еще дѣдушка Корнѣй тамъ «первача» убилъ, а дѣдушка Корнѣй на своемъ вѣку одиннадцать ихъ повалилъ.

— Ужъ тамъ што будетъ: Господи благослови!..

И внукъ Корнѣя — Лукаха, — точь въ точь, какъ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ назадъ Корнѣй — такой-же бѣлоглазый, съ рыженькимъ пушкомъ на подбородкѣ, въ зипунѣ и войлочной шляпѣ, съ той же самою испытанной кремневкой, — но съ хорошей дюжиной самодѣльныхъ, вѣрныхъ пуль — дѣдушка не разъ наказывалъ зря не тратить пуль, не бить по мелочи, когда идешь на большого звѣря, не подмочить сѣрянокъ или трута—отыскиваетъ Лукаха полосатый камень на горѣ. Отъ полосатаго камня будетъ вересковый кустъ—вонъ онъ самый!.. А отъ вересковаго куста надо глядѣть на полдень — тамъ озерко всегда стоитъ отъ снѣга. Снѣгъ тутъ стаиваетъ только къ Петрову дню, а послѣ Ильина дня снова снѣгъ: — внизу дождь, а на высотѣ всегда снѣжокъ идетъ...

Вотъ оно и озерко, а отъ него налѣво мочажинка будетъ — отъ мочажинки ручеекъ берется, самое начало — Господи благослови! — рѣчки Громотухи.

Этимъ ручейкомъ и надо снизиться до ельничка, а послѣ ельничка начнется розсыпь...

Все, какъ по писанному находилъ и видѣлъ Лукаха, опускаясь съ хребта въ Черный логъ, и все покрикивалъ:

— Бобрикъ!.. Бобрикъ!.. Не торопись, товарга!

Бобрикъ, свѣтло-сѣрый, точно свѣжій пепелъ, съ бахромою на груди и острыми ушами, съ крутымъ калачикомъ-хвостомъ и желтымъ, быстрымъ взглядомъ, то и дѣло останавливался и показывалъ Лукахѣ мокрый розоватый языкъ и бѣло-желтые хорошіе клыки.

Съ Бобрикомъ не скучно, можно словомъ перемолвиться, сухаремъ подѣлиться, тропку отыскать вѣрнѣе и опасность во время замѣтить.

Чѣмъ ниже опускался Лукаха, тѣмъ тѣмнѣе и прохладнѣй становился лѣсъ и тѣмъ сильнѣй гремѣла Громотуха возлѣ тропки.

Сумерки сгустились, и заволоклись туманомъ хребты горъ, когда Лукаха пришелъ на мѣсто.

Только оглядѣвшись, онъ нигдѣ поблизости не видѣлъ четырехъ кедровъ. Мѣсто, по всѣмъ видимостямъ, то, а трехъ кедровъ не хватаетъ.

Стоялъ только одинъ высокій, толстый и кривой, и поднималъ къ небу уродливыя и лохматыя лапы, какъ озлобленный и перепуганный медвѣдь.

Лукаха ближе подошелъ къ нему и увидалъ возлѣ него три посѣдѣвшихъ крѣпкихъ пня. Тогда онъ догадался, что изъ трехъ построена избушка, которую гдѣ-

то поблизости срубилъ дѣдушка Корнѣй, когда здѣсь шишковалъ — орѣхи билъ.

Побродивъ поодаль, Лукаха въ косогорѣ надъ рѣчкой отыскалъ избушку. Но въ избушкѣ не было ни оконъ, ни дверей, и вся она позаросла терновникомъ и дикой высокой травою. Видно было, что въ ней давно никто не останавливался и, можетъ быть, никто, кромѣ дѣдушки Корнѣя, и не зналъ о ней.

Лукаха заглянулъ въ избушку: оттуда пахло землей, и на черныхъ стѣнахъ бѣлѣли жирные грибки-поганки.

И Лукахѣ почему-то вспомнилась моленная и дѣдушка Корнѣй сѣдой и бородатый, набожный и строгій — всегда съ костылемъ: того — гляди, огрѣетъ... И сказалъ:

— Должно, здѣсь спасаться началъ... Молодой-то, говорятъ, какъ тятька — въ моленную-то и не хаживалъ.

Бобрикъ, между тѣмъ, обнюхалъ все вокругъ и не нашелъ, должно быть, ничего опаснаго и любопытнаго. А Лукаха спустился къ берегу, сѣлъ на корточки и сталъ въ водѣ размачивать сухари.

Вода плескалась межъ каменьевъ, журчала, лепетала что-то, схватывала и несла внизъ крошки. А Лукаха все сидѣлъ, глядѣлъ на рѣчку и за рѣчку, на хребты горъ и на темнѣющее небо и ничего не думалъ. Только когда стемнѣло — вернулся къ кедру и, приглядываясь, увидалъ, что кедръ весь въ старыхъ ранахъ, крѣпко стянутыхъ болонью, лишаями и уродливою корою.

А внизу въ стволѣ самыхъ корней кто-то выжегъ печку, и толстые смолистые обломки сучьевъ какъ-бы жаловались Лукахѣ, что какіе-то бродяги поджигали

ими корни кедра, жарили дичь и рыбу и сушили грязныя онучи.

Но кедръ, какъ-будто, еще крѣпче уцѣпился за землю, и обуглившееся дупло, казалось, сдѣлано для того, чтобъ стволъ лѣсины никогда не сгнилъ и никого не соблазнялъ, чтобъ не рубили его ни для стройки, ни на топливо.

Наверху Лукаха увидалъ остатки лабаза. Толстый сукъ когда-то очень давно застрялъ въ развилкѣ трехъ отростковъ дерева и такъ крѣпко вросъ въ него, что никогда и никому его не обломить, не вытащить.

Какъ вбилъ его когда-то молодой Корнѣй, наспѣхъ дѣлавшій здѣсь лабазъ, такъ онъ и остался до внученка.

Лукаха снялъ винтовку, вытащилъ изъ сумки веревку, закинулъ петлей на торчавшій сукъ и, кряхтя, влѣзъ на кедръ.

— Бобрикъ!.. Бобрикъ!.. — поманилъ онъ и прибавилъ: — Фу-у, да тутъ, какъ на скамейкѣ...

Бобрикъ прыгалъ у ствола и, просясь къ хозяину, повизгивалъ.

А Лукаха отвѣчалъ ему повеселѣвшимъ голосомъ:

— Нѣтъ, товаринька, вдвоемъ тутъ будетъ тѣсно. Ты тамъ медвѣдя за штаны будешь хватать...

И тутъ же вспомнилъ:

— А вдругъ онъ на собаку-то и въ самомъ дѣлѣ, какъ на наживку рыба...

И сталъ прислушиваться къ шуму Громотухи, къ шороху молодыхъ кедровъ, густой семьею облѣпившихъ косогоръ.

Съ нимъ не было ни топора, ни винтовки — все осталось внизу возлѣ избушки, и стало какъ-то страшно слѣзать съ кедра: вдругъ въ эту самую минуту «онъ» и явится...

Сидѣлъ на деревѣ, молчалъ и чуялъ, какъ за воротникъ ползла холодная колючая хвоя... Нѣтъ, это не хвоя, а страхъ... И шляпа что-то на головѣ шевелится, и будто слышно: гдѣ-то треснула валежина.

Широкими глазами всматривался въ темноту, слушалъ съ открытымъ ртомъ, боялся шевельнуть рукой, а въ голову лѣзло смѣшное:

— Поди, внучатки той-то, дѣдушкиной, медвѣжихи выросли и явятся. Давай-ка, скажутъ, задеремъ Лукаху!..

И казалось парню, что медвѣди говорятъ и думаютъ, и знаютъ, сколько дѣдушка Корнѣй и Лукахинъ тятька перебили медвѣдей, и должна же наступить расправа...

А ночь все тяжелѣе надвигалась черной и холодной мглою на Лукаху, все свирѣпѣе рычала Громотуха, и внизу повизгиванье Бобрика переходило въ вой, и этотъ вой хватался за душу Лукахи и еще крѣпче приковывалъ его къ вершинѣ кедра, который почему-то начиналъ поскрипывать, какъ будто застоналъ отъ старыхъ ранъ, занывшихъ отъ холоднаго, Воздвиженскаго, разбушевавшагося къ ночи вѣтра.

Медвѣдь не приходилъ, а ночь безъ сна была длинна-длинна...

И только утромъ, на разсвѣтѣ, когда на шерсти свернувшагося въ дуплѣ Бобрика заискрился иней, Лукаха какъ сидѣлъ на деревѣ, въ развилкѣ промежъ трехъ коряжистыхъ отростковъ, такъ и заснулъ хорошимъ молодымъ сномъ.

Внизу, гдѣ-то возлѣ избушки, стояла винтовка, а на избушкѣ лежала сумка съ сухарями, съ порохомъ и съ пулями.

... То-то, какъ бы медвѣдь былъ подогадливѣй!..

Но онъ не приходилъ и на другую ночь, когда Лукаха приготовился встрѣчать его смѣлѣе: не то у него другихъ дѣлъ было много, не то онъ куда-либо укочевалъ поглубже отъ Чернаго лога...

... Солнце поднялось высоко. Тучи разбѣжались, а за ними ускакалъ куда-то вѣтеръ. А Лукаха, внукъ Корнѣя, настойчиво и упрямо жилъ на лабазѣ и ждалъ.

Молча, неподвижно стоялъ кедръ, какъ заговорщикъ, и привередливо протягивалъ къ небу огромныя уродливыя лапы.

Глубоко дремали лѣсъ и горы съ широко-открытыми глазами.

ЛЮБАВА.

I.

Любава засидѣлась въ дѣвкахъ, — не потому, что жениховъ не находилось, или собой была непригожа, а потому, что жила на заимкѣ, рѣдко выѣзжала въ село, за сорокъ верстъ, а къ нимъ въ таежныя мѣста даже и дороги телѣжной не было. Лѣтомъ попадали въ село верхами на лошадяхъ, а зимой на лыжахъ, да и то рѣдко.

Однажды, зимою, мужики, Любавины братья, стали на лыжи и ушли бѣлковáть, а потомъ вернулись черезъ село и принесли оттуда новость:

— Аринка Троеглазова, Любавина подружка, замужъ вышла!

Любава мыла полъ въ избѣ и громко, завистливо сказала:

— Не родилась же я мужикомъ: не сидѣла бы тутъ, какъ медвѣжиха въ ямѣ...

Ѳедотовна взъѣлась на Любаву:

— А што тебѣ: пить-ѣсть нечего у насъ, али нужда какая обуяла? Небойсь, вонъ жиру-то сколько накопила... Рыло-то, какъ спѣлая малина, налилось...

Любава, выжимая тряпку, злобно покосилась на старуху :

— А на каку жабу онъ мнѣ сдался, жиръ-отъ, ежели, другой разъ, съ тоски-то хоть въ петлю полѣзай?..

И, звякнувъ бисерами, Любава выпрямилась, съ сердцемъ перекинула черезъ плечо сползавшую на грудь тяжелую льняную косу и укоряюще глядѣла на Ѳедотовну свѣтло-синими огромными глазами.

Въ просторномъ красномъ сарафанѣ, босая, съ бѣлыми и толстыми голяшками, Любава, казалось, сейчасъ топнетъ и провалитъ полъ...

— Да ты сдурѣла, дѣвка! Ты перекрестись! — испуганно заговорила мать и попятилась отъ дѣвки. — Вотъ дикошарая-то! Дурману ты обожралась, чего ли: этакъ-то на мать кричать!..

— Опостылѣло мнѣ въ дѣвкахъ жить! — сверкнувъ глазами на братьевъ, крикнула Любава. — Да што я уродина какая, али стыдъ свой потеряла! Двадцать восьмой годъ сижу... Аринка-то, вонъ, на пять лѣтъ меня моложе...

— А вотъ я те какъ возьму за косу да почну молоть! — проговорилъ большакъ Никита и угрожающе погладилъ спутанную большую бороду. — Ты, дѣвка, не дури!.. Али, што родной отецъ въ гробу, дакъ, думаешь, тебя и поучить некому... Да ежели сказать добрымъ людямъ, вѣдь засмѣютъ тебя и насъ... Ишь захотѣла, мотри, мужика... Безстыжая!..

Любава наклонилась къ полу, и видно было, какъ ея лоснящіяся щеки запылали, будто кумачомъ покрылись...

Вдругъ она выпрямилась, бросила въ лохань ветошку, такъ что брызги полетѣли по избѣ, и закричала:

— Ну, изжаби васъ въ сердце въ самое! Да я докуда на васъ чортомелить-то буду?.. И за што, за каки-таки услады?..

— Любашка!.. — наступая, стиснулъ кулаки Никита.

Всѣ въ избѣ насторожились и притихли.

Но Любава закричала пуще прежняго:

— Ну, вдарь!.. Не привыкать мнѣ въ синякахъ-то отъ тебя ходить!.. — И подбородокъ ея запрыгалъ, глаза часто заморгали и заблестѣли крупными слезами... — Не стану я больше жить у васъ... Уйду!.. За Тырлыканку, да уйду, вотъ возьму да...

Любава не договорила. Никита схватилъ ее за косу и, какъ метлой, мотнулъ вокругъ себя по влажному, не вымытому полу.

Ѳедотовна съ ухватомъ бросилась къ Никитѣ, чтобы заступиться за Любаву, а Никитова баба, сухопарая Ульяна, схватила двухъ малыхъ ребятишекъ на руки и прижала ихъ къ груди, чтобы они не видѣли осатанѣвшаго отца.

Но Никита, пнувъ Любаву, не сталъ больше бить ее и, не взглянувъ ни на кого, быстро вышелъ изъ избы.

Любава поднялась, оправилась и, всхлипывая, стала домывать въ избѣ.

Потомъ, когда вошелъ Никита, усѣлись всѣ за столъ обѣдать.

Любава подавала щи, крошила мясо и даже что-то говорила съ меньшимъ братомъ Трошкой. Скоро всѣ забыли о «грѣхѣ» и о словахъ Любавы объ уходѣ изъ семьи.

Но вечеромъ, подоивъ коровъ, Любава принесла въ избу подойникъ и сказала матери:

— Ты процѣди молоко-то, а я пойду телушку загоню... Вырвалась сейчасъ да убѣжала, реветъ гдѣ-то за пригонами...

А сама надѣла новый овечій тулупчикъ, рукавички теплыя, въ сѣняхъ украдкой сунула за пазуху калачикъ и какой-то красный узелокъ.

Возлѣ крыльца стояли двѣ пары лыжъ, на которыхъ бѣлковáли братья. Любава выбрала какія полегче, взяла шомпаки и, обогнувъ пригоны, стала на лыжи и скользнула въ озаренный полумѣсяцемъ еловый лѣсъ... Долго, безъ передышки, бѣжала, какъ воровка, торопясь и путаясь въ лѣсу, и вдругъ перепугалась и остановилась: изъ-за чернаго ствола внезапно вынырнуло что-то живое и побѣжало рядомъ, кувыркаясь въ пушистомъ, искристомъ снѣгу...

— Барбо-оска!.. У-у, изжаби те, какъ испугалъ!.. — обрадованно выругалась Любава и начала сильнѣе толкаться и скользить по снѣгу, густо устланному темносиними тѣнями лѣса.

Тамъ, гдѣ приходилось скатываться съ косогора, она присѣдала на плотно сомкнутыя лыжи и катилась на нихъ, какъ на салазкахъ. Отъ быстроты бѣга подолъ сарафана раздувался, а къ тѣлу прикасался и холодно щекоталъ снѣгъ. Любава взвизгивала короткимъ смѣхомъ и, слетая съ лыжъ, катилась кубаремъ... Тогда Барбоска бросался къ ней и начиналъ тормошить ее и лаять, не то отъ радости, не то отъ безпокойства. И чѣмъ дальше убѣгала въ глубь черни Любава, тѣмъ боль-

ше торопилась и, то и дѣло, вздрагивала отъ холодныхъ мурашей, внезапно пробѣгавшихъ по ея спинѣ, когда Барбоска настораживался и испуганно повизгивалъ.

Но все-таки шла впередъ, а назадъ даже не оглядывалась. Только въ одномъ мѣстѣ, на просторной, бѣлой полянѣ, присѣла на пень передохнуть и, тяжело дыша, задумалась. Барбоска сѣлъ на хвостъ у пня и, лизнувъ Любаву въ носъ острой сѣрой мордой съ рѣдкими заиндевѣвшими усами, пытливо озирался по сторонамъ.

Въ лѣсу было тихо. Любава смотрѣла на синіе, безчисленные огоньки снѣжинокъ и боялась посмотрѣть въ мертвое и молчаливое лицо полумѣсяца.

— Да хучь бы ужъ было къ кому бѣжать, изжаби его въ сердце!.. — вдругъ сказала она громко и, испугавшись собственнаго голоса, впервые оглянулась назадъ. — А имъ хучь до старости работай, чертомель, — все равно, не дождешься яснаго денечка...

Любава опять стала на лыжи и еще быстрѣе побѣжала дальше, будто боялась, какъ бы кто не сталъ догонять ее...

Острые, загнутые кверху носки лыжъ быстро перебѣгали другъ друга, распахивая верхній слой пушистаго и чуть-чуть позванивавшаго снѣга, подъ которымъ самыя лыжи прятались, какъ подъ серебрянымъ пескомъ.

Любава по-мужицки раскачивалась на ногахъ, сильно подпираясь шомпаками, и Барбоска едва поспѣвалъ за нею, кувыркаясь въ снѣжныхъ ямахъ, подлѣ кустарниковъ и пней.

Быстрѣй погнался за Любавой мѣсяцъ, какъ будто слѣдопытъ.

II.

Тырлыканъ, калмыкъ Ойротовой кости, жилъ въ своемъ аилѣ, въ дневномъ перебѣгѣ на лыжахъ отъ заимки Захара, Любавина отца. Тырлыканъ — старый танышъ — знакомецъ Захара, и Захаръ всегда былъ Тырлыкану долженъ, но выходило всегда, будто долженъ Тырлыканъ. А Тырлыканъ богачъ. На всю окрестную чернь славится. Много русскихъ берутъ у него и скота, и скотскихъ шкуръ, и денегъ, и не платятъ ему долга. Тырлыканъ и не проситъ, а если его ласково примутъ да угостятъ разбавленнымъ спиртомъ, онъ и еще дастъ. Лошадей у него много и барановъ много, и много звѣря добываетъ. Съ знакомымъ купцомъ каждый годъ по нѣскольку вьюковъ на Ирбитскую ярмарку отправляетъ.

Захаръ, покойникъ, въ дружеской бесѣдѣ болталъ ему, бывало:

— Танышъ твой—купецъ—на Ирбитской-то, поди, продастъ на тысячу, а тебѣ скажетъ: на пятьсотъ...

При этомъ въ глазахъ Захара вмѣстѣ съ усмѣшкою сверкала зависть.

Но Тырлыканъ Захару не хотѣлъ вѣрить.

Тырлыканъ весь годъ ѣздитъ къ купцу, беретъ товаръ, какъ у себя дома... Купецъ никогда слова не скажетъ, — даетъ. «Бери. Послѣ Ирбитской разсчитаемся...», — скажетъ и ведетъ чай пить въ горницу...

— Худой человѣкъ такъ не сдѣлаетъ... — тоненькимъ, сиплымъ голоскомъ говоритъ Тырлыканъ Захару, доставая и закуривая трубку.

Но Захаръ терпѣть не могъ табачниковъ и постоянно говорилъ:

— Ну, съ этимъ, другъ, на улицу ступай!..

И выводилъ хихикавшаго Тырлыкана изъ избы.

Тырлыканъ никогда не обижался и продолжалъ бесѣду на улицѣ.

— Все ладно: кони много, бараны много, деньги водятся, — говорилъ Тырлыканъ, — одно худо: бабы нѣтъ, хозяйки нѣтъ...

— Мало ихъ, калмычекъ-то развѣ?! — совѣтовалъ Захаръ, усмѣхаясь въ бороду: — Взялъ бы да и женился!

— Какой чертъ! — вспыхивая, пищалъ калмыкъ. — Калмычки у меня не ведутся. Три бабы было — всѣ умерли... Ни одного ребятишка не оставили...

— Самъ больно борохлявый, вотъ и ребятишекъ нѣтъ, — резонно замѣчалъ Захаръ. — Гляди, ты весь-то аршинъ съ шапкой. Какіе отъ тебя будутъ ребятишки? Другое дѣло, — старичонко ужъ...

— Какой старикъ?! Пятьдесятъ годовъ,—развѣ много? Отецъ сто лѣтъ прожилъ, — возражалъ Тырлыканъ и, присѣвъ на корточки, долго выколачивалъ о носокъ обутка трубку.

Однажды, такъ же выколачивая трубку, Тырлыканъ вдругъ визгливо захихикалъ и сказалъ:

— Ты вотъ чего, Захаръ... однако, я твою дѣвку Любку замужъ отберу?..

Захаръ выругалъ его по-русски крѣпкимъ словомъ и отвѣтилъ:

— Ты шутки-то, другъ, не шути. Гдѣ же это слыхано, чтобы за некрещенаго татарина русскихъ дѣвокъ выдавали?!.

— Пошто некрещеный?.. — завопилъ, вставая на ноги, калмыкъ. — Давно крещеный!.. Лѣтъ теперь, поди, двадцать будетъ. Мисанеръ былъ, самъ крестилъ.. Бумагу далъ... Русское имя «Степанъ Василичъ» далъ... Какъ некрещеный?

— Давно крещеный, а тряпичной «Катеринкѣ» молишься... — добродушно усмѣхнулся Захаръ. — Брось не дѣло-то болтать, пойдемъ-ка въ избу, пивомъ угощу тебя.

Такой разговоръ при жизни Захара повторялся много разъ. Раза два уже затѣвалъ его Тырлыканъ и послѣ смерти Захара при Никитѣ и при Ѳедотовнѣ. А прошлой осенью проѣздомъ отъ родственника, у котораго было камланье, Тырлыканъ заѣхалъ на Захарову заимку и заговорилъ съ самой Любавой. Никита и Ѳедотовна были на ярмаркѣ.

— Да ты сдурѣлъ, татарская башка, изжаби те! — съ хохотомъ отвѣтила ему Любава. — Какъ я почну тебя охаживать ухватомъ за такія рѣчи-то!..

— У-у-уй, сама сдурѣлъ, дѣвка!.. — пищалъ, смѣясь, Тырлыканъ и слезливо щурилъ и безъ того узкіе и впалые глаза, между которыми лежала широкая и плоская переносица. — Ты думаешь, я старикъ... Нѣтъ, приходи, сама узнаешь, я не старикъ еще, — простодушно увѣрялъ онъ, теребя и безъ того выдерганную рѣденькую, полусѣдую бороденку.

На немъ въ то время былъ бѣлый бараній халатъ съ лисьимъ воротникомъ и широкой каймой по подолу

изъ рыжей лошадиной шкуры шерстью вверхъ, на ногахъ были новые «кисы» изъ шкурокъ маральихъ ногъ, а на головѣ высокая барашковая шапка, похожая на бабью кику.

Тырлыканъ молодцевато сѣлъ на окованное серебромъ сѣдло и, уѣзжая съ заимки, подбоченясь, курилъ свою трубку и пѣлъ изъ любимой пѣсни о Канзѣ-богатырѣ:

«Эта тюрьма, что построена русскимъ, —
Тюрьма, въ которой Канза умеръ...
А эти слова, что русскій говоритъ,
Больно скребутъ у меня подъ ребрами».

И долго, постоянно скребли у Тырлыкана подъ ребрами русскія слова, только всегда терпѣлъ онъ.

И въ ту ночь, когда Любава ушла изъ дома, скребли подъ ребрами у него слова только что уѣхавшаго изъ его аила русскаго волостного писаря Михайлы Васильича.

— И когда ты сдохнешь, Тырлыканка? — безъ злобы кричалъ писарь. — Изъ-за тебя вотъ коня чуть не рѣшилъ... Повѣстку тебѣ привезъ, на судъ вызываютъ... Почему за подножное не платилъ? Вотъ сколько: двѣсти семнадцать рублей недоимки накопилъ...

— Уй, Михалша Василичъ!.. Какой недоимки?.. Какой подножный? — обиженно пищалъ Тырлыканъ и все-таки смѣялся узкими глазами. — Вся кругомъ наша земля, у калмыковъ у всѣхъ своя земля... Даже русскихъ пускаемъ жить. Вонъ Захаркина заимка живетъ, вонъ Иванкина заимка живетъ, много живетъ... Какой-такой двѣсти семнадцать?..

— Ты о землѣ и рта не разѣвай, а то я живо протоколъ аграрный на тебя...

— У-уй, Михалша Василичъ! Пошто бротоколъ?— испугавшись, еще униженнѣе захихикалъ Тырлыканъ и повелъ писаря въ свою шестиугольную юрту угощать аракой*) и чаемъ съ затасканными пряниками отъ знакомаго купца.

Потомъ подарилъ ему козьихъ шкуръ на доху, узду подъ серебромъ и переметныя сумы, въ которыя писарь уже самъ, подъ добродушное хихиканье Тырлыкана, поймалъ и посадилъ двухъ живыхъ ягнятъ.

— Трудовъ, другъ, много попадать къ тебѣ! — садясь въ сѣдло, сѣтовалъ Михайла Васильичъ, какъ бы недовольный подарками, и какъ будто онъ привезъ не повѣстку о взысканіи съ Тырлыкана двухсотъ семнадцати рублей, а всю эту сумму отъ какого-нибудь добросовѣстнаго должника.

Тырлыканъ въ своемъ большомъ шестиугольномъ срубѣ, крытомъ берестой, изрѣдка подкладывалъ дровъ въ еле тлѣющій костеръ и, кашляя отъ дыму, не могъ сообразить: какіе-такіе двѣсти семнадцать рублей?..

Въ это время въ аилѣ поднялся свирѣпый лай собакъ.

Тырлыканъ насторожился. Потомъ толкнулъ ногою спящаго возлѣ костра племянника Сапыргая.

— Ступай, погляди: кто тамъ?

Сапыргай поднялся, почесалъ темную, никогда не мытую и не застегивавшуюся грудь, просунулъ въ рукава стараго кожана руки и безъ шапки вышелъ изъ юрты...

---

*) Водка изъ молока.

А тамъ уже вышли изъ своихъ юртъ два пастуха и натравливали злыхъ собакъ на человѣка, который стоялъ поодаль отъ аила у комолой, толстой лиственницы и что-то кричалъ бабьимъ голосомъ...

III.

Зимою въ аилѣ Тырлыкана Любава не бывала и потому, кое какъ пробравшись къ нему, не узнала мѣстности и думала, что заблудилась.

Безконечно долгими показались ей и ночь, и дорога къ Тырлыкану, и чѣмъ дальше уходила она отъ дома, тѣмъ страшнѣе ей казалось идти и впередъ, и назадъ...

— Да не окаянный ли меня погналъ! — удивлялась Любава. — Да не сдурѣла ли ты, безстыжая ты харя?!— стыдила она самое себя, но все дальше и скорѣе убѣгала отъ родной заимки.

Когда же внезапно очутилась возлѣ самого аила, скатившись къ нему съ крутой горы, то вдругъ рѣшила уходить обратно на заимку или повернуть въ деревню, которая, по ея расчетамъ, была теперь отсюда не менѣе какъ въ двухдневномъ перебѣгѣ. Но набросились собаки, а испуганные пастухи могли еще и застрѣлить. Любава знала, какъ мѣтко попадаютъ пулей калмыки.

И она закричала:

— Эй, вы, окаянные!.. Гаркните собакъ-то, а то онѣ разорвутъ меня-а!

Но собаки уже принялись терзать Барбоску, и Любава скользнула къ юртамъ, оставивъ позади себя жи-

вой, отчаянно лаявшій и визжавшій клубокъ грызшихся собакъ...

— Ну, изжаби тебя!.. — выругала она выбѣжавшаго изъ юрты, оторопѣвшаго Тырлыкана. — Да ты за што меня чуть не скормилъ собакамъ-то?!

— Ты, Любава, чего ли? — суевѣрно попятился отъ отъ нея Тырлыканъ. — Ты пошто ночью попалъ сюда?

— «Попалъ»!.. — сердито передразнила Любава. — По то и попала: пошла въ деревню, да и заблудилась.

— Уй-уй!.. — пищалъ старикъ. — Деревня совсѣмъ на другой сторона!.. Однако че-нибудь съ тобой не ладно... Айда, — пойдемъ въ юрту, грѣйся!.. Ишь замерзла...

Очагъ въ юртѣ горѣлъ плохо и сильно дымилъ. Любава сразу же задохнулась дымомъ и пригнулась къ полу.

Тырлыканъ склонился къ дровамъ и сталъ губами раздувать огонь. Сапыргай внесъ въ юрту охапку сухихъ еловыхъ вѣтокъ.

Когда вѣтки вспыхнули яркимъ огнемъ, а дымъ ушелъ въ верхнее отверстіе юрты, Любава оглянулась, и прежде всего изъ передняго угла юрты на нее глянули два мѣдные блестящіе глаза деревяннаго идольчика...

И уже потомъ ей показалось и грязнымъ, и вонючимъ, и убогимъ жилище Тырлыкана.

— А я думала, ты и правду богатый! — презрительно сказала она Тырлыкану и стала грѣть озябшія руки надъ огнемъ.

— Пошто не богатый? — поспѣшно возразилъ хозяинъ. — Вонъ гляди: четырнадцать паръ сумъ разнаго добра... — Онъ указалъ на свою постель, намощенную

изъ звѣриныхъ шкуръ на множествѣ кожаныхъ, толсто набитыхъ чѣмъ-то сумъ. — Вотъ шкуры много, вотъ серебро много... Лошадей, однако, триста будетъ, барановъ, поди, двѣ тысячи будетъ... Пошто не богатый?..

— Ну, богатый, такъ покорми чѣмъ-нибудь!.. Проголодалась, какъ собака.

— Пошто собака! — заступился за нее Тырлыканъ. — Собака не надо!

И онъ суетливо началъ рыться въ берестяныхъ коробкахъ, доставая баранину, медвѣжье сало, темно-сѣрый, какъ куски земли, копченый сыръ и сухіе городскіе пряники.

Впервые Любава ѣла изъ калмыцкихъ рукъ. Ѣла, морщилась и говорила:

— Лучше бы сама я мясо-то изжарила. А то, того гляди, стошнитъ.

Тырлыканъ разсыпался мелкимъ, тоненькимъ смѣшкомъ:

— Айда, ступай за меня замужъ, — все сама будешь дѣлать... Избу новую по-русски сдѣлаемъ... Айда!.. Хе-хе-хе...

И Любава не отвѣтила. Любава промолчала и перестала ѣсть, задумалась, глядя въ огонь. А Тырлыканъ, какъ бы почуявъ что-то, уже не усмѣхался и говорилъ не умолкая:

— Вотъ: Тырлыканомъ звать меня не надо! Звать Степанъ Василичъ надо... Коней много, барановъ много, коровъ много. Деньги есть. Вотъ: хозяйка будешь! Иноходый конь отдамъ хорошій, чегэдэкъ со-

шью богатый... Вотъ — живи... Айда!? — и спрашивалъ, и приказывалъ Тырлыканъ Любавѣ.

Но Любава все еще молчала, задумчиво глядя въ огонь. Уставшее и перемерзшее тѣло разомлѣло возлѣ огня и просило отдыха. Но въ душѣ было безпокойство, и вспыхивали короткіе вопросы-мысли:

«А какъ утромъ по слѣдамъ найдутъ? Прійдутъ сюда да бить начнутъ. За косы поволокутъ... А гдѣ Барбоска?»

— Гдѣ моя собака? — спросила Любава у молчаливаго Сапыргая.

— Ступай, найди! — приказалъ Тырлыканъ племяннику.

Сапыргай вышелъ, а Любава снова оглядѣла грязное, прокопченное въ дыму и такое чужое, дикое жилище. И усталая мысль подсказала:

«Если найдутъ да увезутъ домой — теперь ужъ совсѣмъ житья не будетъ».

А слѣдомъ за этой другая шептала:

«Зато первая богачка будешь! Сядешь на лихого коня, — всѣмъ бабамъ тошно станетъ... И мужъ — куренокъ. Что захочешь, то и сдѣлаешь...»

И третья появлялась мысль:

«Ну, ужъ тогда въ деревню не показывайся. Засмѣютъ, осрамятъ и старъ и младъ».

А Тырлыканъ все наговаривалъ:

— Вотъ: завтра лошадей осѣдлаемъ, — писарь сегодня уѣхалъ: дорожка есть, — въ село поѣдемъ, обновы купимъ. Потомъ знакомый попъ найдемъ... Той, свадьбу сдѣлаемъ... Гу-у-ля-ай! — весело прикрикнулъ и захихикалъ Тырлыканъ.

Вошелъ Сапыргай.

— Собака тутъ! — ткнулъ онъ за дверь юрты и бросилъ туда кусокъ баранины.

Любава встала. Прошла въ передній уголъ, присѣла на постель, потрогала медвѣжью шкуру, разостланную на сумахъ, и передернула плечами не то отъ озноба, не то отъ брезгливости.

— Вотъ: избу русскую построимъ, — снова началъ искушать Тырлыканъ. — Сама стряпать будешь, все чисто убирать будешь. Чего? Завтра знакомый попъ найдемъ...

— Не надо попа! — вдругъ рѣзко выговорила Любава. — Такъ, по-татарски буду жить... Твоему идолу молиться буду, — крикнула она сквозь слезы и толкнула кулакомъ въ раскрытый сальный ротъ деревяннаго божка съ мѣдными солдатскими пуговками вмѣсто глазъ.

— Уй-уй!.. Нашто дерешься? — съ суевѣрнымъ страхомъ зашепталъ калмыкъ. — Этотъ богъ скотину пасетъ...

Но Любава не слушала его и, навалившись грудью на медвѣжью шкуру, дала волю накопившимся слезамъ.

Сапыргай, не понимавшій ничего, сидѣлъ возлѣ огня, подбрасывая въ него сухія вѣтки, недоумѣвающе косился въ сторону плакавшей русской дѣвки.

А Тырлыканъ, забывъ объ обиженномъ идолѣ, утѣшалъ Любаву:

— Пошто плакать? Вотъ: хозяйка будешь, домой въ гости сама поѣдешь. Иноходаго коня Сапрыгайка осѣдлаетъ. Саврасаго!..

Но Любава плакала навзрыдъ.

За юртой, у дверей жалостно повизгивалъ искусанный собаками Барбоска.

IV.

Ночь провела Любава плохо, все дрожала, какъ отъ озноба, и рано утромъ, наскоро похватавъ свѣжей, горячей баранины, которую Сапыргай сварилъ до разсвѣта, стала торопить Тырлыкана:

— Ну, сѣдлай скорѣе, што ли!..

— Айда! — коротко и громко приказалъ тотъ Сапыргаю.

И Сапыргай безъ словъ понялъ, что надо дѣлать. Онъ суетливо выбралъ два лучшихъ сѣдла подъ серебромъ и, выйдя съ ними изъ юрты, загомонилъ, залопоталъ съ пастухами.

Не успѣла Любава надѣть теплую шубу покойной Тырлыкановой жены, какъ Сапыргай шагнулъ въ юрту, и Любава увидѣла возлѣ двери двѣ веселыя лошадиныя морды.

Съ задорной усмѣшкой прыгнула Любава на богатое сѣдло, и Тырлыканъ, державшій за поводъ жирнаго иноходца, впервые показался ей не такимъ, какимъ она привыкла его видѣть. Въ расфранченной фигурѣ его, въ заботливой поспѣшности и въ робкой усмѣшкѣ, съ которою онъ заглядывалъ вверхъ на цвѣтущую Любаву, почудилось ей что-то свойское, будто Тырлыканъ былъ для нея далекій, младшій родственникъ.

Пока Тырлыканъ, подсаживаемый Сапыргаемъ, садился на сѣдло и оправлялъ полы шубы, Любава лихо пробѣжалась мимо юрты, пробуя ходъ иноходца, у

ногъ котораго виновато юлилъ Барбоска. Крикнула Сапыргаю по-калмыцки:

— Если кто прійдетъ меня искать, — говори, что ничего не знаешь, не видалъ!

Крикнула и, увидѣвъ покорную улыбку молодого калмыка, еще разъ улыбнулась и подумала: «Слушается, калмыченокъ... Будто настоящую хозяйку!»

И, позвавъ Барбоску, поѣхала по плохо топтанной тропѣ, не ожидая Тырлыкана.

На высокихъ горныхъ маковкахъ уже лежали золотые колпаки восхода, все ниже опускаясь и нахлобучиваясь на горы, все больше блѣднѣя и сливаясь съ бѣлизною снѣга, и наконецъ, бѣлый иней на пихтахъ и березахъ засверкалъ безчисленными огоньками. Тырлыканъ взглянулъ навстрѣчу солнышку, поморщился и спросилъ:

— Н-но... Какой попъ сперва поѣдемъ?..

Любава отвернулась и мѣшкала отвѣтомъ. Затѣмъ насмѣшливо взглянула на него и прокричала:

— А, можетъ, я ни къ какому не поѣду! Вотъ проводишь до деревни и ступай назадъ!

— Пошто шутки дѣлаешь?—вдругъ сердито взвизгнулъ Тырлыканъ и обиженно и вопросительно глядѣлъ въ глаза Любавѣ.

Любава снова отвернулась и промолчала. Потомъ, когда переметнулись черезъ закутанную въ снѣжные сугробы рѣку, покосилась на третью неосѣдланную лошадь, которую Тырлыканъ велъ въ поводу, и ей показалось невозможнымъ и почему-то даже обиднымъ, что ей теперь дѣйствительно нельзя шутить.

Съ дѣловитой строгостью она сказала Тырлыкану:

— Зачѣмъ такого добраго коня попу ведешь? Можно было взять похуже!

— Три не жалко! — азартно вскрикнулъ Тырлыканъ. — Пусть только дѣло дѣлаетъ скорѣе!

И онъ, обогнувъ Любаву, рысью побѣжалъ по крутой гористой тропкѣ.

— «Теперь ужъ, видно, наготово запросваталась!» — съ горькой усмѣшкой подумала Любава и почуяла, какъ хорошо несетъ-покачиваетъ разгоряченный иноходецъ.

Вечеромъ въ попутной деревенькѣ, отогрѣваясь въ теплой избѣ обрусѣвшаго, крещенаго таныша, Любава говорила Тырлыкану:

— Ну, женишокъ, коли хочешь, штобы не убѣжала отъ тебя, въ первую голову избу мнѣ теплую строй!. Не буду я въ юртѣ твоей мерзнуть!

А назавтра, когда по торной дорогѣ подъѣзжали къ селу, и когда Любава еще издали на фонѣ красной, угасающей зари увидѣла церковку, она совсѣмъ смирилась съ мыслью, что будетъ женою Тырлыкана. Но когда остановились на ночлегъ въ опрятномъ домикѣ купца, Любава вспомнила, что ночью Тырлыканъ можетъ къ ней прійти, такой дряблый, прокопченный и просаленный, со слезящимися узкими глазами и плоскимъ переносьемъ.

Она невольно съежалась и украдкой сплюнула подъ столъ, за которымъ надменная купчиха нехотя угощала ихъ чаемъ.

Но ночью Тырлыканъ къ Любавѣ не пришелъ, а утромъ она снова заспѣшила и сама взялась за хлопоты о вѣнчаньѣ.

Разнаряженные, на богатыхъ сѣдлахъ, поѣхали они къ священнику и въ поводу повели красиваго Рыжку.

— Н-но, здорово, батюшка-попъ! — еще у оконъ поповскаго дома закричалъ Тырлыканъ, требуя этимъ, чтобы батюшка вышелъ на крыльцо.

Но батюшка былъ во дворѣ и показался въ открытыхъ воротахъ.

— На-ка, возьми! — улыбаясь и протягивая поводъ Рыжки, началъ Тырлыканъ.

Батюшка не понималъ и, нерѣшительно беря поводъ, улыбался.

— Ну, потомъ что? Слѣзай съ лошади-то! Заходи!

Любава стояла поодаль и, забывши поздороваться съ священникомъ, не знала, что ей дѣлать.

— Ну, подарка это тебѣ! — объявилъ Тырлыканъ и ждалъ.

— Пода-рокъ?! — протянулъ священникъ. — Да за что-же?

Любава подстегнула иноходца и чуть было не смяла батюшку.

— Мы, батюшка, до вашей милости...

— Вѣнчай! — строго приказалъ Тырлыканъ.

Священникъ пристально поглядѣлъ на дѣвку и на калмыка и недовѣрчиво опять протянулъ:

— Вѣнчать?!. Да какъ это такъ вѣнчать? Ты чья такая?

— Съ заимки я... Признаться тебѣ, сказать: убѣгомъ я хочу...

— Убѣгомъ?! За старика-то?.. Да онъ крещеный ли?

— Но, крещеный! — сердито завопилъ Тырлыканъ и тутъ же мелкимъ смѣхомъ засмѣялся.

Улыбнулся священникъ, поглядѣлъ на Рыжку, еще разъ улыбнулся, покачалъ головой и пригласилъ:

— Ну, такъ слѣзайте съ коней-то да заходите въ избу! Потолкуемъ!

И собственноручно ввелъ во дворъ заиндевѣвшаго Рыжку.

Выслушалъ священникъ Тырлыкана и Любаву, посмотрѣлъ какія-то бумаги, которыя калмыкъ досталъ изъ кожанаго кисета, походилъ по избѣ, подумалъ, на минутку вышелъ изъ избы, — должно быть, съ матушкой посовѣтоваться, а, можетъ быть, еще разъ Рыжку поглядѣть; вернулся и сказалъ Любавѣ:

— Попостовать ему надо, въ церковь хотя съ недѣльку походить... Молитвы кое-какія выучить... А то какой же онъ христіанинъ?!.

Отъ батюшки поѣхали къ купцу. Любава сама выбрала для жениха серебряный крестикъ на шелковомъ гайтанѣ, купила русскій поясокъ и множество обновъ и въ тотъ же вечеръ, сидя въ купеческой горницѣ, возлѣ стола съ шитьемъ, начала учить его молитвамъ. И для того, чтобы онъ былъ послушнымъ и понятливымъ, а также для того, чтобы хозяева не перестали относиться къ нимъ съ почтеніемъ, она ужъ больше не звала своего будущаго мужа Тырлыканомъ, а величала его:

— Степанъ Васильевичъ!

Тырлыканъ хихикалъ отъ удовольствія, покорно повторялъ за нею слова коротенькихъ молитвъ, которыя и сама Любава кое-какъ помнила, и коверкалъ имена святыхъ, за что Любава кричала на него и даже поти-

хоньку шлепала, какъ малаго ребенка, одними пальцами по головѣ.

И каждый день водила его къ батюшкѣ, который уже ѣздилъ на калмыцкомъ Рыжкѣ, былъ очень имъ доволенъ и однажды въ воскресенье пригласилъ ихъ въ горницу, гдѣ сидѣлъ танышъ Тырлыкана, писарь.

— А-а! Михалша Василичъ! — обрадованно запищалъ Тырлыканъ и, поздоровавшись за руку, сѣлъ возлѣ него на корточки и досталъ трубку, чтобы закурить и помѣняться ею со знакомымъ по обычаю.

V.

Любава, отойдя къ сторонкѣ, полушопотомъ разсказывала матушкѣ, какой смѣшной да непонятливый ея женихъ, и прятала свой смѣхъ въ рукавъ не снятаго алтайскаго тулупа.

Тырлыканъ сидѣлъ на корточкахъ и безучастно курилъ трубку, но, когда услышалъ жалобу Любавы, поднялся и началъ упрекать ее:

— Какъ не знаю?.. Шибко знаю!.. Вотъ: Осподи Сусъ Кристе, помилуй нашъ...

И старательно, но неправильно перекрестился.

Священникъ долго поправлялъ изуродованную молитву и, увидѣвъ на головѣ Тырлыкана жесткую, какъ конскій хвостъ, полусѣдую косу, обратился къ Любавѣ, какъ бы совѣтуясь съ нею:

— А косу-то убрать бы надо.

Любава вспыхнула, почуявъ на себѣ пристальный взглядъ писаря, и, оборачиваясь къ Тырлыкану, закричала на него:

— Слышишь? Косу-то отрѣзать надо!..

— Но!.. — вдругъ испугался Тырлыканъ. — Пошто отрѣзать?.. Мой богъ — Яік-ханъ — скотину пасти не хочетъ тогда... Нѣтъ, косу рѣзать не дамъ!.. Твой Богъ мнѣ не мѣшаетъ, мой богъ пусть тебѣ не мѣшаетъ... Вотъ!..

— Ну, што же я съ нимъ буду дѣлать? — безпомощно хлопнувъ себя по бедрамъ, обратилась къ матушкѣ Любава.

И матушка помогла:

— Да пусть ужъ онъ съ косою будетъ! — попросила она батюшку.

— Ну, Богъ съ нимъ! — Только ужъ ты, мила дочь, — строго наказалъ Любавѣ батюшка, — подучи его потомъ молитвамъ-то! А завтра я ужъ повѣнчаю васъ. Вотъ и отца вамъ посаженаго пригласилъ, — указалъ онъ на писаря, который всталъ со стула, подошелъ къ Тырлыкану и сильно хлопнулъ его по плечу.

— Только, братъ, когда пріѣду, чтобы и мнѣ былъ конь этакій же, какъ у батюшки!

Онъ обернулся къ Любавѣ:

— Безъ меня вѣнчать не стали бы: у тебя вѣдь никакихъ документовъ! А я вотъ батюшкѣ завѣрилъ, что ты дѣвка, и въ книгахъ въ церкви распишусь.

Любава и Тырлыканъ съ минуту глядѣли на сытое, усатое лицо писаря, а батюшка сказалъ ему:

— Ну, ты, поди, и сбавишь? Коня-то много...

— Прибавить надо, батюшка, а не сбавлять, — заговорилъ писарь. — У него есть изъ чего дать-то...

Но онъ взглянулъ въ глаза Любавѣ, усмѣхнулся и мягко сказалъ ей:

— Ничего, тамъ сторгуемся. Удостовѣрю.

Любавѣ показалось, что писарь какъ-то по-особому, сощуренно поглядѣлъ въ ея глаза и еще разъ повторилъ:

— Сторгуемся... чего тамъ!

Назавтра батюшка ихъ повѣнчалъ. У писаря отпраздновали свадебное пиршество, на которомъ были и батюшка съ попадьей, купецъ, учительница, старшина, молчаливый и степенный пожилой мужикъ, а на крыльцѣ и возлѣ оконъ толпились любопытные.

Писарша, сморщенная, высохшая отъ болѣзни женщина, усадила молодыхъ въ передній уголъ и простосердечно величала ихъ по имени и отчеству, а писарь Тырлыкану подливалъ вина и, подвыпивши, пытался даже цѣловаться съ нимъ.

Но Любава отставляла вино отъ Тырлыкана и не давала ему много пить. Тырлыканъ хихикалъ и съ видимымъ трудомъ удерживалъ себя отъ выпивки, но слушался, часто вылѣзалъ изъ-за стола и садился подъ порогомъ съ трубкою въ зубахъ.

Законною женою Тырлыкана, новобрачною, поѣхала въ аилъ Любава. Пріѣхала, вошла въ шестиугольный, грязный, закопченный срубъ, заваленный шкурами, сбруей и другимъ добромъ калмыцкимъ, и опустила руки.

— Господи... Пречистая Богородица, да это што же я надѣлала!..

И задохнулась, заревѣла, толкая отъ себя совсѣмъ потеряннаго, маленькаго, отвратительнаго старика.

Наревѣлась, наплакалась вдосталь и съ озлобленіемъ принялась наводить порядокъ и чистоту въ новомъ сво-

емъ жилищѣ... Все прибрала, перевернула по-своему, вычистила, подмела, изжарила баранины, а ѣсть не стала... Сѣла на свою постель да опять въ слезы...

И такъ прошло съ недѣлю, пока въ аилъ не заявились братья.

Никита шагнулъ въ юрту съ свирѣпымъ взглядомъ, и по его движенію Любава поняла, что онъ хочетъ снова схватить ее за косы.

Онъ уже шагнулъ къ ней и процѣдилъ сквозь зубы:

— Дакъ ты такъ-то насъ срамишь?!.

Но Любава схватила со стѣны Тырлыкановъ ножъ и, пряча его за спиной, кричала:

— Только тронь меня!.. Ужъ ежели я за татарина пошла, — мнѣ все равно теперь!..

И Никита отступилъ.

— А дьяволъ тебя бей, коли такъ!.. — вдругъ обмякнувъ, проворчалъ онъ и посторонился при видѣ входившаго въ юрту Тырлыкана.

— Н-но, здравствуй, проходи! — захихикалъ Тырлыканъ и сбросилъ на полъ для сидѣнья Никитѣ одно изъ сѣделъ. — Садись, сватъ-братъ...

Никита смѣрилъ глазами Тырлыкана, скосился на Любаву и спросилъ:

— Да у васъ и взаболь што ли все излажено?

— На-вотъ!.. На той недѣлѣ попъ вѣнчалъ! — строго объявилъ хозяинъ.

— А-а, будьте вы прокляты! — выругался Никита и мирно сѣлъ на сѣдло.

Вскорѣ Сапыргай внесъ дровъ, и Любава принялась готовить ужинъ.

Только Любава ни слова не сказала братьямъ, а съ Тырлыканомъ вдругъ стала ласковѣе и веселѣе глядѣла на него.

Тырлыканъ, посмѣиваясь, жаловался новой роднѣ:

— Вотъ: баба есть, попъ привязалъ, а со мной не спитъ... Я ночью говорю: «иди со мной лежать — теплѣе будетъ». Она не хочетъ... Ишь, свою постель состроила...

И, обращаясь уже къ молодой женѣ, онъ строго спрашивалъ ее:

— Пошто ты сердишься чего-ли?..

— Вотъ, погоди ужо: состроишь избу русскую — можетъ быть, и пріобыкну... — уклончиво отвѣтила Любава и потупилась.

На другой день Никита съ Трошкой ушли домой веселые и унесли съ собою подарки Тырлыкана: двѣ волчьихъ шкуры, пару сухихъ маральихъ роговъ да узду подъ серебромъ.

Ѳедотовна, узнавъ подробности, долго позаочь ругала и кричала на Любаву, грозя снять съ нея свое родительское, по гробъ жизни нерушимое, благословеніе...

Но когда черезъ четыре дня Любава въ сопровожденіи Тырлыкана подбѣжала на лыжахъ прямо къ окнамъ избы, Ѳедотовна вдругъ радостно запричитала и въ одной юбчонкѣ выбѣжала навстрѣчу дочери.

Непривычно было для Ѳедотовны называть Тырлыкана Степаномъ Васильевичемъ. Она не глядѣла на него и не знала, о чемъ теперь ей говорить съ Любавой... А Любава, выполняя обѣщаніе, данное священнику, передъ ѣдой и послѣ ѣды кричала Тырлыкану, какъ глухому:

— Богу-то молиться позабылъ!.. Ну, крестись... Читай за мной...

Тырлыканъ визгливо и тихонько хохоталъ, но слушался и повторялъ непонятныя слова молитвъ.

Вскорѣ по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ и селамъ стали про Любаву разсказывать разныя были и небылицы.

А она, со скуки ли, или отчаянія, или оттого, что отъ природы работящая была, крѣпко взялась за Тырлыканово хозяйство, и напрасно братья и писарь, пріѣхавъ въ гости, выпрашивали у Тырлыкана взаймы денегъ, шкуръ и лошадей.

Любава вмѣшивалась въ разговоры, отстраняя Тырлыкана:

— Онъ старыхъ-то долговъ собрать не можетъ, не токмо вновь давать... Да и како-тако у насъ богатство: избы доброй нѣту!

Тырлыканъ посмѣивался на Любаву, но ревностно оберегалъ отъ нея деревяннаго Яік-хана съ пуговками вмѣсто глазъ и жаловался писарю:

— Всѣмъ баба ладно, однимъ худой: кажнай день сердится...

И онъ усердно хлопоталъ съ постройкою новой русской избы, которою надѣялся умягчить бабье сердце.

VI.

Пришелъ апрѣль.

Всѣ горы облысѣли и днемъ курились бѣлымъ паромъ, а по утрамъ сѣдѣли, покрываясь пушистымъ синеватымъ инеемъ.

Твердый зеледенѣлый снѣгъ въ оврагахъ и ущельяхъ держалъ копыта лошади лишь съ полночи и до восхода солнца, а когда солнце выйдетъ изъ-за горъ на небо — подъ толщею снѣга залопочутъ звонкіе ручьи, и снѣгъ рыхлѣетъ и садится: точатъ его прѣлые, весенніе ручьи.

Чуть забрезжитъ заря, — лѣсъ въ горахъ наполнится страстнымъ говоромъ тетеревовъ, а когда взойдетъ солнце — всѣ горы загудятъ отъ шороховъ и звуковъ, среди которыхъ ярко вспыхиваютъ и внезапно таютъ пѣсни пастуховъ, пробирающихся со стадами по крутымъ южнымъ склонамъ безъ тропы, по оттаявшимъ розсыпямъ и перелѣскамъ, на лысыя верхушки сопокъ.

Туда же, вслѣдъ за пастухами, на вершину ближняго холма, часто тянетъ и молодого Сапыргая, Тырлыканова племянника.

Тамъ ближе къ солнцу, оттуда дальше видны синія курящіяся горы, тамъ можно громче и свободнѣй пѣть.

Сѣрымъ, спутаннымъ узломъ оттуда кажется аилъ, въ которомъ только и пріятнаго для глаза Сапыргая, что изъ острыхъ юртъ постоянно вьется голубой дымокъ, напоминающій о вкусной баранинѣ, о копченомъ сырѣ, о веселой теплой аракѣ...

И тотчасъ же отворачивается отъ аила Сапыргай, когда среди сѣдыхъ пригоновъ или возлѣ желтаго воскового сруба строющейся избы покажется живое ярко-красное пятно Любавы. Но, и отвернувшись, Сапыргай невольно слушаетъ ея звонкій, сочный голосъ и про себя бормочетъ:

— Чужая плотниковъ опять ругаетъ...

Ни вражды къ Любавѣ, ни страха передъ нею Сапыргай въ себѣ не имѣлъ. Она просто для него была посторонняя, чужая здѣсь, въ старомъ гнѣздѣ полудикаго и полусоннаго народа.

Сапыргай никакъ не могъ привыкнуть къ Любавѣ, и возлѣ нея ему было неловко. И еще болѣе неловко сдѣлалось съ тѣхъ поръ, какъ Любава стала пристально глядѣть на него, смѣяться и даже изрѣдка потихоньку шлепать его по головѣ и по плечамъ, которыя почти всегда у Сапыргая были голыя.

— Ишь, оборвался какъ. Рубаху-то какъ сшили, такъ, видно, и не снялъ ни разу. Отъ грязи и разлѣзлась.

Она сшила ему новую, хорошую рубаху на русскій ладъ, но Сапыргай поносилъ ее дня два и, незамѣтно для Любавы, снялъ и сунулъ въ уголокъ за сумы, а самъ на бронзовое тѣло надѣлъ одну овчинную, просаленную шубу, да такъ и не снималъ ее.

— Ты пошто рубаху-то не носишь? — строго закричала на него Любава и хотѣла шлепнуть его по обнаженной груди, но онъ увернулся отъ нея, засмѣялся, какъ отъ щекотки, запахнулъ шубенку и подпоясался.

— Мало горя, вши-то вотъ съѣдятъ тебя! — сердилась Любава и надолго умолкала, задумавшись возлѣ горящаго костра, на которомъ почти всегда изъ молока выпаривалось свѣжее вино.

Тутъ же, въ полудремотѣ отъ постоянной пробы араки, съ трубкою въ зубахъ сидѣлъ и тихо что-то напѣвалъ Тырлыканъ.

Сапыргай видѣлъ, какъ иногда злобно Любава взглядывала на старика.

— У-у... Статуй!.. — выдыхала она сквозь зубы и поспѣшно поднималась съ мѣста, шла изъ юрты, и тогда въ аилѣ поднимался ея крикъ на пастуховъ, на ихъ бабъ, на ребятишекъ, на собакъ, которыя все еще косились на нее и рычали, и на Сапыргая, который ничего-то не умѣетъ сдѣлать, какъ ей надобно.

Калмыки плохо понимали русскій языкъ, но знали: разъ «Чужая» заговорила по-русски, — значитъ, ругается и, значитъ, сегодня все будетъ дѣлать сама: и коровъ доить, и телятъ поить, ягнятамъ сѣно подстилать, отъ юрты снѣгъ отгребать, отъ сруба щепы въ юрту таскать.

Но Сапыргаю больше всѣхъ доставалось отъ Любавы, и все таки онъ не сердился на нее, потому что нравилось ему, какъ она, обозлившись, вырветъ у него работу и сдѣлаетъ сама.

— Черти вы, изжаби васъ въ сердце въ самое!.. Живете, какъ свиньёшки... За три версты отъ васъ воняетъ... Окаянный меня связалъ съ вами!.. — ругается Любава, а у самой въ рукахъ все такъ и кипитъ, такъ и кипитъ.

Наработается, накричится досыта, потомъ придетъ въ юрту, приготовитъ на кострѣ обѣдъ и, проворно наѣвшись, снова утихнетъ, даже подобрѣетъ. Сядетъ шить и долго о чемъ-то неполнымъ голосомъ по-русски распѣваетъ.

Сапыргай слушалъ Чужую и начиналъ ее жалѣть, потому что пѣсни ея казались ему плачемъ.

И если не было въ юртѣ Тырлыкана, онъ тихо говорилъ ей:

— Ступай домой!..

При этомъ скалилъ зубы и махалъ рукою по направленію къ русскимъ деревнямъ.

— Домо-ой?! — удивлялась Любава. — Да я тебѣ тутъ чѣмъ мѣшаю?

— Тутъ худо тебѣ... Тамъ худо не будетъ. Ступай! — гналъ ее Сапыргай и пугливо озирался, какъ бы боясь, что его кто-нибудь подслушаетъ.

— Ишь ты!.. — лукаво прищуривалась Любава и почему-то долго разглядывала Сапыргая.

А потомъ, приблизившись, внезапно шлепала его по бронзовой груди и, смѣясь, начинала щекотать.

Долго визгливо хохочетъ отъ щекотки Сапыргай, но въ черныхъ узкихъ глазахъ его свѣтятся слезы и недоумѣніе, и, когда Любава броситъ щекотать его, онъ сразу же заплачетъ и уйдетъ изъ юрты.

Сидѣлъ на вершинѣ холма Сапыргай, вспоминалъ все это про Чужую и все-таки не могъ разсердиться на нее, потому что солнце такъ ласково трогало его грудь и обнаженную голову теплымъ своимъ золотымъ дыханіемъ. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя на розовые стебли пробивающейся свѣжей травки, на набухшія почки сосѣдняго маральника, на криволапыя и темныя громады рѣдкихъ лиственницъ, уходящихъ все выше и выше на гору, а за горою небо, синее, какъ вода въ горномъ озерѣ, а по небу надъ горою облака плывутъ, пышныя и бѣлыя, какъ послѣ бури пѣна на рѣкѣ.

Межъ деревьевъ по склону горы разбрелись коровы, а межъ ними, какъ старый пень, стоитъ Карамесъ-пастухъ и поетъ что-то жиденькимъ, съ дѣтства раздавленнымъ горами, голосомъ.

Сапыргаю тоже хочется запѣть, потому что надо ему что-то вспомнить или пожалѣть о чемъ-то.

Безъ пѣсни онъ не можетъ вспомнить. И онъ запѣлъ, а какъ запѣлъ, вспомнилъ, потому что запѣлъ о томъ, о чемъ надо было пожалѣть;

„Былъ у Сапыргая конь буланой масти, —
Какъ камень, брошенный богатырской рукою,
Умѣлъ онъ носиться по горамъ.
Пріѣхалъ камъ Байбадакъ,
Отправилъ буланаго на небо къ Ульгеню.
Послѣ ѣздилъ Сапыргай на саврасомъ иноходцѣ,
Пришла въ аилъ Чужая—взяла коня себѣ...
Обучилъ Сапыргай еще коня—гнѣдого, —
Пріѣхалъ писарь сердитый, съ усами, какъ
лошадинный хвостъ,
Увидѣлъ коня, отнялъ, сѣлъ, уѣхалъ,
Тырлыканъ только посмѣялся...“

И вдругъ Сапыргай оборвалъ пѣсню, вспомнилъ, что Чужая, пожалуй, и лошадь хорошую не дастъ ему: всѣмъ распоряжаться стала, даже Тырлыкану не даетъ распоряжаться.

Вскочилъ Сапыргай съ мѣста, схватилъ камень и съ силой швырнулъ его съ горы въ пустое пространство...

Потомъ пошелъ къ пастуху Карамесу пожаловаться на Чужую.

Карамесъ, держа во рту трубку, сонно глядѣлъ красными, больными глазами внизъ, на посинѣвшую, кривую рѣку, еще покрытую льдомъ, сквозь который кое-гдѣ уже бурлила живая, черная вода.

Сапыргай самъ взялъ у него изо рта трубку, обтеръ рукавомъ съ мундштука Карамесову слюну и потянулъ въ себя крѣпкій дымъ.

Карамесъ, не переставая глядѣть внизъ, молча показалъ туда рукою, какъ будто ему было лѣнь сказать хоть одно слово.

Сапыргай взглянулъ внизъ и увидѣлъ, что тамъ, на берегу рѣки, по кривой дорожкѣ, проваливаясь въ снѣгу и ведя въ поводу осѣдланныхъ лошадей, идутъ два человѣка.

Лошади, то и дѣло, прыгали, проваливаясь то задомъ, то передомъ, то останавливаясь на какомъ-либо удобномъ мѣстѣ, и не хотѣли сходить съ него, то снова проваливались и лежали на снѣгу.

Сапыргай поглядѣлъ, заморгалъ глазами, передалъ трубку обратно Карамесу и, сплюнувъ, сердито отрубилъ:

— Бисаръ!..

Потомъ еще разъ сплюнулъ, шагнулъ впередъ и, не то радуясь, не то дразня пріѣзжихъ, закричалъ:

— Эй, би-са-аръ!.. Михаилка Васили-ишь!

Снизу отъ дорожки въ отвѣтъ чуть слышно доносились голоса пріѣхавшихъ, и по тому, что передній поднималъ руку и потрясалъ ею надъ головой, Сапыргай понялъ, что писарь сердится.

Онъ быстро побѣжалъ съ холма къ аилу сказать Тырлыкану, что ѣдетъ русскій гость.

VII.

Въ аилѣ всполошились всѣ собаки и съ остервенѣніемъ лаяли, окруживъ приблизившихся къ юртамъ писаря и старшину.

— Эй, ты!.. Старый песъ! Какого черта смотришь! Онѣ загрызутъ совсѣмъ!.. — ревѣлъ писарь вышедшему изъ юрты и недоумѣвающе глазѣвшему Тырлыкану.

Любава, краснѣя въ оконномъ пролетѣ новаго сруба, со щепами въ передникѣ, стояла какъ-то неподвижно и растерянно. Ребятишки выползли изъ пастушьихъ юртъ, черные, оборванные, съ испуганными узкими глазами; грязныя калмычки выглядывали изъ дверей юртъ, — всѣ точно оторопѣли и, застывъ на мѣстѣ, молча глядѣли на пріѣхавшихъ. Только собаки надрывались, лаяли и по какому-то собачьему закону всю свою злобу обратили на Барбоску, въ котораго попала писарская палка.

И только когда старшина привязалъ обѣихъ лошадей къ городьбѣ и, расправляя длинную бороду, съ улыбкою направился къ Любавѣ, она вспомнила, что по русскому обычаю надо привѣтствовать гостей.

Она выбросила изъ подола щепки, раздергала подтыканную юбку и оскалила бѣлые и частые зубы навстрѣчу старшинѣ:

— Здорово ты живешь, Иванъ Филатычъ! А я, гляди-ка, какъ обасурманилась, и поздоровкаться — изъ ума вонъ... Здравствуй-ка, Михайла Василичъ!.. — подошла она и къ писарю. — Цыцъ! Будьте вы со свѣту прокляты! — притопнула она въ сторону собакъ... — Сапыргайка, чего же ты стоишь?.. Отвязывай сумы-то съ сѣделъ... Ишь, лошади-то какъ умаялись!

— Лошадей-то жаль, а человѣка такъ собакамъ стравить готовы! — зло сказалъ ей писарь и сталъ отворачивать голенища, чтобы стряхнуть съ колѣнокъ насыпавшійся мокрый снѣгъ.

— Пошто же намъ травить? Вѣдь ротъ имъ не заткнешь. А безъ собакъ намъ тоже нельзя... — говорила съ улыбкою Любава и, оттолкнувъ съ дороги Тырлыкана, все еще стоявшаго на одномъ мѣстѣ, открыла дверь въ юрту и стала возлѣ нея.

— Проходите-ка, давайте, грѣйтесь. Сапыргайка, щепокъ неси скорѣе!

— Ну-ко, поглядимъ, какъ ты тутъ живешь-можешь? — сказалъ старшина, шагая первымъ въ юрту.

— А видишь, какъ командуетъ! — смягчаясь, сказалъ писарь и сейчасъ же, не снимая полушубка, повалился на опрятную Любавину постель. — У-ухъ, язви те въ дорожку... Ну, и даетъ она баню!..

Любава покосилась на грязныя ноги писаря, положенныя на клѣтчатое ситцевое одѣяло, и сказала:

— Какая ужъ неволя васъ и гонитъ въ экое разгалье-то?.. Вотъ скоро вѣдь и рѣки задурятъ... Доведется тогда вамъ гдѣ ни на есть дарма сидѣть...

— А доведется, дакъ и ты не выгонишь!.. Изъ-за васъ же и ѣздить-то доводится. Вотъ уже третью недѣлю по ордѣ шатаемся.

Но Любава не дослушала, хлопотливо уходя изъ юрты.

Молча вошелъ Тырлыканъ и, какъ-то нехотя, сѣлъ возлѣ потухавшаго костра.

И ни писарь, ни старшина все еще не поздоровались съ нимъ, будто не замѣтили его. Онъ закурилъ трубку и, попыхивая дымомъ, поглядывалъ то на того, то на другого гостя, не удостаивая ихъ ни однимъ словомъ.

— Н-ну, Тырлыканша!.. Какъ поживаешь — дружелюбно улыбнулся ему старшина.

— Пошто Тырлыканъ?! — обиженно взвизгнулъ хозяинъ. — Степанъ Василичъ надо!.. Пошто Тырлыканъ?..

Писарь совсѣмъ подобрѣлъ, полежавъ на кровати. Скинувъ ноги на полъ, онъ проворно сѣлъ и громко разсмѣялся.

— Ха-ха-ха! Еще и Степанъ Василичъ!.. А ты, Иванъ Филатычъ, погляди: крестъ есть у него на шеѣ?

— Пошто погляди! — совсѣмъ обидѣлся хозяинъ и, запахивая шубой обнаженную грудь, торопливо отползъ отъ старшины.

— Ха-ха-ха!.. Потѣха да и только!..

И писарь снова развалился на постели.

Тырлыканъ, сплюнувъ горькую табачную слюну, отвернулся и снова замолчалъ.

— Выгонять — не выгоню, понятное дѣло, — начала вошедшая съ бараньей лыткою Любава, — а только што самимъ-то вамъ у насъ не поглянется. Опять же черезъ какую-нибудь недѣлю Пасха подойдетъ. Не вовсе весело у насъ вамъ будетъ праздникъ-то встрѣчать. Я и сама на праздникъ-то къ своимъ хотѣла, да не знаю: надо быть, не пустятъ рѣчки.

— Не заживемся, не заживемся, не бойся! — недружелюбно отозвался писарь. — Вотъ передохнемъ, дѣло сдѣлаемъ и дальше тронемся.

— А дѣло-то какое у васъ тутъ? — спросила Любава и вытянула шею.

— Дѣло-то? — ехидно усмѣхнулся писарь. — Дѣло для васъ не совсѣмъ веселое: описывать за долгъ велятъ! Двѣсти семнадцать рублей долгу хозяинъ твой не уплатилъ.

Тырлыканъ, не вставая съ мѣста, вдругъ всѣмъ корпусомъ круто повернулся къ писарю и громко, возмущенно прозвенѣлъ:

— А-а?!.

Любава встала, выпрямилась и спросила:

— Ты пошто, Михайла Василичъ, эдакъ-то шутишь?

— Шутишь?! — сердито крякнулъ писарь.

— Какія тутъ шутки! — тихо, но глубоко вздохнулъ старшина и сталъ помогать Любавѣ подкладывать въ костеръ щепки.

Тырлыканъ часто заморгалъ глазами и, круто поворачиваясь на одномъ мѣстѣ, то къ писарю лицомъ, то къ Любавѣ, все сердитѣе взвизгивалъ:

— А-а?!.. А-а?!..

Любава вдругъ набросилась на него:

— А да а!.. Только ты и смыслишь!.. Намоталъ тамъ, наплелъ чего-то, да теперь и акаешь, дуракъ!.. Молчи ужъ лучше!

И Тырлыканъ замолкъ съ оттопыренной, трясущейся нижней губою, съ моргающими, красными, безъ рѣсницъ, глазами. А Любава урезонивала писаря.

— Да нѣтъ ужъ, ты, Михайла Василичъ... И ты, Иванъ Филатычъ... Ужъ вы повремените!.. Я сама все хорошень узнаю: што же онъ тутъ смыслитъ?.. Это кто-нибудь его просто обсуюзилъ!.. — И она вдругъ угрожающе повысила голосъ: — Я сама все разберу!.. Я и къ становому, и къ самому крестьянскому поѣду!.. Тутъ подвохъ какой-то, вѣрьте Богу, подвохъ!

— Ну, объ этомъ мы потомъ поговоримъ... Давайка, покорми скорѣе насъ! — вдругъ оборвалъ ее писарь, и Любава, встрѣтивъ его насмѣшливый и хитрый взглядъ,

завѣшенный большими рыжими бровями, опять подумала, что писарь пошутилъ, и съ облегченнымъ сердцемъ стала суетиться возлѣ пылавшаго костра.

VIII.

Все горячѣй и веселѣй смотрѣло съ неба солнце, все гомонливѣе неслись ручьи, и меньше оставалось снѣжныхъ пятенъ на горахъ. Распутица крѣпко посадила старшину и писаря въ аилѣ.

Рано, чуть заря, пробуждался и выходилъ изъ юрты Иванъ Филатычъ. Не спалось ему въ бодрое и свѣжее, зовущее къ хозяйственнымъ заботамъ, утро. Все ярче и настойчивѣе вспоминалась пашня, прилѣпившаяся въ отлогихъ увалахъ, близъ села.

Чуть заря, онъ быстро встанетъ, вспомнитъ, что весна идетъ, что на дворѣ свѣжѣе, чище воздухъ, а возлѣ сруба пахнетъ свѣжею лиственной смолою, и, быстро натянувъ зипунъ, идетъ къ постройкѣ. Долго смотритъ на тяжелыя и гладкія бревна, щупаетъ пазы — хозяйственно ли сдѣлано, — поглядитъ на склоны горъ, на далекую, румяную зарю и позавидуетъ:

— Эка благодать тутъ скотинѣ-то ходить! Лѣтомъ большетравіе, въ лѣсу прохлада, а на «бѣлкахъ» и вовсе, поди, ни комара, ни мухи. Только соли надо здѣсь скотинѣ припасать. А то трава прѣсная, пить съ нея не позываетъ...

Думаетъ такъ старшина и потихоньку бродитъ возлѣ сруба, косясь на все еще непримиренныхъ злыхъ собакъ.

Потомъ пройдетъ на берегъ рѣки, которая уже шумитъ, проламывая большія темно-синія окошки во льду.

— Куда тутъ сунешься!? — говоритъ съ собою старшина и мысленно сѣтуетъ на свою старшинскую обязанность.

Но то, что праздникъ не придется встрѣтить дома, безпокоило его, толкало къ измышленіямъ — какъ бы поскорѣе выбраться отсюда, а рядомъ съ этимъ безспокойствомъ вспоминалось дѣтство, когда, послѣ длительныхъ и постныхъ семи недѣль, вмѣстѣ съ первыми подснѣжными цвѣтками, приходили вкусная говядина и «шаньги», и яички, для которыхъ сами же они, малые ребятки, бѣгали на сопки рвать синенькія вѣтреницы: хорошо ими яички красить.

И не говядина, не шаньги, не яички, а эти самые цвѣтки тогда особенно всѣхъ веселили. Мѣстами можно было ужъ и босикомъ бѣгать, мѣстами можно было уже накопать и кандыку, а главное, подъ солнышкомъ, да на пригрѣтомъ и сухомъ увалѣ, хорошо было побѣгать босикомъ въ однѣхъ рубашкахъ.

— У-ухъ-ты! Смѣхъ да и только! — бормочетъ старшина, и въ длинную, большую бороду съ лица его сбѣгаетъ, прячется широкая усмѣшка.

Долго бродитъ онъ по берегу рѣки, пока позади его, въ аилѣ, не раздастся веселый, гулкій стукъ топоровъ. Оглянувшись, старшина видитъ надъ аилами столбы кудряваго дыма и идетъ покалякать съ плотниками.

Сядетъ на бревно и смотритъ, какъ ловко плотникъ гонитъ длинную и ровную щепу; слушаетъ, какъ сильно и отрывисто онъ крякаетъ при этомъ, точно воздухъ изъ себя выбрасываетъ комьями.

Любавинъ голосъ уже звенитъ то тутъ, то тамъ, и старческое мокрое покашливанье Тырлыкана слышится изъ юрты, и короткія, приглушенныя тяжестью горъ нотки пастушьихъ окриковъ, и мычаніе коровъ, удаляющихся отъ аила. И ужъ потомъ замѣтитъ старшина, что изъ-за горы свѣтлымъ и горячимъ глазомъ въ ущелье заглядываетъ солнышко.

На третье утро, послѣ восхода, онъ поспѣшно прошелъ въ юрту и съ ласковымъ упрекомъ протянулъ:

— Ну-ко, Михайла Василичъ, поднимайся... Будемъ новый день безъ дѣла коротать... А-ахъ, ты, хлопота! Завязли мы съ тобой тутъ, а весна къ воротамъ пришла, ждать не будетъ. Недаромъ говорится, што въ день весной упустишь, то годомъ не воротишь...

Писарь потянулся подъ овечьей шубою, перевернулся на спину и, позѣвывая, сказалъ:

— Ну и стужа, язви ихъ тутъ... Какъ они и спятъ?! А тутъ еще какія-то животныя по тѣлу ползаютъ...

Онъ сѣлъ, накинулъ шубу на плечи и, какъ бы не замѣчая Тырлыкана, посмотрѣлъ на пышную фигуру Любавы, возившуюся съ тѣстомъ возлѣ сковородки, и сказалъ:

— Хотѣлъ я ночесь къ тебѣ, Захаровна, подъ одѣяло лѣзть, погрѣться. Не дай Богъ, какъ околѣлъ!

Любава обернулась, и свѣтлые, большіе глаза ея встрѣтились съ степеннымъ взглядомъ старшины.

— Я, мотри, съ ножомъ сплю! — оскаливъ зубы, пригрозила она и испытующе взглянула на Тырлыкана, кряхтѣвшаго возлѣ костра.

— Съ ножо-омъ? — недовѣрчиво протянулъ Иванъ Филатычъ. — Пошто съ ножомъ-то?..

— Для всякаго случаю... — назидательно отвѣтила Любава.

— Хо-хо!.. Ножъ у нея для Тырлыкана припасенъ, — сказалъ писарь и, вставляя въ зубы цигарку, хитро прищурился на Тырлыкана, который какъ будто и не слышалъ словъ писаря. — Этакое добро зря пропадаетъ! — кивнулъ писарь въ сторону Любавы. — Гляди, хоть на картину срисовывай.

— Не подъѣзжай-ка! — огрызнулась Любава, но глаза ея съ какимъ-то острымъ любопытствомъ задержались на усатомъ, коренастомъ писарѣ. — Давай-ка, умывайся да чаевать начнемъ: сейчасъ лепешку испеку. Иванъ Филатычъ-то, давно, поди, проголодался.

Иванъ Филатычъ еще разъ пристально взглянулъ на Любаву и сказалъ:

— И правда што: не завидна же твоя судьба, Захаровна.

— Пошто это? — почти обидѣлась Любава.

— Али ничего, привыкла? — спохватился старшина.

Тырлыканъ лѣниво потянулся къ аракѣ.

На сковородѣ шипѣло и распространяло дразнящій запахъ коровье масло подъ лепешкою.

Любава спрятала улыбку и украдкой поглядѣла на писаря, который, подсаживаясь къ низкому столу, будто невзначай оперся на ея колѣнко.

И вдругъ Тырлыканъ сердито закричалъ на писаря:

— Пошто домой не уѣзжаешь?.. Пошто долго гостяхъ живешь?

Писарь презрительно взглянулъ на Тырлыкана, усмѣхнулся и, принимая отъ Любавы чашку, спокойно заявилъ:

— Погоди, сперва дай дѣло сдѣлать!..

— Какой дѣло?!

Писарь вдругъ разсвирѣпѣлъ:

— Чего прикидываешься дуракомъ-то?.. Шутя я тебѣ зимой повѣстку привозилъ?! Почему не уплатилъ во-время?.. Сейчасъ захочу и опишу весь скотъ, продамъ вотъ старшинѣ за двѣ сотни!.. Ну?!

Тырлыканъ не выдержалъ пристальнаго злого взгляда писаря и отвернулся.

— Ну, будетъ вамъ шумѣть-то!... — умиротворяюще заговорила Любава. — Пей съ лепешкой-то, Михайла Василичъ!.. Въ маслице-то вотъ макай... Иванъ Филатычъ, а тебя не знаю, чѣмъ и потчевать, нѣтъ ничего постнаго, не обезсудь ужъ, Бога ради!.. Вотъ, Богъ велитъ, весной избу новую отстроимъ, все будетъ у меня, какъ слѣдно быть... Теперь вотъ только бы промаяться...

Потомъ она повысила голосъ и обратилась къ Тырлыкану, какъ къ глухому:

— Никакого у тебя обхожденья нѣтъ съ людьми!..

Она помолчала, глотнула съ блюдечка чаю и снова громко закричала:

— А вотъ возьмусь сама за дѣло и никакого взыску не будетъ. Поѣду вотъ налицо къ самому крестьянскому... Къ исправнику заявлюсь...

Но Любава видѣла, какъ ядовито усмѣхался писарь, ощупывая острыми, синими глазами обвѣтрившееся, но

свѣжее лицо Любавы и всю ея пупичатую, полную фигуру.

И, какъ бы что-то сообразивъ, писарь мягче, чѣмъ всегда, заговорилъ:

— Если сама поѣдешь хлопотать, пожалуй, дѣло выгоритъ. А описать мы все-таки обязаны... Не зря же мы сюда заѣхали, — добавилъ онъ, и подъ нависшими бровями его снова зазмѣились огоньки лукавства.

Любава вдругъ перемѣнила тонъ:

— Ну, ужъ не ломайся, Михайла Василичъ!.. Безъ подарку, понятное дѣло, тебя не отпустимъ...

— А это будетъ видно... — загадочно улыбнулся писарь. — А поѣхать тебѣ надо. Вотъ теперь же съ нами и поѣдемъ.

Тырлыканъ круто повернулся на своемъ мѣстѣ:

— Я тоже буду поѣхать! — вдругъ заверещалъ онъ, какъ бы учуявъ что-то неладное въ совѣтѣ писаря.

Любава глянула на него долгимъ волчьимъ взглядомъ.

— И-ихъ, кикимора!.. — бросила она сквозь зубы и громко прибавила: — Такъ вотъ тамъ тебя и послушаютъ!

— Тебя пошто послушаютъ? — затрясъ головою Тырлыканъ.

— А вотъ и послушаютъ!.. — твердо сказала Любава и шумно опрокинула на блюдце чашку.

— Я буду ѣхать! — упрямо повторилъ Тырлыканъ.

— А мнѣ горя мало, — поѣзжай! — отвѣтила Любава вялымъ голосомъ и, увидѣвъ въ дверяхъ Сапыргая, сердито закричала на него, какъ бы срывая на немъ всю досаду: — Чего свѣтъ-то загородилъ? Иди, зови плотниковъ чай пить!..

IX.

Всю ночь подъ праздникъ старшина не могъ уснуть и подъ шумный говоръ рѣки ворочался и раздумывалъ разное, никогда раньше не приходившее въ голову.

То ему хотѣлось угадать, куда пойдетъ душа Тырлыкана, когда онъ умретъ. «Неужели въ рай пустятъ?.. Да и въ адъ какъ будто не за что. Онъ никого не обижаетъ, а его всякій можетъ изобидѣть».

Потомъ онъ мысленно сердился на писаря за то, что тотъ завезъ его въ распутицу въ такое мѣсто, откуда къ празднику домой нельзя было попасть.

«А самъ день и ночь лежитъ въ юртѣ, съ бабой перемигивается, прости Господи!..»

То вспоминалъ вдругъ свое давнишнее, когда былъ женихомъ теперь поблекшей Аграфены.

«Тоже дѣвка была мягкая», тайно улыбнулся самъ себѣ Иванъ Филатычъ и тутъ же спохватился: «въ этакую ночь да этакіе помыслы!..»

— О Господи, прости!.. — кряхтѣлъ онъ и не могъ уснуть.

Въ юрту доносился отдаленный шумъ все прибывавшей рѣки, а возлѣ близко слышалось сонное посвистываніе свернувшагося подъ порогомъ Сапыргая и тяжелое храпѣніе Тырлыкана, который, нѣтъ-нѣтъ, и отрыгнетъ во снѣ. Писарь ворочается: должно быть, безпокоятъ блохи... Любавы не слыхать.

— Захаровна, ты спишь?

— Нѣтъ, Иванъ Филатычъ... А чего тебѣ?

Старшина помолчалъ и отвѣтилъ.

— Теперь, поди, въ селѣ-то къ заутренѣ давно ударили.

Любава повернулась къ лежанкѣ, вслухъ зѣвнула и сказала:

— Я вставать же скоро буду. Не знаю, што бы для праздничка состряпать... Вѣдь горе: ни посудинки, ни удобьица... Лежу вотъ, да и думаю: кабы васъ съ Михайлой Василичемъ не было, — завылась бы я завтра!.. Такъ волкомъ и провыла бы весь день. Всю жисть вотъ такъ! Дома тоже свѣту не видала. Праздникъ-то сидишь, бывало, на заимкѣ да воешь...

— Воемъ не пособишь! — сказалъ Иванъ Филатычъ. — Сама свою судьбу нашла...

— Спите вы, пожалуйста! — рявкнулъ писарь, а отъ этого проснулся и закашлялъ Тырлыканъ.

Старшина затихъ и заглядѣлся вверхъ юрты, гдѣ сквозь дымовое отверстіе виднѣлась яркая, далекая звѣзда. Что-то далекое и непонятное метнулось въ думахъ старшины и исчезло вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ смутнаго недоумѣнія.

Опять какой-то отрывочекъ изъ дѣтства промелькнулъ въ воспоминаніяхъ: когда-то маленькій лежалъ на гумнѣ и вотъ этакъ же глядѣлъ на звѣзды и недоумѣвалъ: «Какой такой есть Богъ?..»

Потомъ звѣзда стала блѣднѣть и угасать, а сквозь щель двери просачивалась желтая полоска отъ зари.

Иванъ Филатычъ закрылся съ головою зипуномъ и крѣпко захрапѣлъ.

А когда проснулся, — былъ яркій и теплый день, такой же скучный и бездѣльный, какъ и всѣ дни, прожитые здѣсь нехотя и подневольно.

Передъ завтракомъ Иванъ Филатычъ хотѣлъ было похристосоваться съ писаремъ и съ Любавою, но, вспомнивъ, что и Тырлыканъ крещеный, какъ-то застыдился своего желанія и нахмурился... А писарь зло вышучивалъ Любаву:

— Хоть ты и сердишься на Сапыргайку, а, вижу я, тебѣ безъ него не прожить... Хорошо ему тутъ живется, я гляжу...

— А тебѣ завидно, дакъ ты поступай на его должность!.. — лукаво засмѣялась Любава. — Будешь мнѣ воду носить да спать подъ порогомъ.

Писарь прикусилъ усы, сверкнулъ глазами и промолчалъ.

Любава вдругъ обмякла, будто испугалась, что неласково отвѣтила.

— А ты, я вижу, ужъ и разсердился!.. И пошутить нельзя... Кушай съ аладушками-то!.. Не обезсудь — какіе есть...

Тоскливо почему-то стало вдругъ Ивану Филатычу. Онъ всталъ изъ-за столика, перекрестился на востокъ и вышелъ изъ юрты. Потомъ поднялся на ближайшій холмъ, глянулъ въ даль, на пѣгія, горбатыя горы и синіе, глубокіе овраги и долго такъ стоялъ въ раздумьѣ. Потомъ, увидѣвъ Тырлыкановыхъ коровъ, началъ было ихъ считать, но не досчиталъ и бросилъ.

Забота о семьѣ, о домѣ, о надвигавшейся пахотѣ перебила его счетъ, и онъ, бродя по сопкамъ, не зналъ, какъ скоротать длинный, ничѣмъ не напоминающій о Пасхѣ, день.

Спустился на берегъ бушующей рѣки, которая большими, зыбкими, мутно-зелеными волнами заплескивала

каменные берега, рвала прибрежныя деревья, въ мелкое серебро дробила остатки бирюзовыхъ льдинъ. И неслась впередъ, могучая и властная, раскованная отъ холодныхъ льдовъ зимы и безразсудно мчавшаяся въ слѣпое и невѣдомое далеко.

«Н-да... Всякому до себя... — трудили думы голову Ивана Филатыча. — И у меня вонъ тоже дѣвка не пристроена... Богъ знаетъ, какая судьба ей на роду написана... Жисть... она не милуетъ... Какъ тутъ судить другихъ, когда свой грѣхъ, быть можетъ, у порога»...

И только тутъ понялъ Иванъ Филатычъ, почему не сидится ему въ юртѣ: чуетъ онъ, что лишній тамъ, какъ лишній и старый Тырлыканъ. Оба они мѣшаютъ писарю съ Любавой. Видать, что между ними завязалось что-то такое, отъ чего другимъ надо бѣжать...

Онъ рѣшилъ сейчасъ же уѣзжать отсюда.

«Ежели домой не попаду, гдѣ-нибудь на заимкахъ поживу... Все не на одномъ мѣстѣ дуракомъ сидѣть...»

И поспѣшною походкой направился къ аилу. Но, приближаясь, издали услышалъ смѣшанный бранчливый крикъ, въ которомъ непрерывной нотою звенѣлъ озлобленный голосъ Любавы.

Возлѣ юрты Тырлыкана толпились пастушьи бабы и ребята, и лица ихъ были испуганны и хмуры...

Иванъ Филатычъ распахнулъ дверь юрты.

Тырлыканъ, пошатываясь и часто моргая заспанными глазами, стоялъ съ винтовкою въ рукахъ противъ Любавы и сипѣлъ:

— Айда домой!... Ступай!.. Ты мнѣ не надо, ступай!..

— Не боюсь я тебя!.. Стрѣляй!.. Убей!.. Стрѣляй!.. — звенѣла Любава и толкалась грудью въ дуло винтовки, которую Тырлыканъ отдергивалъ въ сторону.

У порога юрты стоялъ испуганный и блѣдный Сапыргай, а писарь сидѣлъ на корточкахъ поодаль отъ Любавы и спокойно ухмылялся про себя.

Но Тырлыканъ, увидѣвъ старшину, самъ отдалъ ему ружье и плаксивымъ, тонкимъ голосомъ залепеталъ:

— Айда, бери меня каталажка!.. Хозяйка-то я стрѣлять хотѣлъ.

— Чего такое тутъ у васъ? — хмуро спросилъ старшина у писаря.

Но ему отвѣтилъ Тырлыканъ:

— Я напилъ араку да спалъ... Проснился да гляжу: она ему мѣстѣ лежитъ...

— Вретъ онъ все!.. — неожиданно заплакала Любава. — Какъ передъ Господомъ, передъ тобой, Иванъ Филатычъ: какъ была я дѣвка, дѣвка и сейчасъ... А только што дѣйствительно, ежели захочу собой распорядиться, нѣтъ ему дѣла до того!.. Надоѣло мнѣ младеномъ быть...

Но Иванъ Филатычъ не хотѣлъ слушать Любаву и снова обратился къ писарю:

— Ты пошто это, Михайла Василичъ, эдакъ-то не ладно поступаешь? Какъ-никакъ, вѣдь онъ дому хозяинъ... А ты тутъ грѣхъ заводишь... Просто, скажемъ даже, стыдъ!..

Писарь всталъ съ мѣста и злобно поглядѣлъ на старшину.

— Не лѣзь-ка ты, Иванъ Филатычъ, не въ свое дѣло!

А потомъ расхохотался и шагнулъ изъ юрты.

Иванъ Филатычъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, вызвавъ за собою Сапыргая, потихоньку приказалъ ему: «Идико, поскорѣе осѣдлай мнѣ мою лошадь» и поглядѣлъ на высоко поднявшееся солнышко.

Увидѣвъ, что Иванъ Филатычъ собирается, Любава быстро нарядилась въ новый красный сарафанъ, надѣла плисовый, недавно сшитый халатъ, подпоясала его помужицки зеленой опояской, голову покрыла красной шалью и, взявъ въ руку узду и плеть, строго сказала, ни къ кому не обращаясь: «Ну, вотъ и я готова!» — и велѣла Сапыргаю осѣдлать ей иноходца.

Тырлыканъ волчкомъ закрутился на одномъ мѣстѣ, заспѣшилъ, вытащилъ изъ юрты тяжелое, кованное въ серебро сѣдло, заковылялъ во дворъ, гдѣ стояли лошади, и визгливо сталъ кричать тамъ на Сапыргая, чтобы тотъ сѣдлалъ коня сперва ему, а не Любавѣ.

Писарь смотрѣлъ на суетливые сборы и бѣготню Любавы и сердито спросилъ у нея:

— Ты совсѣмъ, што ли, отсюда?..

Любава вдругъ остановилась, мѣшкая отвѣтомъ и какъ бы спрашивая объ этомъ у самой себя.

Потомъ досадливо отвѣтила:

— А дьяволъ меня знаетъ!.. Можетъ и совсѣмъ!

Она отбѣжала къ лошади и оттуда громко и насмѣшливо спросила писаря:

— А ты описывать, што ли, останешься?..

Но писарь не отвѣтилъ ей и, молча, съ ехидною усмѣшкой, собственноручно сталъ сѣдлать себѣ коня.

X.

Солнце повернуло съ полудня, когда всѣ четверо отправились по узенькой и скользкой горной тропкѣ, по крутому косогору, надъ рѣкой.

Впереди всѣхъ ѣхала Любава, за нею — писарь, потомъ Иванъ Филатычъ и послѣднимъ Тырлыканъ.

Отъѣзжая отъ аила и оглядываясь, Любава долго видѣла провожавшаго ихъ Сапыргая. Онъ шелъ за ними слѣдомъ, и на смугломъ и сухомъ лицѣ его такъ и осталось недоумѣніе.

«Поди, глазамъ своимъ не вѣритъ, что я уѣзжаю», подумала Любава и впереди себя увидѣла Барбоску.

Потряхивая большими лохмами еще не вылинявшей грязной шерсти, Барбоска былъ забавенъ, и Любава усмѣхнулась: «Ишь приданое-то мое не отстаетъ!» и вспомнила, что если броситъ Тырлыкана, у нея, кромѣ этой привязавшейся собаки, никого и ничего не будетъ.

Тоской и злобою забилась въ ней душа.

«Докуда же я мыкаться-то буду безъ пути, безъ талану?!» — подавленно заныла она и тоскливо огляну-лась вокругъ.

Сѣрыя, большія горы, кое-гдѣ подернутыя свѣжей зеленью, и зыбкая, бурливая рѣка внизу, и темный лѣсъ въ оврагахъ по ту сторону рѣки, и даже свѣтлое и голубое небо съ яркимъ желтымъ солнцемъ посрединѣ показались ей постылыми... Будто это они во всемъ виноваты, будто они загородили ей пути-дороги изъ этихъ тѣсныхъ, сумрачныхъ ущелій и не пускаютъ, не даютъ ей воли пожить, какъ хочется.

Впервые въ жизни стукнулось ей въ голову:

«У другихъ бабъ хоть и горе тамъ, али маята какая, дакъ хоть въ ребятишкахъ есть утѣха... У звѣря, и у того, дитенокъ есть и мужъ ивзабольшный... А тутъ живешь, ни Богу свѣчка, ни черту кочерга... Ишь вонъ, песъ-то старый увязался» — оглянулась она на Тырлыкана, но взглядъ ея встрѣтился съ хитрыми глазами писаря, и Любава, отвернувшись, сильно дернула поводья иноходца.

— Ну, изжаби те, запинайся!.. — выругала она ни въ чемъ неповиннаго коня и, больно ударивъ его нагайкой, быстро понеслась по крутому, жуткому карнизу надъ обрывомъ.

«Все равно !.. — мелькнуло у нея въ сознаніи. — Чертъ броситъ въ рѣку, туда и дорога!..»

И что-то дикое овладѣвало ею, когда саврасый иноходецъ стрѣлою перебрасывался черезъ мелкіе овраги, камни и трухлявыя колодины.

Полы синяго халата и подолъ краснаго сарафана лихо развѣвались надъ сѣдломъ, тугія икры плотно прижимались къ теплымъ бокамъ саврасаго, а упругія ноги стояли твердо и увѣренно въ посеребренныхъ стременахъ.

— Нѣтъ, врешь! — съ кѣмъ-то спорила Любава. — Еще не Богъ вѣсть, какой я перестарокъ!.. Врешь!..

Саврасый часто перебиралъ ногами, осыпая въ пропасть мелкіе камни и кое-гдѣ скользя копытами по обнаженнымъ корнямъ лиственницъ.

По временамъ Любава оборачивалась на сѣдлѣ и видѣла, что писарь тоже гонитъ свою лошадь, но замѣтно отстаетъ, когда тропа идетъ въ опасномъ мѣстѣ...

Иноходецъ несъ лихимъ, баюкающимъ ходомъ, хотя Любавѣ и казалось, что онъ облѣнился, зажирѣлъ.

Настегивая его нагайкой, Любава звонко кричала:

— Ну-у-ка-а, бо-оро-овъ!

Скоро узкая тропинка сорвалась съ утеса на лужайку, а на лужайкѣ раздвоилась: одна тропа пошла по берегу, другая же нырнула въ рѣку и черной, узенькою змѣйкой выползла на другой берегъ.

Любава осадила лошадь и оправила растрепанные волосы.

Рѣка, черезъ которую здѣсь лѣтомъ перебродятъ овцы, теперь взыграла, поднялась и ревмя ревѣла на все глубокое ущелье.

— Кабы хоть лодка! — думаетъ Любава. — Берега тутъ отлогіе, съ кустами, хоть и снесетъ, — пойматься есть за што...

И такъ ей захотѣлось перебраться черезъ рѣку, попасть въ село, поговорить съ подружками, побыть на народѣ, русскій обиходъ увидѣть...

— Неужто всплыветъ лошадь? — бормотала она, помышляя объ отважной переправкѣ. — Ежели всплыветъ, — вымокну, простыну...

Сзади послышался топотъ лошади, и писарь еще издали кричалъ:

— Ты не вздумай здѣсь брести!..

— А пошто и не брести? — задорно отозвалась Любава.

— Попробуй!..

— И попробую!..

— Теперь, смотри, она по дну-то камни гонитъ... Измелетъ за милую душу...

— А давай вмѣстѣ побредемъ! — съ какимъ-то озорствомъ потребовала вдругъ Любава.

Писарь пытливо поглядѣлъ въ ея большіе, смѣхомъ и лукавствомъ засверкавшіе, глаза.

— Слышишь? — настаивала Любава и, высвобождая ноги изъ стремянъ, невзначай обнажила розовое колѣно.

Писарь молча и нерѣшительно глядѣлъ въ ея зардѣвшееся круглое лицо и не зналъ, что отвѣтить.

— Смотри, вонъ ѣдутъ! — ткнула она плетью въ сторону отставшихъ. — Ну?..

И тронулась къ рѣкѣ.

— Любава! — вдругъ позвалъ писарь какимъ-то прыгающимъ голосомъ.

Но Любаву обуяло дикое, непреодолимое упрямство.

— Ну, писарь, пропаду — молись за упокой!.. Господи, благослови!

И зауросившаго на берегу коня Любава со всего плеча ударила нагайкой.

Иноходецъ прыгнулъ въ воду, и вѣеръ брызгъ обдалъ Любаву съ ногъ до головы. Волны хлестнули въ грудь коня, и онъ остановился, порываясь назадъ, но Любава вновь ударила его нагайкой и громко закричала, погружая въ воду ноги:

— Эй, писарь!.. Кланяйся домашнимъ!..

Но писарь бросился за нею вслѣдъ.

Заревѣла, закипѣла вода у самыхъ сѣделъ, и обѣ лошади, настигая одна другую, зафыркали и, все глубже и глубже погружаясь въ ледяную воду, плавно закачались на волнахъ.

— У-у!.. Сту-дено-о!.. — хватаясь за гриву и растягиваясь возлѣ лошади, взвизгнула Любава.

И берегъ передъ нею быстро-быстро побѣжалъ назадъ, мелькая сѣрыми камнями и кустарникомъ. Но вскорѣ же копыто иноходца четко стукнулось о камень, и Любава повисла на гривѣ у крутого берега.

И вмѣсто того, чтобы выбираться на берегъ, Любава стояла по колѣно въ водѣ и громко хохотала.

— Да это... не жаба ли... меня погнала!.. Да глядика ты, какая я лягушка стала!.. Господи-и!.. А ты-то, глянь-ка на себя!..

Но писарь, злобно прикусивъ усы, схватилъ ее за спояску и поволокъ на берегъ.

Съ нихъ струями текла вода, лошади дрожали и, тяжело дыша, отряхивались, а Любава, вымокшая до груди, стояла на камняхъ и не могла передохнуть отъ смѣха.

Но вотъ за шумомъ рѣки она услышала знакомый крикъ и оглянулась.

На томъ берегу, размахивая руками, кричалъ Тырлыканъ, а рядомъ съ нимъ, въ чемъ-то убѣждая его, неодобрительно качалъ головою старшина.

Но Тырлыканъ еще сильнѣе замахалъ руками и началъ бить коня, посылая его въ воду вслѣдъ за переплывшими...

Любава замерла на мѣстѣ и, переставъ смѣяться, лепетала:

— Матушки!.. Богородица!.. Да не сдурѣлъ ли онъ?.. Эй!.. Глубоко! Не броди-и!.. — закричала она Тырлыкану.

Но Тырлыканъ уже побрелъ.

И только онъ добрелъ до глубины, лошадь его запнулась, упала въ воду, но, поднимаясь, бѣшено взвилась

на дыбы и всѣмъ корпусомъ винтообразно повернулась назадъ, къ берегу. И въ пѣнѣ мутныхъ волнъ Любава не замѣтила, куда дѣвался Тырлыканъ. Она только увидѣла, какъ лошадь его выпрыгнула на берегъ и, встряхиваясь на бѣгу и наступая на поводъ, лихо помчалась обратно по тропѣ. А старшина Иванъ Филатычъ побѣжалъ было вдоль берега внизъ по теченію, что-то крича и безпомощно размахивая руками...

Любава затряслась отъ охватившаго ее озноба и, выжимая перемокшую одежду, вспрыгнула на лошадь и безъ дороги кинулась внизъ по рѣкѣ. Но писарь догналъ ее, схватилъ за поводъ иноходца и закричалъ:

— Ну, перестань блажить-то!.. Теперь ужъ поздно, не спасешь!..

И долго еще стояли они у рѣки, не произнося больше ни слова и напряженно прислушиваясь къ неизмѣнному и несмолкаемому шуму равнодушной ко всему рѣки.

О чемъ-то имъ кричалъ Иванъ Филатычъ, но они не разслышали, и онъ, махнувъ рукой, свернулъ на ту дорожку, которая идетъ вдоль берега къ русскимъ заимкамъ.

— Ну, не околѣвать же и намъ тутъ! — наконецъ строго сказалъ писарь. — Надо погонять: на ѣздѣ скорѣй согрѣемся...

Любава впереди себя опять увидѣла Барбоску съ мокрою приглаженною шерстью, отчего онъ показался тощимъ и костистымъ.

Солнце склонялось къ западу, когда вдали Любава разглядѣла дымокъ въ знакомой одинокой пасѣкѣ.

Писарь настегивалъ отощавшаго коня, чтобы скорѣй добраться до жилья.

XI.

Шустрый суетливый старичокъ, хозяинъ пасѣки, Онисимъ Минеичъ, въ новыхъ насмоленныхъ бродняхъ, съ ножикомъ въ большихъ ножнахъ на поясѣ, въ длинномъ бѣломъ балахонѣ и кошемной шапкѣ пирожкомъ, стоялъ возлѣ открытаго омшанника, когда у городьбы остановились писарь и Любава.

Онъ пытливо и долго глядѣлъ на пріѣхавшихъ, какъ бы не вѣря, что кто-то могъ пріѣхать къ нему въ эту глушь и въ это время, но, узнавъ писаря, поспѣшно отворилъ жердяныя, скрипучія ворота и скороговоркою залепеталъ:

— Здорово ты живешь, Михайла Василичъ! Здорово... Давайте-ка, слѣзайте да бѣгите въ избушку. Тамъ печка топится. Эко, гдѣ-то васъ Господь-отъ выкупалъ! Давай-ка, мила дочь, лошадь-то мнѣ, я разсѣдлаю. Бѣги, бѣги, сушись скорѣича! Да ты никакъ Захарова дочка? Не ты ли за Тырлыканку-то ушла? Ишь, Господь-отъ попустилъ какую участь для тебя...

Любава одеревенѣлыми ногами, въ облипшей и связавшей всю ее одеждѣ, кое-какъ зашла въ избушку и сразу же стала все снимать съ себя и развѣшивать возлѣ огня.

Писарь снялъ бешметъ и тужурку и сѣлъ къ огню плечомъ въ плечо съ Любавой.

Какъ бы не замѣчая писаря и молча хмурясь, Любава сидѣла въ одной рубахѣ изъ домашняго сурового холста и слегка дрожала, лязгая зубами.

Онисимъ Минеичъ былъ уже въ избушкѣ и, звеня чернымъ котелкомъ, болталъ:

— Вотъ такъ, вотъ такъ, мила дочь! Какой тутъ стыдъ? здоровье-то дороже... А я вотъ сейчасъ для васъ и ужинъ сгоношу. Мясцо у меня есть. Мясца привезъ. И праздничекъ пришлось не дома встрѣтить... Дня три ужъ какъ пріѣхалъ. Забота, пчелки заботятъ, ровно дѣтки малыя... Выставлять-то еще рано, а забота не даетъ покою. Господь ихъ знаетъ, какъ прозимовали? Сегодня вотъ, благословясь, для праздничка Господня, открылъ подвалъ, вошелъ — теплынь, спаси ихъ Богъ! За зиму-то надышали. Ну, слава Богу, думаю, живы. Приложилъ ухо къ той, къ другой колодкѣ — гудутъ. Только въ двухъ колодочкахъ мертво... — Старикъ печально сморщилъ лобъ и жалостливо повторилъ: — мертво!.. Послушалъ, — молчатъ, и колодочка студеная. Умерли и, видать, давно умерли, — должно быть, съ осени, потому ульи тяжелые, запасъ въ нихъ долженъ быть. И что за причина — Богъ ихъ знаетъ. — Онъ помолчалъ, посуетился и продолжалъ:

— Кабы отъ холода, дакъ всѣ бы умерли. Ужо вотъ погляжу, открою: что за причина? А вы тутъ доглядите за варевомъ-то, чтобъ жирокъ-отъ не сплылъ. Пойду, заботятъ меня пчелки...

И, уходя отъ печки, Онисимъ Минеичъ игриво шлепнулъ по обнаженному плечу Любаву и съ мелкимъ смѣшкомъ проговорилъ:

— Ишь, какая гладкая досталась калмыку, да еще старому, суди его Господь! Хе-хе. Ну, согрѣвайтесь, согрѣвайтесь! Да поглядите за мясцомъ-то. А я пока за солнышко еще обслушаю съ десяточекъ.

Старикъ старательно захлопнулъ за собою дверь, и въ маленькой избушкѣ стало вдругъ темно, какъ

ночью. Только свѣтъ отъ огня въ печи игралъ на розовыхъ плечахъ Любавы и тянулъ къ себѣ обильный паръ съ подсыхавшей ея рубашки. Любава для того, чтобы рубашка высохла скорѣе, то и дѣло поворачивалась къ печкѣ то спиной, то грудью, то боками.

Писарь оглядывалъ Любаву жадными глазами и все больше свирѣпѣлъ отъ ея упорнаго молчанія. Въ то же время его тянуло къ ней, но не хватало смѣлости приблизиться, какъ будто онъ боялся, что Любава плюнетъ ему въ лицо или ударитъ по щекѣ и скажетъ: «Уйди, я, вѣдь, еще дѣвка!».

Но какой-то звѣрь крѣпко обнялъ писаря, сдавилъ его въ горячихъ когтяхъ, вытѣснилъ разсудокъ и съ силою толкнулъ къ Любавѣ.

— Ты злишься на меня? — глухо спросилъ онъ, обхватывая влажное тѣло Любавы крѣпкими руками.

Любава, обернувшись, поглядѣла на него въ упоръ и, отстраняя отъ груди его руку, зло проговорила:

— На себя я злюсь!.. Загубила человѣка ни за что — и горя мало!..

Но писарь перебилъ ее, злорадно засмѣявшись:

— А-а!.. Чортъ его погналъ, куда не надо!..

И, медленно слабѣя въ рукахъ писаря, Любава пристально глядѣла въ его помутнѣвшіе глаза и спрашивала полушопотомъ:

— А какъ ежели да насъ съ тобою завинять?..

— Никто не завинитъ... Самъ напишу начальству... Да и старшина свидѣтель...

Писарь говорилъ поспѣшно и прерывисто и все крѣпче прижималъ къ себѣ Любаву, пока она не выдохнула съ безсильной горечью, сквозь слезы:

— А-а! пропади я пропадомъ!.. Туда мнѣ и дорога!

Когда же въ задымленной печкѣ стали догорать дрова и когда вошедшій Онисимъ Минеичъ сталъ корить гостей за то, что они сплавили весь жиръ съ похлебки, Любава, надѣвая высохшее платье, виновато усмѣхалась и совсѣмъ по-новому безъ умолку болтала, какъ бы желая болтовнею заглушить въ себѣ какую-то большую не то боязнь, не то вину, не то, быть можетъ, новый незнакомый раньше и какой-то пьяный стыдъ...

Онисимъ Минеичъ понялъ все по-своему:

— Ишь, языкъ-отъ оттаялъ — заработалъ... А я вотъ медку, смотрите-ка, нарѣзалъ... — говорилъ старикъ, выкладывая изъ рѣшета старые, потемнѣвшіе соты. — Да вѣдь какая оказія случилась! — оживился онъ, сокрушенно раскачивая головой. — Открылъ я улей и долго дивился: колодка полна меду, а пчелы мертвыя. Глядѣлъ я, глядѣлъ и сталъ вырѣзывать осотины. Только дошелъ до пяты и вижу, братецъ ты мой: тамъ на низу весь ходъ завалили мертвяки, здоровымъто и некуда податься. Кабы лѣто — онѣ бы выбросили ихъ въ очко и только. А зимой-то некуда, онѣ тутъ же и здоровыя-то замаялись... А пчелѣ, ей тоже ходу надо больше: она поѣстъ, пройдетъ вокругъ, а замѣсто себя другую пуститъ...

— А безъ ходу-то онѣ, слышь, такъ вокругъ, кольцомъ всю осотину облѣпили да и умерли... Вѣдь вотъ, скажи на милость, какая оказія случилась!.. Ну, давайте похлебаемъ, что Господь послалъ да медкомъ закусимъ, пчелочекъ помянемъ... Чаю у меня не водится, не посудите...

Дѣдъ засвѣтилъ восковой огарокъ и досталъ краюшку хлѣба.

Но Любавѣ не пилось, не ѣлось.

Она опять уже сидѣла молча и исподлобья глядѣла на писаря, когда тотъ, обмакивая длинные усы въ похлебку, жадно ѣлъ и съ дѣловитой строгостью разсказывалъ хозяину о только что случившемся несчастіи.

— Да кто же это васъ погналъ въ такое время черезъ рѣку?! —стоналъ старикъ. — Какъ же тутъ не утонуть?.. Ахъ-ахъ-ахъ, сердечная головушка, Тырлыканушка! Крещеный вѣдь онъ былъ, царство ему небесное...

— Такъ ты ужъ, Онисимъ Минеичъ, въ случаѣ тебя кто спроситъ, — наставлялъ писарь хозяина, — такъ и сказывай, что дескать пріѣхали на пасѣку чуть живы, мокрые...

— А што видѣлъ, то и покажу, Михайла Василичъ... То и покажу... Ахъ, ты, грѣхъ какой, а!.. — сокрушался дѣдъ и, вдругъ повеселѣвъ, сказалъ Любавѣ: — Ну, а ты теперь молодого женишь на себѣ!.. Богатая, любой позарится... Хе-хе...

Любава не отвѣтила... Она услышала, что за дверьми повизгиваетъ голодный, передрогшій Барбоска, и, собравъ косточки, вышла изъ избушки.

Звѣздная ночь висѣла надъ горами. Какъ бы приблизившись вплотную къ пасѣкѣ, горы глухо шумѣли, разговаривая съ вѣтромъ на вершинахъ и съ весенними потоками въ ущельяхъ.

Безъ думъ и безъ желаній, враждебно оглянулась Любава вокругъ на высокія темныя стѣны горъ, кинула короткій взглядъ на небо, усѣянное непонятными блест-

ками свѣта, и, наклоняясь къ собакѣ, почему-то обозлилась на нее:

— На, ты, — жри-и!.. — и бросила ей кости. А потомъ, выпрямившись, долго стояла, всматриваясь въ тьму ночи, вслушиваясь въ ея глухіе шорохи.

Но, ничего не понявъ и не услышавъ, вспомнила, что гдѣ-то бурная рѣка несетъ теперь и треплетъ, бьетъ о каменные берега безпомощное тѣло Тырлыкана... Вспомнила, вздрогнула и вошла въ избушку, гдѣ сытый и обсохшій писарь укладывался спать на нарахъ.

Любава постояла у порога, помолчала, потомъ взяла халатъ и, разостлавъ его на нарахъ, улеглась вблизи писаря.

И дѣдушкѣ Минеичу, когда онъ погасилъ огарокъ, послышалась безпечная усмѣшка Любавы, когда въ темнотѣ она сказала:

— Согрѣться бы скорѣе да уснуть!.. Намаялась, намерзлась...

XII.

Назавтра, въ полдень, когда снова засіяло солнце, и горы отступили на свои мѣста, а отдохнувшій иноходецъ плавно несъ Любаву по зеленѣющимъ уваламъ въ русское село, писарь еле поспѣвалъ за нею на своемъ Гнѣдкѣ.

Что-то новое, влекущее увидѣлъ онъ теперь въ Любавѣ, и его черствая и хитрая душа обмякла, потеплѣла, какъ твердая дорожная земля послѣ весенняго дождя.

Стараясь не отставать отъ нея, онъ негромко говорилъ ей, хотя здѣсь никто не могъ услышать:

— Любава!.. Слушай-ка. Ты язви те, меня приковала, что ли! Прямо силища въ тебѣ какая-то, — не оторваться мнѣ теперь...

— Растобаривай! — насмѣшливо протянула Любава. — Пріѣдешь вотъ домой да за другой увяжешься... Другую дѣвку бабой сдѣлаешь... Безстыжій!.. И о бабѣ своей позабылъ.

И во взглядѣ ея крупныхъ синихъ глазъ, рядомъ съ усмѣшкой, горѣли укоръ и стыдливое раскаяніе.

— Какъ я теперь бабѣ-то твоей въ глаза буду глядѣть?..

Но писарь продолжалъ свое:

— Пріѣду, дѣла, какія накопились, подгоню да опять къ тебѣ уѣду въ гости... Ладно, что ли?

— Опять, поди, описывать за долгъ пріѣдешь? — подозрительно взглянула на него Любава.

Писарь прищурился и наставительно сказалъ:

— Ты смотри, какъ бы Сапыргайка не ввязался въ дѣло, достояніе-то у те не отобралъ...

— Сапыргайка-а... — вдругъ нахмурилась Любава, и въ глазахъ ея блеснула хищность.

Она выпрямилась на сѣдлѣ, откинулась назадъ, высоко подтянувъ голову иноходца кверху, крѣпко зажала въ рукѣ плеть и, скосивъ глаза на писаря, долгимъ, строгимъ взглядомъ посмотрѣла на него, угадывая, что онъ еще хочетъ?..

Писарь такъ же долго глядѣлъ на нее и, наконецъ, сказалъ:

— Ты ссориться со мною, видно, собралась... Не рано ли?..

— А ты, видно, командовать мной захотѣлъ? — спросила, въ свою очередь, Любава и, отвернувшись, не стала ждать отвѣта, пустила иноходца полнымъ ходомъ.

— «Мало ему, что самоё взялъ, дакъ еще и къ достоянію подбирается... Ишь ты, присосался дьяволъ!» — думала она, чувствуя, что лошадь писаря не поспѣваетъ за саврасымъ.

Дорога пошла равниною, та самая, по которой ѣхала зимой Любава съ Тырлыканомъ, но почему-то въ ея сердцѣ не было теперь къ нему ни жалости, ни злобы; напротивъ, гдѣ-то глубоко въ душѣ неясно копошилось хищное злорадство, какъ у звѣролова, который только что осилилъ добрую добычу.

Впереди бѣжалъ Барбоска, старательно помахивая искривленнымъ калачомъ хвоста, на которомъ смѣшно тряслись длинныя лохмотья скатавшейся и грязной шерсти.

Увидѣвъ эту неотвязную и вѣрную, невѣдомо за что привязавшуюся къ ней собаку, Любава снова вспомнила гнавшагося за нею писаря, который гонится, какъ волкъ, и гдѣ-нибудь настигнетъ и безъ стыда, безъ жалости поймаетъ, изведетъ, задавитъ...

— Господи!.. Неужто мнѣ и не пожить по-человѣчьи!.. — простонала она сквозь слезы и, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ стонъ, услышала отдаленный трезвонъ колоколовъ, неровный, съ перебоями, но ласковый, какъ бы скликающій къ себѣ все затерявшееся гдѣ-то далеко въ ущельяхъ, напоминающій о Богѣ, о грѣхахъ людскихъ, объ ихъ невысыхающихъ слезахъ.

Все ниже пригибалась на сѣдлѣ Любава, какъ бы ожидая, что ее кто-то вотъ сейчасъ ударитъ, все силь-

нѣе погоняла лошадь. А когда вбѣжала въ грязное, пахучее, весеннее село, на нее залаяли собаки, окружили, стали грызть Барбоску, но Любава, ничего не замѣчая, гнала коня прямо къ поповскому двору, а какъ пріѣхала, — упала на луку сѣдла и заголосила, не слѣзая съ лошади.

Сперва выбѣжалъ трапезникъ, потомъ матушка, а потомъ и батюшка.

— Что такое?.. Что случилось?..

Любава голосила громко, съ непонятными причетами...

Когда же досыта наплакалась и слѣзла съ лошади, — вошла пошатываясь въ горницу, по-мужицки помолилась на иконы и, вытеревъ рукавомъ загорѣлое лицо, хотѣла было все по порядку разсказывать, да опять заплакала, опять запричитала, долго не умѣя овладѣть собой.

Въ горницу за нею вскорѣ же вошелъ, весь въ брызгахъ грязи, писарь. Лицо у него было блѣдное, въ глазахъ стояли злоба и растерянность.

— Слышали?.. Штука-то какая съ нами произошла! — пожимая руку батюшкѣ, говорилъ онъ. — Тырлыканъ-то утонулъ вѣдь...

И точно боясь, что Любава разскажетъ что-нибудь не такъ, онъ торопливо сталъ все по порядку самъ разсказывать.

Когда же онъ окончилъ, Любава упала въ ноги батюшкѣ и снова стала причитать:

— Научи ты меня, батюшка, што же мнѣ-ка теперича дѣлать-то! Штобъ имущество-то не отняли... — торопливо лепетала она. — Тамъ у него племянникъ

Сапыргайка остался, дакъ... Ужъ я, батюшка, тебѣ пару коровушекъ пригоню... Только не оставь ты меня, не брось...

Долго и испытующе глядѣлъ священникъ на Любаву и на писаря...

Подозрѣніе батюшки передалось трапезнику, а отъ трапезника въ тотъ же вечеръ разлилось по селу, какъ будто въ вечернемъ звонѣ колоколовъ онъ разослалъ его во всѣ четыре стороны... А на другой день изъ села пошла худая молва и по другимъ селеніямъ, донеслась и до родни Любавы... И Любава вскорѣ же была оплетена косыми, подозрительными взглядами, ехидными усмѣшками и недомолвками; всѣ отъ нея отшатнулись, всѣмъ стала она чужая, басурманка незнакомая, разбойница.

Почуяла это Любава, стала огрызаться, пробовала плакать и божиться, но худыя вѣсти все росли и ширились и дѣлали Любаву одинокой и безпомощной.

А черезъ недѣлю, въ послѣдній разъ покричавъ безъ толку въ волости, гдѣ важно засѣдали писарь и Иванъ Филатычъ, распрощалась съ ними, съ матушкой и батюшкой, осѣдлала иноходца, позвала Барбоску и отправилась обратно, въ горы.

Ѣхала, глядѣла на лохматаго, прихрамывавшаго Барбоску и ругалась:

— Всѣ, изжаби ихъ въ сердцѣ, отвернулись... Всѣмъ чужая стала!.. А обирать — дакъ ни у кого рука не дрогнетъ!.. И тому отдай лошадь, и тому корову подари... Нѣтъ, врете вы!.. Безъ васъ я справлюсь!.. Знаю я што сдѣлать, знаю!..

Но о томъ, что размышляла сдѣлать, вслухъ даже сама съ собой не говорила, а крѣпко затаила въ мысляхъ: «Добьюсь же я того: оболваню, окрещу я этого Сапыргайку и повѣнчаюсь съ нимъ... Ничего, што языка не знаетъ, — выучу!».

И, тайно усмѣхаясь надъ забавнымъ и покорнымъ молодымъ алтайцемъ, который вовсе не похожъ на стараго и дряблаго Тырлыкана съ красными глазами, Любава снова вспомнила о писарѣ, снова заругалась вслухъ:

— А этотъ-то, изжаби его въ сердце, вѣдь повадится!.. Пріѣдетъ вѣдь опять!.. И сама по немъ стоскуюсь! Вотъ дьяволъ-то связалъ меня!..

И не то отъ смѣха, не то отъ злой обиды у нея кривился ротъ, а рука противъ воли сильно хлестала иноходца, который чернобурою лисою несся къ темнымъ и глухимъ ущельямъ, гдѣ затерялся сѣренькій аилъ.

Въ большихъ прищуренныхъ глазахъ Любавы сверкало лезвее какой-то новой, ядовитой хищности, какъ жало на концѣ стрѣлы, пущенной самой судьбою.

КАКЪ ГУРЬЯНЪ СТАЛЪ ОБРАЗОВАННЫМЪ.

I.

У Маркела Селезнева, если не считать умершихъ, было пять сыновъ и три дочери.

Маркелъ — мужикъ почтенный, исконвѣчный пахарь, резонный человѣкъ. Слова на вѣтеръ не броситъ и худому дѣтей своихъ учить не станетъ. Всѣхъ вырастилъ, взлелѣялъ, надѣлилъ, какимъ умѣлъ, «таланомъ». Двухъ дочерей замужъ выдалъ. Одну похоронилъ на возрастѣ. Четырехъ сыновъ женилъ, изъ нихъ два оттрубили отечеству службу. Трехъ выдѣлилъ — живутъ своими домами. Старшой, Степанъ живетъ при немъ, отца-мать кормитъ. Одинъ только Гурьянъ, любимый сынъ, меньшакъ — «заскребышкомъ» зоветъ его Маркелъ — ходитъ холостягой. Да Маничка, пріемная дѣвченка двѣнадцати годковъ, не пристроена... Ну, этой — еще неизвѣстно, какую Богъ судьбу сулитъ... Растетъ еще пока старикамъ на поглядку... И своими дѣтьми Богъ не обидѣлъ Маркела,

а пришлось кормить чужую — сироту — куда дѣваешься?..

Но никто такъ не сушилъ, не заботилъ стариковъ, какъ Гурьянъ — «заскребышекъ», рожденный послѣ Степана черезъ двадцать лѣтъ...

— Случилось какъ-то, прости Богъ! — говорилъ Маркелъ. — Старухѣ-то бы надо ужъ давно на сухаряхъ да на водѣ, молитвой жить, а она на шестомъ десяткѣ сына принесла... Ну, да и меня-то, стараго пса, нечего хвалить...

И Гурьяна — перваго во всей семьѣ — Маркелъ отдалъ грамотѣ учить. Никто въ семьѣ грамотѣ не зналъ. И не до грамоты было — всѣ съ малыхъ лѣтъ въ работу пошли. Пашню велъ Маркелъ большую, а наемнаго труда терпѣть не могъ. Да раньше и школы не было въ селѣ. А тутъ и школы появились, изъ-за старшихъ братьевъ да изъ-за достатка — меньшаку поблажки больше. На нѣгѣ парень сталъ расти, а когда, бывало, принесетъ изъ школы книжку да начнетъ читать урокъ, — Маркелъ подсядетъ рядомъ и таково-то радостно слушаетъ разные стишки да побасёнки — просто, другой разъ, никому дыхнуть не дастъ, пока Гурьянка «учится». Даже на Маничку — она тогда была по третьему годочку — притопнетъ и загонитъ ее куда-нибудь въ укромный уголокъ.

— Ни одинъ изъ насъ не видалъ такихъ гостинцевъ и поблажекъ, какъ любимецъ, Гурьянка! — говорилъ потомъ Степанъ и прибавлялъ съ укоризной: — вотъ и выгладилъ сыночка... Робить дакъ — ребенокъ, а пить дакъ — мужечекъ!...

Маркелъ, недавно похоронившій старуху, рѣдко говорилъ. Все больше молчалъ да вздыхалъ. Но за любимаго сына заступался:

— Да кто молодой-то не такой былъ? — мирно урезонивалъ онъ Стёпана. — Всѣ шалятъ, пока въ умъ не вступятъ... Женится — остепенится — перемѣнится.

— Нѣтъ, ты не знаешь, што про него люди говорятъ. Мы всѣ братья — ужъ и рукой махнули. Молчимъ — тебя на грѣхъ наводить не хотимъ. А люди-то, небойсь, молчать не станутъ.

— А-а, мало-ли што люди-то наболтаютъ! — возражалъ старикъ, теребя длинную сѣдую бороду.

— А я тебѣ вотъ што скажу, коли ужъ на то пошло: и мать-то раньше времени скончалась изъ-за него. А братья его и на глаза теперь не принимаютъ. У Акима въ прошлый разъ дѣвченку Душку изнасильничать хотѣлъ...

— Не болтай ты, парень! — начиналъ сердиться старикъ.

— Вотъ те, и не болтай! Только ужъ я огорченья тебѣ не желаю. А то послушалъ бы ты, какъ узналъ, что за сынка взлелѣялъ.

— Не хочу я слушать ничего!.. — окончательно сердился Маркелъ и лѣзъ на печку или на полати.

— Дѣло твое, только мой совѣтъ: закликнуть парня надо. Иначе, времена теперь крутыя... Тебѣ же послѣ придется глазами-то мигать изъ-за него.

Но Маркелъ не отвѣчалъ и усиленно сопѣлъ, почесывая поясницу.

II.

Прошло лѣто.

«Холостёжь» по вечерамъ собиралась на задворкахъ у купца Колова, у захватанныхъ дверей обширнаго бревенчатаго маслодѣльнаго завода, къ которому сходилось много дѣвокъ съ молокомъ. Дѣвки шли на «молоканку», какъ къ обѣднѣ — разнаряженныя, съ празднично-смѣющимися лицами, потому что у «молоканки» вечерами всегда веселье: пляска, пѣсни, граммофонъ, гармошка.

Гурьянъ являлся туда почти всегда верхомъ на гривачѣ Савраскѣ. Въ суконномъ пиджакѣ, сшитомъ отставнымъ солдатомъ, въ триковыхъ пестрыхъ брюкахъ, въ черной шляпѣ, нахлобученной на оттопыренныя уши — Гурьянъ глядѣлъ франтомъ въ сравненіи съ прочими ребятами. При этомъ у него изъ подъ пиджака выглядывали пышныя кисти гарусного пояса, отданнаго ему въ «задатокъ» бѣлолицей Катериной.

Подбѣжавъ къ заводу рысью, Гурьянъ еще издали отыскивалъ зеленый полушалокъ Катерины и налеталъ на нее вмѣстѣ съ лошадью, пытаясь опрокинуть ведра съ молокомъ или съ пахтой. Катеринѣ это нравилось, пока она не разглядѣла парня, пока не познакомилась съ его ухваткой. Но потомъ покаялась, что отдала ему хорошій поясокъ. А однажды, когда онъ набѣжалъ на дѣвку лошадью, и Савраска наступилъ копытомъ на ея башмакъ, Катерина разсердилась:

— Да ты што дуришь-то? Дикошарый!..

— Катька! — пригрозилъ Гурьянъ, морща красное, скуластое, безусое лицо. — Ты у меня смотри! — и онъ громко выругалъ ее худыми словами.

— Да ты што поганишь ротъ-отъ!?. Кто тебя боится? Убирайся къ черту отъ меня! Вотъ тебѣ послѣдній сказъ!..

Гурьянъ еще разъ выругался, но къ дѣвкѣ не полѣзъ ни въ этотъ вечеръ, ни на завтра. Только черезъ два дня у ея отца въ новомъ домѣ кто-то три окошка да ворота дегтемъ облилъ.

Отецъ отодралъ бичемъ Катерину. Она Христомъ-Богомъ клялась, что ни въ чемъ не виновата. А о Гурьянѣ не сказала, побоялась.

На другой день возлѣ молоканки Гурьянъ появился пѣшкомъ, пьяный. Онъ хриплымъ голосомъ грозилъ, размахивая Катерининымъ поясомъ:

— Нѣтъ, ты еще поклонишься мнѣ въ ногу!.. Я те заставлю чихать скрозь слезы!..

Катерина увидала парня, услыхала его рѣчи, вырвала у него свой поясъ и начала хлестать его поясомъ по лицу:

— Это тебѣ за окошки! Это за ворота, это за хвастню! Это за обиды мои!.. За обиды, за обиды!..

Разсвирѣпѣлъ Гурьянъ, бросился съ кулаками къ Катеринѣ, но ребята схватили его и не дали ударить дѣвку. Тогда Гурьянъ ударилъ ближняго парня по лицу... Парень ударилъ его дважды... За Гурьяна кто-то вступился — и пошла потасовка... Точно живой клубокъ взбѣсившихся собакъ, грызлись и рычали парни, катаясь въ тучѣ пыли возлѣ молоканки...

Мокрый, грязный, окровавленный, съ оторванными рукавами пиджака, явился Гурьянъ домой. И не пошелъ въ избу, а залѣзъ на сѣновалъ и хныкалъ тамъ,

придушенно ругая крѣпкими словами всѣхъ и все на свѣтѣ...

А Маркелъ, услыхавшій о дракѣ, задыхаясь, бѣгалъ старческой походкой по селу, искалъ Гурьяна и грозилъ кому-то мировымъ судьей, острогомъ и Господнимъ наказаніемъ.

И никакъ не могъ на завтра уговорить любимаго сынка не ѣздить въ городъ, въ который тотъ упорно собирался.

— Не надо мнѣ вашего куска! Проживу и безъ васъ! — кричалъ Гурьянъ Степану, сурово молчавшему возлѣ порога. — Не пропаду. А можетъ, и почище вашего заживу...

Это онъ на грамоту свою надѣялся.

И, напившись допьяна, съ попутными уѣхалъ въ городъ, крикнувъ на прощаньи родному селу:

— Гори ты двѣнадцатью огнями! И вмѣстѣ съ братцами моими!

III.

Маркелъ все поджидалъ Гурьяна. Остепенится-де, хлебнетъ горькаго до слезъ въ чужихъ людяхъ, да и воротится. Дома-то, какъ сыръ въ маслѣ, катался.

Но Гурьянъ не возвращался. И слуху о немъ никакого не было. Не вытерпѣлъ старикъ и мѣсяца черезъ четыре по зимнему пути нашелъ задѣлье въ городъ: плицу новую надо было купить да самоваръ отдать въ полуду. Запрегъ въ хорошія сани Савраску и поѣхалъ въ городъ за сто верстъ.

Долго въ городѣ искалъ онъ сына. Все на постоялыхъ сперва спрашивалъ, потомъ на базарѣ, потомъ

у знакомаго слесаря и въ лавкахъ. А потомъ и у каждаго встрѣчнаго и поперечнаго;

— Парень у меня тутъ у кого-то служитъ... Гурьяномъ звать, Селезневъ по прозвищу. Не слыхали-ли?

Никто, понятно, не слыхалъ.

Три дня искалъ Маркелъ Гурьяна и рѣшилъ ѣхать домой.

— Парень грамотный: должно, нашелъ вакансію и горя мало о родителѣ. Теперь, поди, и встрѣтишь — не узнаешь ...

Маркелъ представлялъ Гурьяна одѣтымъ уже по городскому и втайнѣ радовался, что его любимецъ этакой самостоятельный: нигдѣ не пропадетъ...

И вдругъ, на выѣздѣ изъ города, изъ-за угла, навстрѣчу — трое жуликовъ.

Маркелъ такъ и подумалъ: жулики. По всему видать, что люди безпріютные, какъ будто подъ крыльцомъ у кабака ночевали. Руки въ рукава засунули, бѣгутъ, покрякиваютъ отъ мороза, щеки синія, на головахъ лѣтнія покрышки. И вотъ одинъ изъ нихъ, посмотрѣвъ на Савраску, бросился къ Маркелу:

— Тятя, да это ты чего ли?!.

Маркелъ оторопѣлъ, сдержалъ коня и сидѣлъ въ санкахъ, не вѣря глазамъ и не умѣя что-либо отвѣтить сыну.

Товарищи Гурьяна, оба молодые, сухопарые, въ короткихъ курткахъ, остались поодаль и, посмѣиваясь, потихоньку перешептывались.

— Ты, видно, не призналъ меня? — еще спросилъ Гурьянъ и наклонился къ старику.

Маркелъ почуялъ запахъ перегорѣлой водки и только тогда пришелъ въ себя. Онъ покосился на товарищей Гурьяна и сказалъ:

— Ладно ты, сынокъ, обмундировался!..

Гурьянъ отвелъ глаза въ сторону Савраски и сердито буркнулъ:

— Видно талантъ такой мнѣ даденъ...

— Кто-же гналъ изъ дома-то тебя, сынокъ?.. Да и теперь не выгонятъ, поди... Айда-ко, сынъ, домой, поѣдемъ!..

— Не поѣду я туда... Все равно теперь житья мнѣ тамъ не будетъ.—Гурьянъ вдругъ поднесъ грязно-синюю руку къ глазамъ и засипѣлъ сквозь слезы: — Я лучше съ голоду пропаду тутъ...

Отцовское сердце вдругъ кровью облилось, но на словахъ онъ все-таки корилъ Гурьяна:

— Ѣсть нечего, дакъ, видно, жить весело, сынокъ!.. Съ какихъ это радостей ты пьешь-то?..

Гурьянъ злобно метнулъ на отца красными глазами:

— Кто пьетъ?.. Для тепла сейчасъ съ товарищами выпилъ въ харчевнѣ. Вотъ найду мѣсто, тогда и...

— Да кто же тебя на мѣсто-то возьметъ въ экой одеженкѣ?

— Ну, въ грузчики наймусь... Не пропаду!..

Гурьянъ дрожалъ на морозѣ, и у старика не хватило силъ стегнуть по лошади и уѣхать отъ него. Повернувъ назадъ коня, Маркелъ сказалъ:

— Садись, поѣдемъ, што-ли... Гдѣ живешь-то?..

— Да я вотъ у товарищей... — повеселѣвъ, отвѣтилъ Гурьянъ и, взявъ у отца вожжи, крикнулъ имъ:— Давай, ставай, ребята, на запятки!..

IV.

Маркелу не хотѣлось заходить въ старую, полупогребенную сугробами избушку на окраинѣ города. У избушки не было ни двора, ни кола. Не за что было привязать Савраску. Но старикъ видѣлъ, что Гурьянъ дрожитъ, и надо было на путь наставить парня, поговорить съ нимъ по-отечески.

Примотнувъ лошадь вожжами къ воткнутымъ въ снѣгъ старымъ тесницамъ, которыми загорожено было «нужное» мѣсто, Маркелъ аккуратно прикрылъ козьей дохою плицу и вошелъ въ маленькую, темную избушку, въ которой сразу-же пахнуло на него кабакомъ.

По избѣ забѣгала, прибираясь, старая, сухая баба, а на печи лежалъ и пьяно бормоталъ самъ съ собою бритобородый пожилой мужикъ.

Маркелъ даже и шапки не снялъ и не помолился, такъ худо сдѣлалось у него на сердцѣ...

Но Гурьянъ, пожимаясь, лепеталъ:

— Проходи, садись на лавку... Сейчасъ самоваръ поставятъ, — онъ заискивающе взглянулъ на бабу и тотчасъ же круто обернулся къ старику:

— Да вотъ чего, тятя! Дай-ка мнѣ съ полтинникъ денегъ. Я въ лавочку сбѣгаю, хоть кренделей куплю къ чаю...

— Да ты не хлопочи! — сказалъ Маркелъ, — а сядь вотъ, да потолкуемъ лучше.

— Дакъ, вотъ ужъ за чайкомъ и потолкуемъ... Ты што — ужъ видно брезгаешь — и чай пить у меня не хочешь!..

Маркелъ, нехотя полѣзъ къ себѣ за пазуху, досталъ привязанный къ шеѣ кошелекъ и отсчиталъ полтинникъ мѣдяками:

— На-ко, держи, не то...

Гурьянъ быстро выбѣжалъ на улицу, но въ ту-же минуту всунулъ голову въ пріотворенную дверь и крикнулъ:

— Тятя! Я на Савраскѣ съѣзжу... Поскорѣе будетъ...

Маркелъ хотѣлъ было что-то сказать ему, но не успѣлъ. Дверь была уже захлопнута. Онъ посидѣлъ, и, не зная, что говорить, и, не желая нюхать худой духъ избушки, вышелъ изъ нея.

Гурьянъ, одѣвшись въ доху, быстро уносился по сугробистой окраинѣ города, стоя въ полусанкахъ на ногахъ.

Маркелъ постоялъ-постоялъ и опять вошелъ въ избушку.

Товарищи Гурьяна — одинъ сынъ хозяйки, другой ея племянникъ — о чемъ-то потихоньку разговаривали возлѣ печки, а старуха наставляла самоваръ.

Маркелъ спросилъ у бабы:

— Давно онъ поселился-то у васъ?..

— А вотъ шесть недѣль... Деньженочекъ-то нѣту. Никакъ не можетъ найти мѣстишка — никакого. Поступилъ тутъ на пивной заводъ, дакъ чижало, говоритъ, шибко. Разсчитался... Родители, говоритъ, у меня люди достаточные, ну и вѣримъ — кормимъ... Жалко тоже.

Поговорили. Помолчали... Маркелъ опять вышелъ на улицу, а Гурьянъ всё еще не возвращался...

Маркелъ опять вернулся въ избу. Посидѣли, поговорили.

— Да онъ не на вовсе-ли уѣхалъ! — вдругъ заворочала бѣлками баба.

Парни выбѣжали изъ избы, потомъ вернулись...

— Нѣту! — безпокойно въ голосъ сказали они.

Маркелъ еще разъ вышелъ изъ избушки. Постоялъ съ захолонувшимъ сердцемъ... Гурьянъ не возвращался. Изъ избушки въ одномъ платьишкѣ вышла и стала подлѣ него баба.

— А што ему! Дескать — отецъ, въ полицію заявлять на сына не станетъ, и уѣхалъ... Теперь догоника его!

Маркелъ заметался, хотѣлъ было бѣжать вслѣдъ за Гурьяномъ, но баба поджавъ подъ мышки кисти рукъ, вдругъ закричала:

— Эй, дѣдушка! Да ты хучь заплати за харчи-то! Вѣдь, шесть недѣль кормили мы его...

Маркелъ хотѣлъ было ускорить шагъ, но Гурьяновы товарищи схватили его съ двухъ сторонъ за рукава, и старику глаза ихъ показались большими и бѣлыми, какъ ложки съ простоквашей.

Онъ подошелъ къ избушкѣ, вынулъ изъ-за пазухи кошелекъ и глухо спросилъ:

— Сколько?

— Да хучь рублей десятокъ посчитай! — кричала баба, готовая какъ будто вырвать кошелекъ у старика.

Маркелъ поспѣшно трясущимися руками отдалъ деньги и быстро и невѣрно зашагалъ по начинавшей темнѣть уличкѣ.

...Онъ не пошелъ въ полицію и не искалъ Гурьяна. Онъ вернулся на постоялый дворъ, провелъ тамъ ночь безъ сна, а на завтра сталъ искать попутчика домой.

Какъ приплелся онъ домой, съ какими муками — видитъ Богъ.

И дома удивленному Степану объяснилъ, что Савраску съ санками онъ отдалъ Гурьяну.

— Пусть это будетъ ему мой родительскій надѣлъ!.. — сказалъ старикъ и не глядѣлъ въ глаза Степану...

ЯКУНЯ-ВАНЯ.

I.

Мать Якуни, Якова Ивановича Бочкова, всю жизнь свою не прожила, а проплясала.

Такъ она и сама о себѣ говорила:

— Другіе на моемъ-то мѣстѣ плачутъ, а я припляcываю. Изъ обутокъ-то онучи вывалились, заткнешь ихъ, да бѣгомъ по клящему морозу изъ конца въ конецъ и бѣгаешь. Богатыхъ-то не меньше насъ, горемычушекъ: — у тѣхъ полы помоешь, у тѣхъ побѣлишь. Тутъ некогда вышагивать, тутъ рысью, иноходью, да съ прискочкой надо...

Работала — плясала на чужой работѣ Марковна всю жизнь и никогда никто не слышалъ жалобъ отъ нея: ни на нужду, ни на обиды, ни на что.

Съ утра замкнетъ Якуню въ непокрытой хижинкѣ, оставитъ ломоточекъ хлѣбца да разбитое окно заткнетъ подушкой, чтобы сынъ до вѣтру могъ выскакивать, и бѣгаетъ съ утра до вечера, проворитъ пропитаніе.

Ужъ какъ нетерпѣливо по вечерамъ ожидалъ ее Якуня.

Боже мой! — Радости-то сколько послѣ одинокаго, большого дня: то бѣлыхъ калачей, то сахарку, то маслица, а то и пряниковъ принесетъ ему Марковна... И все хвалится Якунѣ: — всѣ ей вѣрятъ, въ хоромины пускаютъ, не разъ пятишницы подбрасывали: пытали честь ея — никогда она грѣха на душу не взяла.

— За иголку не запнулась, милый мой, не токмо што.

Радовался Якуня, глядя на мать, а Марковна радовалась, глядя на сына. Маленькій, тщедушненькій, заморышекъ, а все-таки растетъ, домовничаетъ, не цѣпляется за материнъ хвостъ. А главное-не хвораетъ никогда и никогда не плачетъ. Не слыхала Марковна, чтобы Якуня хоть нарочно плакалъ.

— Такъ ужъ — далъ Богъ сиротинѣ разумъ, — хвалится она сосѣдкамъ.

Выросъ Яковъ, мать состарилась, а все еще трясетъ костями — не привыкла даромъ хлѣбъ ѣсть. Какъ и въ молодыхъ годахъ, въ субботу нѣтъ-нѣтъ да и притащитъ въ домъ полпудика муки на закортышкахъ.

Выросъ сынъ — Марковна свела его къ купцу Верховину, къ купцу незнатному, простому, но резонному и неспѣсивому. Свела и поклонилась земно:

— На тебя, Михалъ Василичъ; вся надежда. Возлѣ тебя не пропадетъ, прокормится.

И начала искать-проворить Якову невѣсту.

Нашла такую же сиротку, по чужимъ людямъ моталась: ягодка такая, маленькая, розовенькая, кругленькая, какъ волчекъ, только чуть-чуть хроменькая. Кружится, — только юбка развѣвается. Больно по душѣ пришлась она и Якову, и Марковнѣ.

Женила сына Марковна и умерла.

Въ первый разъ въ жизни заплакалъ Яковъ. Потерялъ онъ всѣ пути-дороги и только и осталось ему въ наслѣдство — материнъ завѣтъ со смертнаго одра:

— Сыночекъ мой, Якунюшка! Не зарься на богачество, не квели людей. Жила я — по полпудика муки имѣла въ запасѣ и тебя не благословляю больше пуда запасать.

Съ этимъ и пошелъ на свѣтъ Якуня.

II.

Купецъ Верховинъ кажется Якунѣ богатеемъ. Труженикъ и раноставъ. Все хозяйство держитъ широко и прочно. И все растетъ у него съ каждымъ годомъ, спорится.

У Якуни всей и прибыли, что бороденка отросла, и та клокастая, рѣденькая, съ овечій хвостъ.

У Верховина дѣтей полна ограда, у Якуни — не далъ Богъ ни одного.

— Эхъ, Якуня-Ваня! — громко скажетъ ему Верховинъ и хлопнетъ по плечу, такъ что Яковъ зашатается. — Ну, показывай, товаръ.

Якуня суетливо бросится къ женѣ. Всегда ужъ они вмѣстѣ ходили въ лавку.

Въ фартукѣ Фокеевны, подъ кацевейкою, тяжелый свертокъ. Якуня кинется къ женѣ, потретъ ладони и одѣнетъ шапку на ухо.

— Давай, показывай! — поспѣшно и серьезно скажетъ онъ женѣ и прочно обопрется обѣручь на прилавокъ.

— Семь тыщь триста пятьдесятъ! — торжественно и громко возгласитъ Якуня, и глаза его заискрятся восторгомъ, когда Фокеевна развернетъ аккуратно сложенную по сортамъ щетину.

— Онъ два раза считалъ, да я три раза, — подтверждаетъ Фокеевна и бережно разложитъ на прилавкѣ тяжелые пучки по тысячѣ въ каждомъ.

— Ахъ, Якуня-Ваня! Да къ чему же ты считалъ-то. Вѣдь все равно на вѣсъ беру. — Верховинъ самъ любуется щетиною: дѣйствительно, подобрана, какъ серебро — блеститъ, переливаетъ рыбьей чешуей. — Щетинка хороша! Не жаль тебѣ, Якуня, и лишнюю полтину заплатить...

И Яковъ радъ радешенекъ, Яковъ счастливъ и Фокеевна счастлива: вмѣстѣ покупали, собирали, подбирали, пересчитывали, и вотъ угодили человѣку.

Яковъ съ радости дѣлается разговорчивѣй:

— Боже мой! Да я для васъ, Михаилъ Васильичъ, по всей чести, отъ души. Мнѣ што! Мнѣ мать передъ смертью заказывала: не имѣй, Якуня, муки больше пуда и не хочу переступать материнъ законъ... И вотъ супругу далъ мнѣ Богъ такую же нежадную. Мнѣ што? Ты думаешь, Михаилъ Васильичъ, мнѣ завидно на тебя глядѣть! Нисколько не завидно. У тебя семья, у тебя друзья-пріятели, кругомъ почетъ, тебѣ и надо больше. А мнѣ што?

И долго Яковъ топчется возлѣ прилавка, радуется чему-то, смѣется и говоритъ, и говоритъ.

Когда же купецъ подходитъ къ кассѣ, чтобы выдать деньги за щетину, Яковъ независимо взмахнетъ рукой и важно такъ промолвитъ:

— Михалъ Василичъ, ты не трудись. Нужды въ деньгахъ у меня нѣтъ. А только вотъ што: ты шапку одолжи мнѣ да ей вотъ шалочку...—И оживившись, передернувши плечами, онъ снова пляшетъ у прилавка.— На ярмарку мы съ ней собираемся — че лошадь-то зря кормить!.. Какъ никакъ торговлишкой живемъ — надо ѣхать. А поѣдемъ — надо погоднѣй оболокчись... А щетинёшки мы тебѣ опять притащимъ... Ужъ это будь въ надеждѣ.

Верховинъ выбираетъ шапку, Якуня примѣриваетъ, подбоченившись пройдется въ обновѣ передъ женой, повернется: хорошо ли.

— Ладно... Дай старую-то въ фартукъ заверну...

Такъ въ новой шапкѣ и хлопочетъ Яковъ въ лавкѣ.

— Пимишки, тоже вотъ, худые... Надо бы купить получше...

— Бери, бери, — совѣтуетъ Верховинъ.

Но Якунѣ дѣлается стыдно передъ Фокеевной: себѣ возьму, а у нея въ заплатахъ.

— Нѣтъ, Михалъ Василичъ, ты бабѣ вотъ сперва...

— Да ты себѣ-то наперво, — кричитъ ему Фокеевна.

Но тутъ ужъ Якова не сломишь.

— Тебѣ на возу сидѣть, а я вѣдь бѣгать буду... и возлѣ лошади могу пѣшкомъ... А ты въ новыхъ-то пимахъ сиди — посиживай... — и Яковъ радостно захлебывается смѣхомъ, предвидя, какъ это Фокеевна будетъ сидѣть на возу съ товарами...

— Безъ заботы, безъ печали въ пимахъ-то.

Выбрали пимы Фокеевнѣ. Тутъ же надѣла, просіяла: хорошо ногѣ, даже какъ будто и прихрамывать не стала.

— Ну теперь себѣ бери, — говоритъ она.

Якуня смотритъ на Верховина:

— Посчитай-ка, хватитъ ли тамъ...

Верховинъ сосчиталъ уже.

— Немножко не хватаетъ... Да, бери, сочтемся. Я тебѣ повѣрю...

— Нѣтъ ужъ. Я и спать не буду, когда долгъ на шеѣ... Нѣтъ ужъ лучше пусть за тобой останутся. А я пѣшкомъ могу... Они вѣдь еще добрые. —Онъ смотритъ на пимы и такъ, и этакъ. — Это ничего. — Это починимъ, ну двѣ заплаточки пришью... Вотъ только опояску мнѣ бы надо... Знаешь — на ярмаркѣ для виду — красную, либо зеленую, чтобы примѣтно было...

И выбираетъ желтую, какой ни у кого нѣтъ.

— Вотъ и примѣчай!—наставляетъ онъ Фокеевну,— Народишку тамъ много будетъ, а ты и примѣчай: какъ въ желтой опояскѣ, стало быть это я и есть. Хе-хе не потеряешь ужъ.

За купцомъ осталось два рубля съ копейками... Верховинъ достаетъ изъ кассы. Яковъ протестуетъ:

— Што ты? Да я развѣ тебѣ не вѣрю. Пусть лежатъ.

— Да на расходъ возьми. Понадобятся вѣдь.

— Вотъ — на! — разводитъ Якуня руками. — Да я какой буду купецъ, ежели не расторгуюсь! А у тебя онѣ сохраннѣе... Мало ли какое не случится. А можетъ я себѣ въ убытокъ тамъ... Пріѣду, а у меня тутъ денежки...

И Яковъ потихонечку толкаетъ впереди себя Фокеевну изъ лавки.

III.

На ярмаркѣ Якуню не узнать...

Онъ тамъ уже не пляшетъ, а летаетъ скоморохомъ. Фокеевна никакъ не можетъ услѣдить за желтой опояской: то тамъ мелькнетъ, то здѣсь покажется, то исчезнетъ вовсе.

Якуня то несетъ на плечѣ двухъ зайцевъ, то въ рукахъ его мелькаетъ шкура горностая, то появится узда, то пара рукавицъ.

Глядитъ Фокеевна, — Якуня бѣжитъ къ возу съ пучкомъ щетины, съ калачемъ для нея, съ покупателемъ бокъ-о-бокъ.

— Ну-ка, доставай, жена, кажи подсолнухи. Вотъ, милый человѣкъ, гляди: зерно къ зерну, соринки нѣтъ. Ужъ тутъ безъ надувательства...

Покупатель смотритъ, нравятся ему подсолнушки, а цѣну не даетъ. Якуня крѣпокъ на слово — не уступаетъ. Торгъ не состоялся.

— Ну, закрывай жена, — бросаетъ Яковъ бабѣ и какъ ни гонится за нимъ покупатель, — онъ не остановится, бѣжитъ въ толпу, мѣняетъ рукавицы на хорька— придачи гривенникъ и то барышъ. А подсолнухи у него купятъ. Такіе-то да не купить! Другое дѣло, если бы баба заколѣла. А то пимы у нея новые — пусть посидитъ у воза, на народѣ веселѣе...

На всю ярмарку звенитъ Якуня:

— Эй, тетки-молодки, лебедки, красотки — нагоговариваетъ онъ. — Купите-ка мѣшокъ за ремешокъ, гороху золотникъ, хорька на воротни-икъ!

Хлопочетъ, бѣгаетъ весь день Якуня, а вечеромъ на облучкѣ саней и въ шапкѣ на ухо ѣдетъ на постоялый дворъ.

Подсолнухи еще цѣлы, а въ фартукѣ у бабы есть уже щетина и въ карманѣ у Якуни барыши.

— Барышишки не велики, — говоритъ онъ весело съ женой, — а все на прокормъ да за постояло хватитъ... А завтра надобно встать пораньше, да щетинки поискать... Выгодное дѣло.

Но и барышишки, и щетинёшка у Якуни — только случай для хлопотъ. Не можетъ онъ безъ нихъ.

На постояломъ тѣснота, во дворѣ негдѣ повернуть кошевку. Якуня тутъ-же несмотря на темень, разузнаетъ, гдѣ чья лошадь, гдѣ чья кошева, дозволится, переставитъ, сдвинетъ, потѣснитъ, и вотъ хозяинъ говоритъ ему:

— Спасибо, добрый человѣкъ. Теперь тутъ у меня еще штукъ пять подводъ уставится...

Якуня радъ-радешенекъ. Якуня утромъ чуть свѣтъ встанетъ, подмететъ, подчиститъ во дворѣ, — хозяинъ выйдетъ:

— Да, не трудись ты, Бога ради. Экой хлопотунъ.

Якуня усмѣхается, мететъ, полы зипуна подогнуты за опояску.

— Не потружусь, и завтракъ въ горло не пойдетъ, — бойко отвѣчаетъ онъ хозяину.

Зато хозяинъ при расчетѣ говоритъ ему:

— За постой-то не возьму съ тебя. Заплатишь за харчи и ладно... Да напредки заѣзжай.

Якуня радъ. Не потому, что выгадалъ полтинникъ, а потому, что человѣку угодилъ, человѣкъ о немъ

плохо не думаетъ; какъ богатаго зоветъ еще напредки...

Бойко, весело торгуетъ Яковъ, всѣ его уже знаютъ, всѣ вѣрятъ ему — этотъ не обманетъ... Его обмануть не трудно, и находятся такіе, сколько угодно. Глупенькимъ его считаютъ. А Якуня все-таки и умнымъ, и богатымъ смотритъ. На ярмаркѣ онъ одѣваетъ новые пимы и красный шарфъ — совсѣмъ добро...

И барышей-то всего трешница въ карманѣ, а все-таки не лежалъ безъ дѣла дома: и сами съ бабой сыты и лошадь прокормили.

— Э-эхъ ты, милая-а-а... — Якуня поднимаетъ бичъ но не бьетъ лошадку, а только крутитъ имъ надъ новой шапкой и весело несется по сугробистой дорогѣ къ дому.

Фокеевна сидитъ на днѣ кошевки, прячетъ носъ отъ мороза подъ рядно. Смѣхъ ее веселый, безпричинный разбираетъ:

— Молодецъ, Якунюшка. Съ такимъ не пропадешь...

IV.

Всю жизнь свою проѣхалъ бы Якуня, какъ по ярмаркѣ, съ припляскою, съ веселой прибауткою.

Да Лихо ходитъ безъ дорогъ, безъ удержу, слѣпое. Другой разъ глянетъ на Якуню круглымъ, какъ у кошки, глазомъ, погрозитъ ему изъ темноты и скроется. Какъ будто бы Якуня и веселъ, и беззаботенъ, а все-таки въ душѣ скребется кошка.

— Дитенка не далъ Богъ... Наказалъ за что-то. Скучно безъ дитенка. Ни къ чему вся жизнь выходитъ.

Посвистываетъ онъ на лошадь, помахиваетъ бичикомъ, а самъ все шаритъ думками въ душѣ своей,

отыскиваетъ грѣхъ: за что-нибудь да наказалъ-же Богъ?..

Закуржавѣла лошадь, изъ рыжей стала бѣлая, лохматая, въ звонкой бахромѣ изъ мелкихъ льдинокъ на хвостѣ и гривѣ. Жаль ему ее ударить. И такъ, сердечная, едва плетется, дорога дальняя, а путь тяжелый. Морозъ такъ и приклеиваетъ сани къ снѣгу.

Красная заря за бѣло-синимъ лѣсомъ потухаетъ. Надъ неоглядными полями ночь спускается. Морозко ходитъ молча и ссутулясь по землѣ. Изрѣдка постукиваетъ костылемъ о толстыя лѣсины, какъ будто клады ищетъ: не звякнетъ ли подъ той, или подъ этой.

Все ближе лѣсъ, все гуще сумракъ.

Дорожка побѣжала между темными стѣнами елей, поля остались позади. Съ нихъ поднялся бѣлый, тупорогій полумѣсяцъ и пошелъ во слѣдъ за скрывшейся зарею. Все выше поднимается, ревниво вглядывается впередъ, гдѣ подъ кумачевымъ одѣяломъ заночевало солнце.

Якуня для развлеченія крякаетъ, соскакиваетъ, съ кошевы, разминаетъ ноги, хлопаетъ проворно рукавицами, склоняется къ Фокеевнѣ:

— Сидишь?

Сидитъ Фокеевна, тепло ей, только дремлется, и въ дремѣ тоже думки безпокоятъ:

— Выкормила бы, взлелѣяла не хуже прочихъ... Прижала бы къ сердечушку, къ груди, такое тепленькое, малое...

У обоихъ на душѣ однѣ и тѣ же думки тайныя...

— «Парнишка бы... Небойсь въ меня бы уродился...» — Якуня еще громче крякаетъ, приплясываетъ возлѣ кошевы...

Фокеевна въ дремотѣ руки прижимаетъ къ дѣвической, крутой груди:

— «Дѣвченочку бы... Куколку живую...»

Поютъ полозья по снѣгу, какъ пѣсню колыбельную выводятъ... То радостную, то печальную. Отходятъ въ сторону куда-то далеко всѣ думки... Какъ малыя дѣвчурки поразбѣжались по лѣсу, играючи.

И въ дремотѣ кажется Фокеевнѣ, что ближе всѣхъ одна осталась, самая хорошая, самая родная. Осталась и зоветъ кого-то — жалобно такъ, со слезами...

Якуня озирается по сторонамъ. Изъ-за пышныхъ елокъ смотрятъ на него лѣсные страхи...

— Ишь, гдѣ-то, надо быть волчишко воетъ... — прислушиваясь, соображаетъ онъ и вскакиваетъ на облучекъ, проворнѣе крутитъ надъ лошадью бичемъ.

Скорѣе понеслась кошевка. Печальнѣй и звончѣй запѣли полозья.

Фокеевнѣ ужъ такъ и кажется, что дѣвочка кричитъ, зоветъ не дозовется:

— Ма-а-ма-а...

Якуня вдругъ остановилъ лошадь.

— Фокеевна. Ты слышишь?

Фокеевна вытягивается изъ-подъ кошмы. По тѣлу у нея ознобъ пошелъ. Она еще не можетъ разсудить: спитъ она или проснулась...

— Я думалъ волкъ, а это... Кто-же?..

Якуня не можетъ съ мѣста съѣхать, такъ съ поднятымъ бичемъ и слушаетъ. И даже лошадь навострила уши, вглядывается впередъ.

Фокеевна осипшимъ голосомъ едва промолвила:

— Поди, поблазнило...

Но гдѣ то уже близко, явственно пронеслось по лѣсу:

— Ма-а-а...

Якуня приклонился къ Фокеевнѣ, признался:

— Поди отъ думы это... Я все о дѣткахъ думалъ.

Фокеевна приподнялась въ испугѣ, схватила Якова за опояску и затряслась:

— Я тоже думала...

— Ну, вотъ! — рѣшаетъ вдругъ Якуня и, не снимая шапки, поспѣшно крестится съ бичемъ въ рукѣ... Потомъ стегаетъ имъ лошадь и кричитъ: — Ну-ка-а...

Но вотъ совсѣмъ ужъ близко, какъ будто кто бѣжитъ навстрѣчу, несется по лѣсу:

— Ма-а-ма-а...

Якуня изо всѣхъ силъ стегаетъ бичикомъ по лошади. Она несется по дорогѣ скокомъ. Неслась, неслась, метнулась въ сторону, — едва не опрокинула кошеву... А передъ Фокеевной и Яковомъ, протянувъ имъ ручки, въ бѣлой шубѣ, въ бѣлой шапочкѣ, стоитъ возлѣ дороги на снѣгу дѣвочка и зоветъ все тѣмъ же тонкимъ и печальнымъ голосомъ.

Якуня оборачиваясь увидѣлъ, какъ погналась она за ними, задрожалъ отъ страха и шепталъ суевѣрно:

— Ишь, въ бѣлую малютку обернулся... О Господи прости — помилуй...

И все сильнѣе билъ бичемъ по лошади.

— Врешь, окаянный, не догонишь!.. — думалъ онъ, все дальше убѣгая отъ русалочьяго голоса.

V.

Не проходитъ Лихо и мимо палатъ каменныхъ. Нѣтъ ему нигдѣ запрету. Вломится, наозоруетъ, выжметъ у людей всѣ слезы и уйдетъ слѣпое, повсегда голодное.

Не ждалъ его къ себѣ купецъ Верховинъ.

Трудился, торговалъ, съ людьми братался, хлѣбосольствомъ щедровалъ. Семью большую растилъ — цѣлый табунокъ дѣтишекъ.

Какъ ласковый пастухъ съ утра до вечера, одно знай, всѣхъ пасетъ, заботится: одѣты-ли, сыты-ли. Умны-ли вырастутъ... Всѣхъ надо пріодѣть и приласкать, побаловать.

Самъ выросъ въ людяхъ за прилавкомъ, на щелчкахъ, на зуботычинахъ. Не хочется, чтобъ дѣти испытали то же.

И радовался онъ, что дѣти счастливы, въ довольствѣ, большіе учатся, а малые играютъ, веселятъ отцовскіе глаза.

Какія въ маломъ городѣ зимой особыя забавы? Катанье съ горъ, катанье на конькахъ, катанье на тройкѣ... Только и всего... за то ужъ снѣжная гора у Верховина высокая, вся въ елкахъ. Катокъ большой и гладкій съ фонарями, а тройка — разлихая въ бубенцахъ, въ богатой сбруѣ. Кошева — ковчегъ раскрашенный.

Вотъ усадилъ Верховинъ въ кошеву всѣхъ дѣтей на туркестанскіе ковры, вокругъ дородной молодой служанки Матрены и строго говоритъ Ивану, кучеру-бородачу:

— Ну, ты смотри — коренника не горячи. Ступай, — и ласково, довольно провожаетъ взглядомъ шумливый хороводъ дѣтей на бѣлоснѣжную околицу, за городъ.

Сердитъ да правиленъ купецъ Верховинъ. Иванъ давно у него служитъ, знаетъ. И весело служить такому, не обидно. Всѣ ребятишки при Иванѣ родились. Почти для всѣхъ за акушерками, за батюшками ѣздилъ.

— Ишь, пчелы, разгудѣлись какъ...

Весело Ивану править лошадьми — хорошія, ретивыя... Любо прокатиться на такихъ...

— Иванъ, шибчѣй!.. Иванъ, карьеромъ...

— Нельзя... Папаша не велѣлъ.—А у самого вожжи такъ и натягиваются, какъ струны.

— Въ лѣсъ, Иванъ... По лѣсу... По лѣсной дорогѣ!

— Ахъ, галчата... Ну, ладно... Карій!..

Коренникъ приподнялъ голову, встряхнулъ серебряными шаркунцами. Пристяжки круче изогнули шеи, веселыми глазами покосились на Ивана...

— Растабарива-а-ай!..

Карій еще выше поднялъ голову, досталъ гривой дугу и бросилъ въ бороду Ивану полное копыто снѣгу...

Ниночка подпрыгнула въ колѣняхъ у Матрены, весело захлопала голубенькими рукавичками. Радостно ей шибко ѣхать. Сергѣй, большакъ Верховина, всталъ на ноги, поймалъ за плечо Ивана, закрылъ лицо отъ снѣжныхъ комьевъ:

— Шибчѣй Иванъ... Шибчѣй!..

Вытягиваются пристяжки, достаютъ копытами до передка, и кошева выстукиваетъ:

— Такъ. Такъ. Такъ...

Съ визгомъ, съ радостью, со смѣхомъ мчатся дѣти по лѣсу, всѣ пятеро за Матрену держатся. А Матрена крѣпче всѣхъ держитъ Ниночку, смѣется, но дрожитъ и голосомъ ядреннымъ покрываетъ шумное веселье бѣшенаго бѣга:

— Потише ты, Иванъ... Потише!..

— Врешь, дѣвка!.. Врешь, Матренушка... — отвѣчаетъ ей Иванъ и чувствуетъ, что Карій закусилъ удила... Вышелъ изъ повиновенія...

И Иванъ хотѣлъ бы выйти изъ повиновенія у Матрены: прищемила она Иваново сердце, не даетъ ему воли.

— Врешь, милая-а!..—кричитъ Иванъ, и уже кажется ему, что не во всю прыть мчатся лошади: — Растабаривай ты, Карій!..

— Взбѣсился ты? Вздурѣлъ!.. — и голосъ у Матрены обрывается...

Вздурѣлъ Иванъ... Взбѣсился коренникъ... Взбѣсилась тройка...

...И вотъ пришелъ Якуня въ домъ Верховина, принесъ щетину новую — увидѣлъ: въ будни лавка заперта. Вошелъ въ ограду — въ оградѣ три креста: большой да два маленькихъ.

Прислушался къ толпѣ, собравшейся на похороны... И ушамъ своимъ не вѣрилъ:

— Эдакіе львы взбѣсились. Всю кошеву въ щепы разбили... Тутъ чего же...

— Маленькую-то спасла Матрена: выбрала помягче мѣсто да въ снѣгъ ее и выбросила...

— А сама-то, ишь, сердечная... Всю голову ей... на лѣсинѣ мозгъ остался, быдто...

— А Иванъ?

— Иванъ въ больницѣ... Трое тамъ лежатъ... едва живые... Сергѣй одинъ не изувѣчился...

Якуня черезъ силу разжимаетъ челюсти, спрашиваетъ не своимъ голосомъ:

— А меньшенькая-то жива?.. — а самъ скосился на маленькіе крестики и не сталъ ждать отвѣта...

Понялъ все Якуня. Не смѣлъ взглянуть въ глаза Верховина, безъ слезъ ходившаго медленно и молчаливо отъ креста къ кресту...

Поняла даже Фокеевна и по бабьей простотѣ своей шептала черезъ слезы:

— Счастье это наше было... По слѣдамъ гналось... Спасли бы, дакъ осеребрилъ бы насъ купецъ-то...

Якуня дергалъ за рукавъ Фокеевну и выжималъ сквозь стиснутые судорогой зубы:

— Молчи ты, Бога ради... Молчи!..

А самъ въ себѣ носилъ кошачьи когти и темную, безъ дна яму:

— «Андела отъ окаяннаго не отличилъ... Какой я человѣкъ есть?..»

VI.

Такъ и пошелъ Якуня къ четвертому десятку лѣтъ съ чужой печалью, какъ съ темнымъ грѣхомъ на душѣ. Мучила его тяжелая ошибка:

— «Андела отъ окаяннаго не отличилъ...»

И оттого, что купецъ Верховинъ съ горя въ одну зиму бѣлымъ сдѣлался, Якуня всѣ сокровища души своей, весь трудъ, всѣ чувства — отдалъ Верховину.

А Верховинъ усталъ работать, пересталъ стараться. Не для кого стало. Одинъ здоровый сынъ остался. И тотъ въ ученье, въ большой городъ уѣхалъ. Падать стало его дѣло.

— Завидую я тебѣ, Яковъ.. Завидую, Якуня-Ваня, — часто говорилъ купецъ, — живешь ты безъ заботы, безъ печали...

— Правильно, Михалъ Василичъ! — подхватывалъ Якуня весело, точно хотѣлъ развеселить Верховина. — Мнѣ что? Лишь бы Фокеевну не заморить, — и, помолчавъ, прибавлялъ: — Только вотъ ребятишекъ не далъ Богъ... Обидно...

Михаилъ Василичъ вдругъ мрачнѣлъ, отводилъ отъ Якова глаза и сурово говорилъ

— И хорошо, что нѣтъ ихъ...

Яковъ чуялъ, что разбередилъ сердце Верховина и пытался утѣшить его:

— Умнецкій парень у тебя—этотъ Сергѣй растетъ... Говорить начнетъ, — заслушаешься... И когда онъ все узналъ?..

Но и здѣсь Якуня бередилъ верховинское сердце. Вбивалъ въ него ту острую занозу, которая уже давно воткнулась въ его душу.

— Умные-то, братъ Яковъ, нынче въ тюрьмѣ сидятъ.. Слыхалъ ты это?

И Якуню мучили туманныя сомнѣнія, непрерывно и безжалостно скреблась въ немъ кошка.

Такъ вотъ шли бокъ-о-бокъ хлопотливый Яковъ и задумчивый Верховинъ, и чѣмъ дальше — тѣмъ сильнѣй Якуня чуялъ, что нѣтъ у него, Якова, роднѣе и до-

роже человѣка, которому онъ такъ горячо хотѣлъ бы угождать.

Но какъ ни угождалъ Якуня Верховину, какъ ни шутилъ, ни веселилъ его, — къ Верховину ломилось Лихо во всѣ двери. Говорятъ же старики:

— «Ты отъ бѣды, а бѣда передомъ».

Прослылъ Верховинъ за политика. Косились на него управа и исправникъ... Не долюбливалъ и отецъ протоіерей...

А тутъ какъ на зло-горе выпала бунтарская пора...

Вздыбилась Русь — вышла мутная рѣка изъ береговъ, снялись и поплыли по ней лѣса и буреломины, навозъ и гадость всякая...

Начались погромы...

Какъ разъ въ ту пору какъ-то и пошелъ къ Верховину Якуня, понесъ щетину.

Было это осенью. По улицамъ лежала пѣгими пластами застывшая грязь, и Яковъ не велѣлъ идти съ собой Фокеевнѣ — сапоги у нея новые, — не стоило ихъ пачкать.

Шелъ съ дальнихъ загородныхъ улицъ, гдѣ избы маленькія, деревенскія, съ крышами, какъ сплющенные картузы.

Шелъ и удивлялся:

Что за праздникъ въ городѣ? — Всѣ, какъ въ церковь, валятъ на базаръ... Что за ярмарка? — Всѣ съ базара обновы тащатъ...

Дрогнуло у Якуни сердце. Зналъ онъ про худыя вѣсти. Была по городу «провѣрка всѣхъ жидовъ и всѣхъ политиковъ», и въ головѣ Якуни сама собою поселилась догадка, что купца Верховина жидомъ счита-

ютъ, потому что онъ политикъ... А что Верховинъ политикъ — это для Якуни ясно потому, что не похожъ Верховинъ на другихъ купцовъ, и всѣ купцы на него зубы точатъ.

Заспѣшилъ Якуня на базаръ. Сердце говорило «не ходи», а ноги не послушались — бѣжали сами, все быстрѣе да быстрѣе.

А по базару во всю прыть понесли прямо въ домъ Верховина по проторенной за много лѣтъ дорожкѣ.

Бѣжалъ Якуня — слышалъ шумъ вокругъ, видѣлъ множество людей, куда-то торопившихся, что-то кричавшихъ, но ничего не понималъ, одно твердилъ:

— Эка, началось-то што... Эка, забурлило-то.

Прибѣжалъ, а у воротъ Верховина — толпа-толпой, азартная, гудущая, какъ рой осиный. Такъ табуномъ и ломится въ ворота.

Якуня, какъ бѣжалъ, такъ запыхавшійся осипшимъ голосомъ и заревѣлъ:

— Повѣрьте совѣсти!..

Порвался голосъ... Онъ заплясалъ въ толпѣ, засмѣялся, засипѣлъ того сильнѣе:

— Повѣрьте совѣсти: не жидъ Михалъ Василичъ — и бухъ всѣмъ въ ноги. — Ребятушки!.. Я двадцать лѣтъ съ нимъ дѣло дѣлаю... Повѣрьте совѣсти...

Не слышала, не видѣла толпа Якуню.

Якуня скоморохомъ обѣжалъ весь домъ — весь домъ пустой, не запертый, на кухнѣ самоваръ кипитъ... Въ хоромахъ на столѣ горячій супъ въ тарелкахъ, а въ домѣ никого...

Якуня затворяетъ двери на крюки. Въ испугѣ торопливо крестится въ передній уголъ на иконы...

Но ломится толпа, волною черною вливается въ хоромы, гудятъ подъ сапожищами полы, трещатъ столы и стулья... Звенитъ посуда, визгливо стонетъ старая фисгармонія — любимая хозяйская утѣха...

Якуня носится изъ угла въ уголъ, никѣмъ не замѣчаемый, не слышимый кричитъ сквозь слезы:

— Что же это, господа честные?.. Пошто же озорство-то это?.. Берите лучше, не ломайте... — и отнималъ посуду, отнималъ товары, толкалъ грабителей, кричалъ:

— Повѣрьте слову! Повѣрьте...

Не слышали, о чемъ кричалъ Якуня. Но красныя невидящія лица устремили на него со всѣхъ сторонъ десятки выкаченныхъ глазъ, вселили смертный страхъ въ Якуню... Услышали, но не повѣрили...

Чернымъ ураганомъ пронеслось людское зло въ усадьбѣ Верховина, — опустошило все, сломало, распахнуло двери... И ушло...

Вошелъ холодъ, внесъ съ собою пустоту, такую же холодную, какъ самъ.

А въ каменномъ низу, въ незапертой, съ поваленными полками лавкѣ, на самой серединѣ пола лежалъ Якуня. За пазухой у него была хорошо подобранная, подсортированная щетина, а на разбитой головѣ была надѣта кѣмъ-то круглая и бѣлая кордонка изъ-подъ картуза. А на кардонкѣ крупными, печатными словами значилось:

«Торговля М. Верховина».

Такъ полиція на завтра и въ протоколъ внесла...

МАТУШКИНЪ ГРѢХЪ

I.

Отецъ Максимъ поджидалъ архіерея. Село, въ которомъ онъ священствовалъ, было большое, зажиточное, въ немъ былъ базаръ и двѣ — три каменныя лавки, но отецъ Максимъ все же съѣздилъ въ городъ за сто двадцать верстъ, на что потратилъ пять дней времени, и накупилъ тамъ всего, что было нужно для встрѣчи высокаго гостя.

Когда, вернувшись изъ города на добромъ взмыленномъ Гнѣдкѣ, онъ остановился у крыльца стараго и опрятнаго, широко разсѣвшагося дома, молодая, пухленькая матушка съ голубыми, какъ незабудки, глазами и бѣлокурою прической, выпорхнула на крыльцо и, всплеснувъ руками, радостно взвизгнула и лепетала:

— А мы жъ съ Сонечкой такъ заскучали... Такъ заскучали...

Голосъ ея взволнованно дрожалъ, глаза излучали радость, а на щекахъ, подернутыхъ пушкомъ, игралъ румянецъ.

Отецъ Максимъ, молодой и тонкій, съ черными глазами и бородкой, отдавъ работнику лошадь, вошелъ

въ комнату. Матушка подпрыгнула, чтобы достать его шею и раскрыла алыя губки для поцѣлуя.

Казалось, что въ пять дней она успѣла наскучаться о немъ, какъ за цѣлый годъ. Но онъ неловко отстранилъ ее, какъ бы стыдясь вошедшаго учителя Павла Николаевича, временно служившаго псаломщикомъ.

— Добраго здоровья, отецъ Максимъ! — привѣтствовалъ Павелъ Николаевичъ. — Какъ съѣздили?

— А хорошо. И молодецъ Гнѣдко, ей же Богу... — встрепенулся отецъ Максимъ. — Если бы я не боялся растрясти свои покупки, я давно бы дома былъ... Вѣдь, я вчера ужъ подъ вечеръ изъ города выѣхалъ... Меньше сутокъ — сто двадцать верстъ... Прямо соколъ, а не конь.

— А ты-жъ помойся... Ходи-жъ помойся, не пыли тутъ, — звенѣла матушка, и въ голосѣ ея, въ еле сдерживаемомъ волненіи, въ ласковой улыбкѣ — свѣтилась большая, чистая и свѣтлая любовь.

Отецъ Максимъ ловилъ ея слова, по украински пѣвучій голосъ, по дѣтски ласковые взгляды и, какъ скупой купецъ, ревниво пряталъ все отъ Павла Николавича въ своей душѣ и тихо радовался про себя своему счастью.

Потомъ, когда онъ вымылся, а Павелъ Николаевичъ, поговоривъ объ архіереѣ, ушелъ, они на цыпочкахъ пошли въ угловую комнату, гдѣ въ полутьмѣ, подъ бѣлымъ положкомъ, на винтовой пружинѣ висѣла люлька.

Матушка, шагнувъ впередъ, сдѣлала отцу Максиму тоненькой рукою знакъ, чтобы онъ не шелъ, но тот-

часъ же, открывъ положекъ и счастливо улыбнувшись, поманила его къ себѣ...

Онъ подошелъ размашистыми, неуклюже-осторожными шагами и наклонился надъ розовымъ, въ чепцѣ, пухлымъ личикомъ ребенка, во рту котораго чуть-чуть наигрывалъ пустой флаконъ съ резиновою соской.

Сквозь ситцевыя занавѣски процѣживался розоватый свѣтъ заката. Въ раскрытое окно доносились звонкіе голоса крестьянскихъ ребятишекъ и щебетанье воробьевъ въ просторномъ огородѣ, обсыпавшихъ, какъ сѣрые плоды, широкіе кусты черемухи.

Отецъ Максимъ, обнявъ за талію жену, склонившись, стоялъ надъ люлькой и улыбался тому, какъ на щекахъ ребенка, сосавшаго пустой флаконъ, то появлялись, то исчезали розовыя ямочки.

Матушка перебрасывала свой ясный взглядъ то на ребенка, то на мужа и съ трудомъ сдерживала порывистое, стѣснившее ея грудь, дыханье безграничной радости...

II.

Архіерей пріѣхалъ въ праздникъ къ полудню.

Когда далеко за селомъ, въ длинномъ облакѣ пыли, показались тарантасы, долговязый Лубаревъ, косой, въ тяжеломъ армякѣ и кошемной шляпѣ мужикъ-трапезникъ, съ утра не слѣзавшій съ колокольни, торжественно ударилъ въ колокола. Онъ умѣлъ на нихъ играть всѣ плясовыя пѣсни и всѣ церковные мотивы. На этотъ разъ онъ заигралъ пасхальное «святися-святися»... Онъ опуталъ себя шнурками отъ колокольныхъ языковъ и, глядя прищуренными глазами на большую

дорогу, подергивалъ руками, притопывалъ ногой, къ которой былъ зацѣпленъ шнуръ отъ сердца главнаго колокола и, по мѣрѣ приближенія тарантасовъ, все усиливалъ, все ускорялъ трезвонъ.

И видѣлъ съ высоты, какъ изъ улицъ и домовъ села выбѣгалъ на церковную площадь народъ въ яркихъ праздничныхъ одеждахъ и какъ съ поповскаго крыльца въ бѣломъ платьѣ, въ сопровожденіи стряпки Ульяны съ ребенкомъ на рукахъ, торопливо сбѣжала на травку и пошла къ церкви матушка.

— Ишь, какъ семенитъ... — подумалъ Лубаревъ, лаская взглядомъ матушку, — и на матушку-то не похожа, ровно бѣлая козлушка... А штобъ те Богородица любила!..

Отецъ Максимъ, слегка взволнованный и блѣдный, въ полномъ облаченіи съ крестомъ и евангеліемъ стоялъ на паперти и ждалъ.

Матушка, приблизившись, взлянула на него. Въ свѣтлой, парчевой ризѣ съ темнорусыми подвитыми волосами онъ, какъ никогда, казался ей красивымъ и значительнымъ, но что-то новое, обидное шевельнулось въ ея груди, точно матушка увидѣла какую-то, доселѣ незнакомую, черту въ его лицѣ... Всегда такой смѣлый, независимый отецъ Максимъ, такъ громко говорившій проповѣди въ церкви сотнямъ мужиковъ и бабъ, теперь такъ блѣднѣетъ и дрожитъ, точно знаетъ за собой какую-то вину и боится за нее передъ владыкой... И такъ боится, такъ волнуется, что будто и не замѣчаетъ ее, его Лидиньку, ни разу не взглянулъ, не улыбнулся ей знакомой, тихою улыбкой, какъ это часто бывало въ другое время въ церкви... Чтобы онъ взглянулъ на нее

— ей такъ хотѣлось. Ей хотѣлось ободрить его и взглядомъ показать, что она съ нимъ, возлѣ него, что въ домѣ все въ порядкѣ: владыка и всѣ гости будутъ приняты и угощены неплохо... И что онъ и безупреченъ, и уменъ и знаетъ службу хорошо...

Но отецъ Максимъ даже не покосился на нее. Толпа притиснула ее къ церковной школѣ, стоявшей рядомъ со сторожкой; она пыталась пробиться ближе къ паперти, гдѣ стояла зазѣвавшаяся Ульяна съ ребенкомъ, но безпомощно поддалась волнѣ народа, оттѣснившей ее въ глубь церковной ограды, когда архіерей подъѣхалъ къ церкви.

И только когда владыка подъ стройное пѣніе управляемаго Павломъ Николаевичемъ хора вошелъ въ церковь, а торжественный трезвонъ затихъ, могучій Лубаревъ протискался къ матушкѣ и, расчищая ей дорогу, возбужденно шепталъ:

— Иди, матушка, смѣлѣя, иди-иди, не бойсь... Экіе бараны, прости Господи, — ворчалъ онъ на народъ — будто и не видятъ, што тутъ матушка стоитъ... Штобы посторониться-то, дакъ нѣтъ... А, ну-ка, православные, посторонись!..

И матушка прошла къ иконостасу, передъ которымъ на амвонѣ стоялъ архіерей. Высокій и цвѣтущій, съ золотистой и окладистою бородкой, въ высокомъ клобукѣ и лиловой мантіи, онъ стоялъ недвижно, поднявъ большіе голубые глаза къ небу...

Матушка слышала срывающійся вялый теноръ отца Максима, но совсѣмъ, казалось, позабыла о немъ и, повернувши голову, по-дѣтски, беззастѣнчиво смотрѣла на владыку и чувствовала не то боязнь къ нему, не то

благоговѣніе... Такимъ далекимъ и святымъ, такимъ необычайнымъ и большимъ казался ей владыка, что хотѣлось умиленно поднести къ нему сейчасъ же маленькую Соню, чтобы онъ благословилъ ее.

Она оглянулась на толпу и не замѣтила въ ней Ульяны съ ребенкомъ... Позади нея стоялъ трапезникъ Лубаревъ и сдерживалъ напоръ вспотѣвшей, плотно-слившейся толпы народа. Матушка ласково скользнула взглядомъ по морщинистому сѣрому лицу трапезника съ клоками полинявшихъ волосъ на головѣ и бородѣ и снова стала глядѣть на архіерея. И вдругъ ей показалось, что изъ подъ длинныхъ золотыхъ рѣсницъ большіе ясные глаза его скосились на нее и обдали ея лицо и шею, уши и даже грудь какой-то теплотою, отъ которой стало вдругъ и радостно, и стыдно... Радостно потому, что онъ, такой особенный и свѣтлый, оторвалъ свой взглядъ отъ неба, чтобы ласково облить ее своимъ сіяньемъ... А стыдно потому, что она такъ прямо и упорно глядѣла на него, и онъ поймалъ ея глаза на мѣстѣ преступленія...

Какъ въ туманѣ шелъ молебенъ... Голосъ отца Максима казался отдаленнымъ, срывающимся и глухимъ, и матушка стояла въ полузабытіи, пытаясь не глядѣть на архіерея, но, противъ своей воли, украдкою косила на него глаза и, горя огнемъ стыда и любопытства, крестилась растерянно на иконостасъ.

III.

За трапезою владыко скромно и медлительно ѣлъ нельму, почти ничего не пилъ, и въ общей почтительной

и напряженной тишинѣ мягко звучалъ его пѣвучій баритонъ, обращенный къ вспотѣвшимъ собесѣдникамъ, среди которыхъ былъ и Павелъ Николаевичъ, и мѣстный старшина и нѣкоторые почетные крестьяне.

— Съ умиленіемъ, съ умиленіемъ я смотрѣлъ по дорогѣ сюда, какъ колосятся нивы... А какія травы нынче. Благодать Господняя!.. Народу не на что пожаловаться... Молиться Богу надо, благодарить Его... Церковь Божію не забывать...

Изрѣдка изъ-подъ каштановыхъ рѣсницъ глаза владыки вскидывались къ небу, но потомъ, какъ бы случайно, попадали на молодую матушку, затаившую дыханье и не сводившую глазъ съ архіерея.

— Спасетъ Христосъ... Спасетъ Христосъ, матушка. —говорилъ владыко и переводилъ глаза на блѣднаго, съ лихорадочно горящими глазами, отца Максима, все время стоявшаго на ногахъ возлѣ стола. — И вамъ, отецъ Максимъ, грѣшно роптать... Грѣшно гнѣвить Создателя... Какою Онъ васъ наградилъ подругою... Совсѣмъ еще дитя невинное, а уже хозяюшка хорошая и, думаю, жена прекрасная...

— Благодарю Господа, преосвященнѣйшій владыко! — потѣя и строго сверкая глазами въ сторону матушки, отвѣчалъ отецъ Максимъ.

Павелъ Николаевичъ украдкою взглянулъ и на архіерея, и на отца Максима, и на матушку и почему-то опустилъ глаза, а на молодомъ и свѣжемъ лицѣ его выступилъ румянецъ.

— А что же — обратился архіерей къ матушкѣ, но въ ту же минуту опустилъ глаза на свои бѣлыя холеныя руки — А что же: уже и дѣтки есть?

— Имѣется одна, дѣвочка... Софья по имени, — поспѣшно отвѣтилъ отецъ Максимъ...

— Прекрасно... Прекрасно... А сыночка не было?..

— Нѣтъ, преосвященнѣйшій владыко... Два года только, какъ бракосочетались...

Матушка вспыхнула, сомкнула задрожавшія руки пониже груди и взволнованнымъ, благоговѣйнымъ голосомъ сказала, по-дѣтски прямо смотря въ глаза архіерея:

— Я... преосвященнѣйшій владыко... Хотѣла попросить васъ, шобъ вы ее, Соничку жъ, поблагословили бъ.

—А съ радостью... По милости Господней съ радостью.

— Я принесу... Я принесу ее сейчасъ...

— Нѣтъ, нѣтъ... Зачѣмъ же?.. Можетъ быть дитя уснуло... Я самъ пройду...

Архіерей всталъ и, шелестя шелкомъ мантіи, медленно направился въ угловую комнату вслѣдъ за матушкой.

Отецъ Максимъ шагнулъ было за ними, но нерѣшительно остановился и замѣтилъ, что оставшіеся въ залѣ, какъ бы почуявъ передышку, зашевелились, закашляли, вполголоса заговорили между собою и вытирали потъ со лбовъ.

Матушка подошла къ колыбели, открыла положекъ и улыбнулась:

— Уже жъ и правда: спитъ...

Архіерей склонился надъ ребенкомъ, медлительно перекрестилъ обѣими руками, вслухъ произнося молитву,

и, дотронувшись до лба малютки, выпрямился и молитвенно взглянулъ въ передній уголъ на иконы.

Затѣмъ снова склонился надъ ребенкомъ, и на этотъ разъ лицо его почти коснулось лица матушки, а глаза скользнули по ея бѣлой и высокой шеѣ. Она повернула къ нему голову, и глаза его ей показались уже не такими, какими были за столомъ и въ церкви... Она не въ силахъ была отвести отъ нихъ своего взгляда и, поправляя на ребенкѣ одѣяльце, зардѣлась, и, учащенно дыша, большими глазами смотрѣла на владыку...

А онъ осторожно взявъ повыше кисти ея руку, вкрадчиво и тихо, совсѣмъ не какъ архіерей, проговорилъ:

— Какая у васъ шейка лебединая...

— Что вы, что вы, преосвященнѣйшій владыко... — затрепетавъ, попятилась она...

— Ничего... — Ничего!.. — вздохнулъ архіерей и опять перекрестилъ ребенка.

— Я сейчасъ, преосвященнѣйшій владыко... — кинулась она къ дверямъ — Отецъ Максимъ, гдѣ же ты?..

Но архіерей уже величественно шелъ въ залу и снова излучалъ изъ ясныхъ глазъ своихъ и тихій свѣтъ, и благочестіе...

Отецъ Максимъ, встрѣтивъ его въ дверяхъ, прошелъ въ залу, а матушка осталась въ дѣтской и, захвативъ лицо руками, не могла понять, что дѣлается съ нею: горитъ она или больна, или во снѣ увидѣла что-то жуткое и вмѣстѣ съ тѣмъ мучительно влекущее къ себѣ своей невѣдомой загадкою . Но она оправилась и обернулась къ выходу, чтобы итти къ гостямъ и на порогѣ

въ дѣтскую увидѣла большіе, страшные и молчаливые глаза отца Максима, вонзившіеся, какъ мечи, въ ея растерянное, огнемъ пылающее, лицо.

Затѣмъ она не видѣла, не слышала, какъ собирался архіерей, о чемъ онъ говорилъ наединѣ съ отцомъ Максимомъ и какъ прощался съ нею, садясь въ свою карету... Она помнитъ только, что архіерей уѣхалъ вечеромъ и возлѣ кучера на каретѣ горѣли фонари... А еще помнитъ, что отецъ Максимъ послѣ проводовъ увелъ ее въ спальню и придушенно шепталъ:

— Слышишь ты: владыко милостивъ ко мнѣ... Я ждалъ наказанія, а выходитъ милость: онъ пожелалъ меня перевести въ городъ... А тамъ дорога гладкая — въ протоіереи... Ха-ха-ха! Карьера... Такъ вотъ какая ты волшебница ... — и онъ больно сжималъ ея маленькія руки и поѣдалъ ее большими страшными глазами...

Но матушка не понимала ничего. Она потерянно смотрѣла на отца Максима и будто прислушивалась къ тому, что происходитъ въ ней, но ничего не могла услышать кромѣ того, что какъ-то робко и неровно билось ея сердце и дрожали длинныя рѣсницы...

IV.

Всю ночь отецъ Максимъ не спалъ. Не спала и матушка, ушедшая изъ спальни въ дѣтскую. И оба не сказали другъ другу ни одного слова. Молча провели и весь слѣдующій день и не выходили ни къ чаю, ни къ обѣду, отзываясь нездоровьемъ...

Ульяна учуяла своимъ бабьимъ сердцемъ недоброе и недружелюбно бросила приходившему зачѣмъ-то Павлу Николаевичу:

— Больны они сегодня... Не выходятъ, — и испытующе посмотрѣла прямо въ изумленные глаза учителя.

И косоглазый Лубаревъ почуялъ что-то... Онъ три раза находилъ задѣлье къ матушкѣ насчетъ огорода, которымъ онъ завѣдывалъ за харчи на кухнѣ. Но всѣ три раза постоитъ у порога, помолчитъ, помнетъ въ рукахъ шапку, и, прислушавшись къ молчанью дальнихъ комнатъ, безшумно выйдетъ вонъ.

Осунулся отецъ Максимъ. Глаза его запали и блестѣли лихорадочнымъ огнемъ. А матушка сидѣла возлѣ зыбки Сонички непричесанной, въ какой-то бѣлой распашенкѣ, и то и дѣло брала на руки ребенка... И только подъ вечеръ отецъ Максимъ вошелъ къ ней и долго шагалъ по дѣтской, не произнося ни слова, а лишь шумно вздыхая и останавливаясь посреди комнаты съ раскосмаченными волосами и крѣпко сомкнутыми у груди руками.

Матушка кормила Соничку и стыдливо прятала отъ взгляда мужа свою полуобнаженную, чистую грудь. Этотъ жестъ растрогалъ и въ то же время еще больше раздражилъ отца Максима, въ голову и сердце котораго все больше заползало ядовитыхъ и неуловимыхъ змѣй— сомнѣній.

Все же онъ, стараясь быть ласковымъ и задушевнымъ, сказалъ наконецъ:

— Лидинька!.. Умоляю тебя Христомъ Богомъ... — отецъ Максимъ скорбно посмотрѣлъ на матушку, но

увидѣвъ совершенно равнодушное и какъ будто чужое, незнакомое лицо, вдругъ оторопѣлъ:

— Ты меня не слушаешь?.. — спросилъ онъ съ возростающей тревогой. — Что это значитъ!.. Что это значитъ, я спрашиваю? — уже шипѣлъ отецъ Максимъ.

Но матушка, какъ въ полуснѣ, сидѣла молча и тихо покачивала прильнувшаго къ груди ребенка...

Въ душѣ ея происходило что-то смутное, ея разсудокъ вдругъ затуманился, слухъ притупился, и вся она какъ будто окаменѣла...

Отецъ Максимъ бѣшено бросился къ ней со стиснутыми кулаками и вскричалъ:

— Значитъ правда, что ты...

Матушка вскрикнула и испугала Соничку... Та вздрогнула, выронила грудь и запищала. Отецъ Максимъ схватилъ себя за волосы и зашепталъ:

— Господи, Господи!.. Что я дѣлаю? Ну, разскажи, ну, признайся, что съ тобою?.. — и сѣлъ возлѣ матушки на стулъ...

Матушка, укачивая ребенка, какъ бы пришла въ себя, вся затряслась, глухо зарыдала и сквозь слезы, сквозь всхлипыванія простонала:

— Я жъ сама не знаю... Я ничего не знаю ... — и уже громко разрыдалась, сгорбившись надъ плачущимъ ребенкомъ.

Отецъ Максимъ смягчился и, приглаживая ея волосы, шепталъ:

— Ну, будетъ, ну, перестань... Господь съ тобою... Ну, разскажи мнѣ все... Отъ чистаго сердца... Отчего ты такъ измѣнилась вдругъ... Что «онъ» тебѣ здѣсь сказалъ?.. Ну, по чистой совѣсти...

Вытирая слезы и удерживая рыданія, матушка, какъ утѣшенное дитя, слабо и сконфуженно улыбнулась отцу Максиму и, припавъ къ его плечу, пролепетала:

— Въ церкви жъ я прямо молилась на него... Онъ такой... Такимъ святымъ казался мнѣ... А тутъ я жъ сама не знаю, какъ это вышло, онъ руку мою взялъ и сказалъ, что шейка у меня красивая...

— И ты, говоря это, улыбаешься? — бѣшено вскричалъ отецъ Максимъ и, оттолкнувъ отъ себя матушку, вскочилъ и задохнулся отъ нахлынувшихъ на него ярости, обиды и негодованія. — Ага, такъ вотъ почему онъ былъ такъ милостивъ со мной. Такъ вотъ ты какой архипастырь святой!.. — и опять набросился на матушку. — А ты-то, ты-то, что же такое... Какъ такъ именно тебя и такъ скоро разглядѣлъ онъ?.. Значитъ же ты ... стыдъ свой потеряла ... съ кѣмъ?.. Съ этимъ молокососомъ учителемъ что ли?.. Когда?.. Когда?..

Отецъ Максимъ испытующе глядѣлъ на матушку и не узнавалъ ея лица: такъ исказила его первая, глубокая ненависть къ нему... Она быстро и небрежно положила Соничку въ люльку и, выпрямившись, бросила отцу Максиму:

— Уже жъ, значитъ, потеряла. Вотъ! — она вызывающе развела руками и, закрывъ ими лицо, съ отчаяннымъ плачемъ выбѣжала изъ дѣтской...

Черезъ минуту отецъ Максимъ видѣлъ, какъ ея бѣлая распашенка мелькнула въ кустахъ огорода по дорожкѣ къ колодцу.

Въ ужасѣ онъ бросился изъ комнаты и чернымъ вихремъ переметнулся черезъ гряды и кусты за нею.

— Господи... Лидинька!.. — успѣлъ онъ вскричать и замеръ, не добѣжавъ до колодца: матушка прыгнула въ него...

Онъ стоялъ и не смѣлъ подойти къ колодцу, изъ котораго вдругъ показалась полусѣдая и лохматая голова трапезника Лубарева.

— Батюшка... Батюшка! — растерянно стоналъ трапезникъ. — Идите, подсобите, а то не удержу... Не ловко мнѣ... — на рукахъ онъ держалъ матушку и лепеталъ: — Срубъ-то скользкій, а лѣстница плохая... Вотъ грѣхъ-то какой... Ладно, что я тутъ погодился... Колодезь-то какъ разъ чистилъ... А она прямо мнѣ на спину... О, Господи!.. Перепугала меня до смерти...

Отецъ Максимъ, не вѣря чуду, блѣдный, съ немигающими глазами и еле внятнымъ шепотомъ какихъ-то словъ молитвы, унесъ безчувственную матушку въ спальню и, никого не впуская туда, долго плакалъ надъ нею, вытирая полотенцемъ со щеки ея кровь, струившуюся изъ небольшой ранки...

Матушка пришла въ себя лишь подъ вечеръ и сразу же, шатаясь, пошла къ раскричавшейся Соничкѣ въ дѣтскую.

V.

Больше мѣсяца матушка не выходила изъ дома и Лубаревъ многимъ разсказывалъ:

— Съ матушкой горячка приключилась. Въ жару-то она возьми да въ колодезь и бросься... Да ладно я тамъ погодился — ушиблась только... На спину мнѣ упала — вытащилъ...

Но многіе болтали, что у батюшки съ матушкой «идетъ грѣхъ» изъ-за Павла Николаевича. Больше всего болтала объ этомъ учительница «министерской» школы Дарья Ивановна, старая дѣва, мечтавшая о Павлѣ Николаевичѣ, какъ о самомъ подходящемъ для себя женихѣ.

— Мало ей попа-то! — говорила она въ лавкѣ у купца Хитрова. — Теперь учителя заманиваетъ въ свои сѣти.

Приказчики Хитрова мотали ея слова себѣ на усъ, перешептывались и «разносили» славу по селу съ прикрасами...

Но ни къ отцу Максиму, ни къ Павлу Николаевичу «слава» не доходила, хотя учитель самъ почуялъ непріязнь отца Максима по его пытливымъ взглядамъ, по рѣзкимъ окрикамъ и частой раздражительности.

Въ то же время, замѣтивъ, что матушка не показывается изъ дома, Павелъ Николаевичъ невольно заинтересовался ею и всячески хотѣлъ ее увидѣть. Въ душѣ учителя наростало что-то новое, въ чемъ онъ и самъ не могъ хорошенько разобраться, но это новое было похоже и на любопытство, и на жалость къ матушкѣ, и на какое-то, почти враждебное, чувство къ отцу Максиму. Павелъ Николаевичъ уже не столь почтительно говорилъ съ нимъ, не такъ быстро исполнялъ его порученія и потому, что рѣже сталъ ходить въ поповскій домъ, острѣе ощущалъ свое одиночество, а матушка все больше умиляла его своимъ затворничествомъ и уже казалась недоступной и въ то же время неотвратимо влекущей къ себѣ...

Какъ бы почуявъ это, и матушка, стыдясь самой себя, украдкою черезъ окно не разъ смотрѣла вслѣдъ Павлу Николаевичу, когда онъ проходилъ мимо.

Да и отецъ Максимъ должно быть все это почуялъ, но сдерживалъ себя, глушилъ въ себѣ всяческія подозрѣнія, негодовалъ самъ на себя за то, что допускалъ ихъ, а справиться съ собою все-таки не могъ... Точно дьяволъ все время нашептывалъ ему о разныхъ, самыхъ мелочныхъ, но будто важныхъ и значительныхъ подробностяхъ поведенія матушки и Павла Николаевича, будилъ въ памяти пріѣздъ архіерея и вмѣстѣ съ тѣмъ пугалъ воспоминаніемъ о случаѣ съ колодцемъ и ночными сценами... А отъ этого и отношенія между матушкой и отцомъ Максимомъ дѣлались неровными, то слишкомъ нѣжными, то слишкомъ рѣзкими... Оба видѣли, какъ что-то вошло въ ихъ жизнь, стало между ними и пытаетъ, мучаетъ обоихъ, не даетъ здороваго покоя, разрушаетъ вѣру.

Отецъ Максимъ все чаще раздражался, все рѣзче разговаривалъ съ другими, все суровѣе былъ съ прихожанами, а службу сталъ вести поспѣшно и, причащая дѣтей, сердито повертывалъ въ ихъ беззубыхъ ртахъ лжицу, отчего дѣти поднимали страшный крикъ на всю церковь...

Въ приходѣ стали поговаривать недоброе о батюшкѣ, стали чаще жаловаться на него другъ другу, рѣже приходить къ нему.

А послѣ большого мясоѣда, въ которомъ было много свадебъ, прошелъ слухъ, будто на отца Максима все общество послало жалобу къ архіерею...

Дѣйствительно, въ Великій постъ на крестопоклонной недѣлѣ въ приходъ пріѣхалъ благочинный.

Но, странное дѣло, благочинный пріѣхалъ прямо въ домъ къ отцу Максиму, былъ необычайно ласковъ и привѣтливъ съ хозяевами, и въ особенности съ матушкой и ужъ очень поспѣшно допросилъ наединѣ въ школьномъ помѣщеніи отца Максима, Павла Николаевича и Лубарева...

А когда передъ отъѣздомъ прощался съ матушкой, то дважды пожалъ ея руку, прищуренно и пристально поглядѣлъ въ ея потупленные глаза и сказалъ:

— Не безпокойтесь, матушка... Ужъ если самъ владыко не нашелъ ничего предосудительнаго въ приходѣ, то мнѣ и думать объ этомъ было бы грѣшно.

Но матушка ничего не поняла.

Отецъ благочинный просилъ отца Максима поѣхать проводить его до первой станціи. Видимо онъ хотѣлъ дорогой о чемъ-то по душѣ поговорить съ отцомъ Максимомъ.

Матушка, проводивъ ихъ, позвала Лубарева и потихоньку стала его спрашивать:

— Скажи, чего ради благочинный пріѣзжалъ?...

Лубаревъ отвелъ ласково мигавшіе глаза, переступилъ съ ноги на ногу и уклончиво отвѣтилъ:

— Дакъ, а мнѣ онъ развѣ скажетъ?..

— Онъ же тебя доспрашивалъ?

— А такъ, по какимъ нибудь кляузамъ...

— О чемъ же, ну?..

Лубаревъ опять замялся и, метнувъ на матушку виноватыми глазами, сказалъ:

— Признаться тебѣ, матушка: батюшка не велѣлъ болтать...

— А-а, вонъ оно какъ... — протянула матушка и, повернувшись къ Лубареву спиной, постояла въ раздумiи и ушла въ дѣтскую.

Лубаревъ поглядѣлъ на затворившуюся за матушкой дверь, помялъ въ рукахъ шапку, подождалъ чего-то и, глубоко вздохнувъ, тихо вышелъ изъ передней... Онъ вышелъ въ ограду и все еще не хотѣлъ одѣвать шапки. Прищурившись, онъ поглядѣлъ на пунцовый закатъ, на ближнiй увалъ съ черными проталинами въ синемъ снѣгу. Потомъ надѣлъ шапку, подошелъ къ городьбѣ ограды и, опершись на нее грудью, сталъ безразлично смотрѣть на площадь, посреди которой красовалась крашеная церковь съ высоко поднятымъ къ небу и ярко горѣвшимъ отъ заката золотымъ крестомъ.

Такъ онъ стоялъ долго, пока синiя сумерки не обволокли сперва увалъ съ пашнями, а потомъ и все село.

Лубаревъ, громыхая болтами, затворилъ ставни въ домѣ батюшки и направился въ церковную сторожку, прижавшуюся къ новенькой церковной школѣ, но, не доходя до школы, онъ сталъ, какъ вкопанный на мѣстѣ, и недовѣрчиво уставился глазами на крыльцо, по которому медленно и какъ бы нерѣшительно поднималась матушка въ своей синей шубкѣ.

— По че это она къ учителю пошла? — бормоталъ самъ съ собою Лубаревъ и, опасливо оглянувшись на трактовую дорогу, уходящую мимо церкви вдаль, откуда долженъ былъ вернуться батюшка, онъ вспомнилъ, что въ школѣ пора затоплять печку и торопливо зашагалъ вслѣдъ за матушкой.

VI.

Павелъ Николаевичъ сидѣлъ у окна въ классной комнатѣ и при свѣтѣ стеариноваго огарка провѣрялъ тетради своихъ учениковъ. Когда въ школу вошла матушка, онъ, не отрываясь отъ работы, спросилъ:

— Лубаревъ! Погоди мести въ школѣ, а то пыль подымешь...

— Это я... — какъ-то глухо произнесла матушка, и поднявшій голову учитель едва разглядѣлъ ея фигурку въ темномъ углу школы.

Онъ всталъ съ мѣста, обошелъ парты. Приблизившись къ матушкѣ, протянулъ ей руку и наклонился къ лицу ея, какъ бы желая лучше убѣдиться: матушка ли это. Глаза его встрѣтили растерянный, но вмѣстѣ съ тѣмъ ласковый взглядъ матушки и долго не могли отъ него оторваться. Онъ не нашелся, что сказать ей и, виновато заморгавъ, потеръ руки и отошелъ къ столику, приводя на немъ въ порядокъ тетради...

— А я было, то... — начала матушка и поперхнулась, — пришла до васъ по дѣлу... — голосъ ея замѣтно дрожалъ и звенѣлъ какъ показалось учителю, нотками «си—соль». — Я хотѣла поспрошать васъ за того... за благочиннаго... Чего ради онъ причепился до Максима?

Павелъ Николаевичъ, казалось, никогда еще не слыхивалъ столь милой и столь правильной рѣчи женщины, хотя и не впервые слышалъ матушку съ ея манерой «по-хохлацки выворачивать слова», какъ не однажды самъ же онъ выражался въ разговорѣ съ учительницей министерской школы.

И, какъ будто не понявъ словъ матушки, онъ не отвѣтилъ ей, стоялъ и глядѣлъ на ея свѣжее и чистое лицо съ потемнѣвшими и искрящимися глазами.

— Я уже и Лубарева доспрашивала и васъ доспрашиваю, а мнѣ никто не хочетъ отвѣчать... Ну, — разскажите жъ, Бога ради.

— Да я, собственно, такъ тутъ... — залепеталъ вдругъ Павелъ Николаевичъ. — Въ качествѣ постороннаго лица... Я ужъ и прошеніе подаю о снятіи съ меня обязанностей псаломщика.

— Такъ вы же мнѣ скажите человѣчьими словами: что случилось? — вдругъ вспыхнула матушка и перестала улыбаться.

Павелъ Николаевичъ какъ бы очнувшись отъ навожденія, навѣяннаго улыбкой матушки, отвелъ теперь глаза отъ ея строгаго и вызывающаго взгляда и растерянно отвѣтилъ:

— Да видите ли... Собственно и церковныя дѣла не совсѣмъ въ порядкѣ оказались, а тутъ, должно быть, и сплетни разныя...

— Какія сплетни?..

— Да про меня тутъ и про...

— И про меня... Ну?..

— И про васъ...

Матушка медленно сѣла на одну изъ партъ и замолчала, опустивъ головку.

Павелъ Николаевичъ почему-то вдругъ набрался храбрости, взялъ ее за руку и совсѣмъ чужимъ голосомъ прерывисто сказалъ:

— Собственно... Если отецъ Максимъ что-нибудь, то я. — Но онъ, недоговоривъ, вздрогнулъ.

Дверь школы распахнулась—и въ классъ бойко вбѣжала учительница Дарья Ивановна съ дочкою купца Хитрова. Увидѣвъ матушку, совершенно потерявшуюся и безпомощно теребившую перчатку, Дарья Ивановна остановилась у порога и съ поддѣльной робостью произнесла.

— Ахъ, извините... Я не знала... Я къ вамъ, Павелъ Николаевичъ, насчетъ инспектора зашла... Но это не къ спѣху... Я могу въ другой разъ... — и повернувшись обѣ дѣвицы выбѣжали вонъ...

Въ притихшій классъ отчетливо ворвался съ улицы ихъ звонкій сплетническій смѣхъ.

А въ классъ съ охапкой дровъ вошелъ Лубаревъ и громко проворчалъ:

— Чего и смѣются, прости Богъ!.. А еще «образованные» называются...

Слова эти какъ будто разбудили матушку, она шагнула впередъ, съ минуту постояла и, не попрощавшись съ Павломъ Николаевичемъ, быстро выбѣжала изъ школы и черной тѣнью скользнула по подстывшему снѣгу площади домой. Дома, не зажигая огня, она прошла къ Соничкѣ и у кроватки ея долго и беззвучно плакала.

Поздно вечеромъ вернулся отецъ Максимъ, и матушка не удивилась тому, что онъ, не сказавъ ей ни одного слова, сразу легъ, тяжело вздыхая и ворочаясь въ постели.

Матушка всю ночь не могла уснуть: съ вечера отъ смутнаго предчувствія какой-то сгущающейся надъ нею грозы, а передъ утромъ потому, что раскапризничалась Соничка.

Рано утромъ отецъ Максимъ ушелъ къ старостѣ, чтобы постыдить его за посланный архіерею приговоръ... Но вскорѣ матушка увидѣла его почти бѣгущимъ черезъ площадь съ сѣрымъ глинянымъ лицомъ... Увидѣла, схватила Соничку, притиснула къ груди и, дрожа всѣмъ тѣломъ, прижалась въ уголокъ подъ образа.

— Во-отъ ка-акъ!.. — прохрипѣлъ отецъ Максимъ, вбѣжавши въ дѣтскую и склонивши надъ матушкой свое похолодѣвшее лицо, которое, казалось, превратилось въ одни громадные, ужасные глаза... — Во-отъ ка-акъ, матушка честная... О васъ уже все село твердитъ... А староста... Староста при всемъ сходѣ прямо мнѣ въ лицо... — Отецъ Максимъ задохнулся и не могъ договорить.

И такимъ вдругъ страшнымъ, чужимъ и ненавистнымъ сталъ для матушки отецъ Максимъ, что ей снова захотѣлось сказать ему что-либо жестоко-оскорбительное, причинить ему такую боль, чтобъ онъ или совсѣмъ навѣки замолчалъ, или убилъ бы ее на мѣстѣ. И она, вставъ изъ угла, небрежно бросила ребенка въ люльку, выпрямилась и закричала:

— Вотъ же правда, все, шо говорятъ... Ходила я къ учителю! Вчера ходила... Безъ тебя... Ну?!

Отецъ Максимъ попятился отъ нея, медленно потупилъ взглядъ и медленно-медленно приблизилъ руки къ лицу, что-бы закрыть его и не видѣть бѣлаго свѣта...

VII.

Въ нѣсколько дней замѣтно постарѣлъ отецъ Максимъ. Въ темныхъ волосахъ его блеснула сѣдина,

между бровей и подъ глазами намѣтились глубокія морщинки, а взглядъ потухъ и сталъ глубоко скорбнымъ. Онъ не только не говорилъ съ матушкой, но избѣгалъ и смотрѣть на нее и собственноручно вынесъ въ дѣтскую ея кровать изъ спальни.

— А можетъ мнѣ уйти на улицу? — спросила матушка спокойнымъ голосомъ.

Отецъ Максимъ ни слова не отвѣтилъ, но матушка увидѣла въ его лицѣ не то покорность, не то рѣшимость сдѣлать что-то необычайное, значительно-важное. Въ его движеньяхъ и словахъ съ другими появилась тишина и чуткость, будто весь онъ насторожился и углубленно прислушивается къ тому, что происходитъ въ его сознаньѣ и душѣ. Онъ съ особенною тщательностью и усердіемъ сталъ совершать богослуженья, и Павелъ Николаевичъ не разъ во время Херувимской пѣсни видѣлъ въ пріотворенныя южныя врата, какъ отецъ Максимъ вздрагивалъ плечами и приникалъ къ престолу головой.

Прихожане слышали въ возгласахъ отца Максима слезы, и всякій по-своему толковалъ его смиренье.

— Шелковый сталъ, какъ къ архіерею-то зашли съ жалобой! — хихикали одни.

— Видно правду болтали про матушку-то съ учителемъ, — шептались другіе. — Ишь, попъ-отъ плачетъ какъ, сердечный...

— Хитеръ! — ехидничали третьи — Слезой донять насъ хочетъ, штобы стричь ловчѣе было... Врешь, братъ, не разжалобишь...

Но матушкино сердце вытянулось въ струнку и все чаще исторгало жалостливыя нотки, все напряженнѣе

рвалось обратно къ молитвенно-тихому и молчаливому теперь отцу Максиму.

А на страстной недѣлѣ въ понедѣльникъ матушка съ утра скромно одѣлась во все черное и пошла въ церковь, начала говѣть.

Отецъ Максимъ увидѣлъ её въ церкви, и голосъ его сразу оборвался.

— Неужели она и на исповѣдь прійдетъ ко мнѣ?.. — не то свѣтомъ, не то огнемъ мелькнуло въ его мысляхъ. — Вѣдь нельзя, вѣдь я ей просто мужъ, а не священникъ...

А матушка стояла слѣва между простыхъ бабъ и смотрѣла не глазами, а душою и не на иконостасъ, не на отца Максима, а куда-то дальше, выше, въ ту яркую и безграничную лазурь, гдѣ долженъ быть и есть великій Богъ Правды и Любви...

Ходили они оба въ церковь и, отдаваясь тихой внутренней молитвѣ-скорби, все глубже погружались въ самихъ себя и не думали о томъ, что есть православіе и догмы, и обряды, но твердо и непоколебимо вѣрили, что есть Что-то Высшее, къ Чему такъ сладко прибѣжать для отдыха отъ тяжкой скорби, для тихой бесѣды съ своей уставшею и оскорбленною душой.

Насталъ день покаянья — Страстная Пятница... Съ утра по легкому морозцу-инею ликующе заискрились-зазолотились лучи солнца, застывшія лужи отливали серебромъ и звенѣли подъ ногою тонкими ледяными стеклами.

Съ утра весь день церковь была полна народомъ. Читались «Страсти», и народъ прикладывался къ «Плащеницѣ». Уходили одни, приходили другіе. И было

въ движеніяхъ толпы, въ ея лицѣ и вздохахъ, и въ глазахъ что-то виноватое и тихое, будто «Плащеница» была не «Плащеница», расшитая позументомъ и шелками, а близкій всѣмъ, родной покойникъ, въ смерти котораго всѣ понемногу виноваты...

Такъ почему-то показалось и самому отцу Максиму, когда онъ передъ вечеромъ, приложившись къ «Плащеницѣ», прошелъ въ алтарь. Тихо и неторопливо облачаясь во все черное, одѣвая эпитрахиль, онъ глубоко вздыхалъ и впервые въ своей жизни думалъ о Христѣ, не какъ о Богѣ, а какъ о человѣкѣ, съ человѣческими скорбью и любовью и, можетъ быть, съ человѣческими же грѣхами, которые онъ искупилъ такимъ великимъ Подвигомъ, какъ смерть за истину и за любовь.

И противъ его воли мысль его метнулась къ матушкѣ:

— «Во всемъ покаяться рѣшила... И не лгала, не стала оправдываться и лгать, а сказала прямо... Значитъ не такая еще грѣшница... А грѣшница была и Марія Магдалина... И я... И самъ я не безгрѣшенъ»... — вдругъ вспомнилъ отецъ Максимъ свои еще недавніе семинарскіе годы, бурныя товарищескія попойки и... почуялъ отецъ Максимъ, какъ запылали его щеки, уши. И жгучій стыдъ за свой первый грѣхъ, за нераскаянную вину свою передъ чистой и такой еще недавно свѣтлой Лидинькой сковалъ его и склонилъ передъ иконою Спасителя его голову, какъ на отсѣченіе.

Давно потухъ игравшій на окнѣ вечерній лучъ и въ церкви, окутывая толпу вздыхавшихъ и земно кланявшихся богомольцевъ, сгущались сумерки. Къ отцу Максиму, смѣняя одинъ другого все шли и шли давно

знакомые старики и старухи, мужики и бабы. Выслушивая ихъ виноватый шепотъ отецъ Максимъ подумалъ, какія у нихъ открытыя полудѣтскія сердца. Уже все скажутъ, все выложатъ, а еще попросятъ:

— Погоди, батюшка, минутку... Подумаю, можетъ еще вспомню.

И вспомнятъ:

— Одновась тутъ у сосѣда Митрія оглоблю взялъ, утаилъ... А тутъ еще на нищаго наклепалъ — веревка изъ сѣней потерялась... А она потомъ нашлась дома: подъ крылечко завалилась...

А другой, вспыхивая краскою стыда и потѣя, признается:

— Къ Федосьѣ, свояченицѣ, лѣзъ ночью... Выпивши былъ...

— Согрѣшилъ?.. — спрашиваетъ отецъ Максимъ.

— Да хочь дѣломъ-то не согрѣшилъ, дыкъ въ помышленьяхъ было, все равно... А то еще тебя, батюшка, какъ-то матернымъ словомъ... ужъ прости Христа ради!..

Третій долго повѣствуетъ о винѣ передъ женою и не столько кается, сколько жалуется батюшкѣ, проситъ разрѣшить сомнѣнья:

— Признаться и не обижалъ ба, а какъ замѣтишь быдто все неладно, быдто какъ «за волей» ходитъ — вскипитъ сердце, и опять побьёшь... А тутъ въ прошлый разъ... полкосы выдернулъ. Самому доспѣлось жалостно... — и мужикъ всхлипываетъ, припадая къ колѣну батюшки, а батюшка и самъ роняетъ слезу на эпитрахиль и грустно смотритъ на порѣдѣвшую толпу испо-

вѣдниковъ, терпѣливо ожидавшую очереди для очищенья отъ грѣховъ.

Одинъ за однимъ идутъ на лѣвый клиросъ грѣшники и каются, и плачутъ и жалуются:

— Взяло меня горе, вскипѣло сердце и сказала я ему, безпутному сыну своему: штэ-бы тебѣ вѣки-вѣчные скитаться по бѣлому свѣту безъ счастья, безъ талану...

И убивается старуха у ногъ отца Максима, плачетъ... Сжалось ея сердце отъ тоски по безъ вѣсти пропавшему горемыкѣ — сыну...

И такимъ старымъ, грѣшнымъ чувствуетъ себя отецъ Максимъ, будто не третій годъ онъ видѣлъ, слышалъ, обижалъ и все-таки не понималъ этихъ людей, а много-много лѣтъ подрядъ и безпрерывно...

VIII.

Почти опустѣла церковь. Только у дверей толпилась кучка собравшихся слушать «правило» да Павелъ Николаевичъ на правомъ клиросѣ осторожно перелистывалъ большія книги. Да еще у конторки въ правомъ углу церкви звенѣлъ мѣдяками церковный староста.

Медленно, беззвучно прошла на лѣвый клиросъ матушка. Потупилъ взглядъ отецъ Максимъ и, закрывъ глаза рукою, молчалъ и ждалъ.

Въ церкви наступила такая тишина, что шаги трапезника Лубарева, гасившаго догоравшія свѣчи у иконостаса, гулко отдавались въ куполѣ.

— Для тебя я не священникъ... — мягко произнесъ наконецъ отецъ Максимъ и робко посмотрѣлъ въ лицо жены.

Матушка смотрѣла на него ясными голубыми глазами, изъ которыхъ излучалась на отца Максима знакомая ему любовь и чистота

— И я жъ иду къ тебѣ не какъ къ священнику... Какъ къ человѣку я пришла къ тебѣ! Я пришла, чтобъ передъ Богомъ разсказать тебѣ все... Только ты повѣрь мнѣ.... Повѣрь!.. — сказала она и въ глазахъ ея затеплилась горячая мольба о вѣрѣ. — Я каюсь тебѣ, что осерчала тогда... отъ злобы и на себя напраслину сказала... Повѣрь мнѣ, что въ помыслахъ я не держала согрѣшить!..

— Господи!.. — вдругъ встрепенулся и перекрестился отецъ Максимъ... — Лидинька! Неужели и здѣсь передъ Господомъ ты покривишь душой?..

— Нѣтъ же, нѣтъ!.. Богъ видитъ... Спроси у Лубарева, спроси у Павла Николаевича... — и матушка тихо и спокойно разсказала все, какъ было, и о томъ, зачѣмъ она пошла къ учителю.

Отецъ Максимъ смотрѣлъ въ ея глаза и видѣлъ, что не надо спрашивать ни у кого, что не лгутъ, не могутъ лгать эти чистые, такіе милые, любимые глаза. Что самъ онъ виноватъ во всемъ...

И зашепталъ:

— Не надо больше говорить... Прости меня... Прости. Господи! Благодарю тебя...

И отецъ Максимъ спустился съ табурета, всталъ на колѣни передъ матушкой и сталъ шептать передъ нею, какъ передъ образомъ:

— Прости меня... Я самъ ... я самъ передъ тобою виноватъ... Оттого и на тебя подумалъ, что самъ...

Но онъ не досказалъ и переполненные слезами глаза поднялъ на икону:

— Боже, очисти душу мою грѣшную ... — и въ ноги поклонился матушкѣ. А матушка вдругъ застыдилась и, улыбаясь, зашептала:

— Встань — учитель на насъ смотритъ...

И эта невольная обмолвка матушки, стыдливо прячущей что-то свое, интимное отъ чужого человѣка, крѣпче клятвъ и покаяній увѣрила отца Максима въ томъ, что матушка его чиста, какъ солнышко...

И это солнышко въ его душѣ, омраченной жуткой, продолжительной грозою, снова ярко засіяло, когда въ первый день Пасхи онъ вмѣстѣ съ Павломъ Николаевичемъ ходилъ съ крестомъ по селу. И никогда еще онъ такъ не разговоривалъ съ учителемъ, который теперь казался ему такимъ хорошимъ, что отецъ Максимъ дивился, какъ это онъ раньше этого не замѣчалъ. И прихожане всѣ казались ему ласковыми и хорошими, и онъ, къ немалому ихъ удивленію, не бралъ съ нихъ денегъ.

— Если есть яички — мягко говорилъ онъ — положите вотъ Лубареву въ кузовокъ... Онъ больше всѣхъ насъ трудится... — и трепалъ по плечу счастливаго трапезника, который лепеталъ въ отвѣтъ:

— Куда мнѣ всѣ-то?.. Я съ матушкой подѣлюсь... Соничкѣ въ гостинцы отнесу, которы побастѣе-то... Пусть малютка позабавится...

Удивлялся отецъ Максимъ: откуда у этого угрюмаго и неуклюжаго косого мужика столько ласки и заботы о другихъ?

А Лубаревъ всѣ дни затѣмъ мастерски вызванивалъ въ колокола разныя веселыя пѣсенки и съ высокой колокольни съ улыбкою смотрѣлъ въ поля, освобожденныя отъ снѣга и отогрѣвавшія въ своей груди ростки цвѣтовъ и злаковъ...

ЯРЫШКА.

Лихой былъ парень Опанасъ. Такой лихой, что нужно было только удивляться: какъ держался синій картузъ на его стриженомъ затылкѣ? Спереди у Опанаса вились кудри, а подъ вздернутымъ носомъ чернымъ шнурочкомъ упрямо торчали усики.

Рубаху онъ носилъ цвѣта пламени, поясъ лаковый, сапоги съ наборомъ, а штаны изъ зеленаго діагоналя — землемѣръ подарилъ ему въ память о совмѣстныхъ похожденіяхъ по ночамъ къ дивчатамъ. Только штаны съ тощаго землемѣра были узковаты Опанасу и тетка Одарка вшила ему позади въ широкомъ мѣстѣ два темно-коричневыхъ клинышка. Вышло крѣпко и по благородному: видѣлъ Опанасъ у городскихъ господъ, любителей верховой ѣзды, — точь въ точь такіе же штаны.

Пришелъ изъ Полтавщины Опанасъ подросткомъ. Увязался за дядей Митрохой и теткой Одаркою, оставилъ бабку помирать на родной сторонѣ, оставилъ сестру, вышедшую замужъ за сѣдовласаго дьячка, и «помандровалъ ажъ вонъ куда — въ Тургайскую область»...

Ой, и натерпѣлся всякой горечи въ дорогѣ. Дядя Митроха гналъ его съ утра до вечера назадъ, домой. Какъ увидитъ, что Опанасъ хлѣбъ жуетъ, такъ и гнать. Опанасъ отстанетъ на версту, а все-таки тянется за обозомъ. И тетка Одарка отстанетъ будто по своему дѣлу и украдкой сунетъ Опанасу шматокъ хлѣба про запасъ.

Когда пришли въ Сибирь и когда хлѣба стало вдосталь, — Митроха уже не гналъ племянника, а только заставлялъ его швыдчѣй работать. Послѣ, когда Опанасъ работалъ дядѣ за троихъ, — Митроха, бывало, не нахвалится и, пряча въ большихъ прокуренныхъ усахъ усмѣшку, подогрѣваетъ племянника:

— А ну, сынку, еще... А ну, родной, понатягни!

Совсѣмъ бы приголубилъ парня, можетъ и женилъ бы, какъ родного, да умеръ. Остались Опанасъ съ теткой Одаркой на чужой сторонѣ одни.

Опанасъ-то горевалъ не долго. Горевала тетка. Опанасу сразу стало дивно:

Шли въ «проклятую» Сибирь, а пріѣхали опять въ родныя степи: и солнца яркаго — море, и деревни такія же, съ бѣленькими глинобитными избушками, а вокругъ все плахты, капелюхи, чоботы, усы и трубки. И рѣчь родная, и пѣсни знакомыя, и дивчата ласковыя. Все, какъ дома, только все шире, раздольнѣе, сытѣе и, почему-то, новѣе. Избы новыя, колодцы съ журавлями новые, огороды — десятины, обведенныя канавами. А въ поле выѣдетъ Опанасъ — хочется Пѣганку обязательно пустить во весь духъ. Степь такъ и зоветъ во всѣ четыре стороны.

Однажды Опанасъ въ Петровки выѣхалъ на Пѣгашѣ коровъ искать подъ вечерокъ, — идутъ съ поля дивчата цѣлой пестрой вереницей, на головахъ цвѣты, въ подолахъ ягода клубника, ноги до колѣнъ видны; въ косахъ ленты, въ ушахъ сережки, на загорѣлыхъ шеяхъ янтари — впервые заглядѣлся Опанасъ, впервые ротъ разинулъ, слушая, какъ дивчата спиваютъ:

— Ой, пиду я до млына-а, до млына.

А у млыни калына-а, калына-а!..

И увидѣлъ Опанасъ Ярышку, дочку мужика Терентія. И раньше зналъ онъ Ярышку, а будто увидѣлъ впервые. Увидѣлъ и услышалъ ея голосъ, самый звонкій, самый пѣвучій. Покосила она черную бровь на Опанаса, усмѣхнулась лукаво и продолжала пѣсню:

— Такый, маты, мелны-къ!..

Такый, маты, добрый!..

И, уходя дальше, всѣ дивчата заплеснули сердце Опанаса пѣсней, какъ водой холодной съ колеса на мельницѣ:

— Такый, маты, хорошій

Меле гречку безъ грошей!..

— Отъ, дурни дивчата! — выругался Опанасъ и понесся въ степь, топча цвѣты и травы на никогда еще не паханной, душистой равнинѣ.

Несся Пѣгашъ во весь духъ, подбрасывалъ Опанаса на жирной спинѣ, крякала въ немъ селезенка, а парень все его настегивалъ и билъ босыми пятками въ бока и кричалъ по причинѣ непонятной, дикой радости:

— И-э-эхъ-ти — ну-у!..

Вотъ съ этихъ самыхъ поръ и сталъ онъ думать о яркой, пламенной рубахѣ. Сталъ работать день и

ночь, сталъ похаживать на вечеринки, на полянки къ хороводамъ. Сталъ подсматривать, подслушивать Ярышку.

А какъ завелъ лаковые сапоги, да какъ одѣлъ зеленые штаны съ коричневыми клиньями на заду, — пошелъ съ гармоніей прямо ко двору Ярышки. Тамъ по воскресеньямъ она всегда съ подругами у огорода сѣмячки шелушила, и затянулъ по-новому, по-чалдонски:

— Эй, моя милка-дъ на забори —
Съ выраженіемъ во взори-и!..

Кинулъ дѣвкѣ взглядъ свирѣпый и косой и будто не особенно любопытный, прошелъ мимо и продолжалъ лихую пѣсню:

— Эй, я у милки-дъ не въ долгу,
Да полюбить іе могу-у!..

Откуда и слова занозистыя бралъ? — Самъ себѣ дивился Опанасъ. Грудь выпячивалъ, картузъ висѣлъ у него на затылкѣ, какъ на гвоздѣ, а кудри на вискахъ вѣтерокъ пошевеливалъ, а смуглое лицо, не то отъ солнышка, не то отъ пламенной рубахи, горѣло яркой краскою румянца.

Пройдетъ разъ, пройдетъ два парень, а къ дѣвкамъ не подходитъ, ажъ досада взяла Ярышку. И вотъ, на вечеринкѣ, она сама выбрала его въ «сосѣди», а какъ выбрала, Опанасъ сразу же увелъ ее въ сторонку, обнялъ и началъ ей нашептывать:

— Ой, Ярышка, и люблю-жъ, ей-Богу!.. Такъ люблю, ажъ такъ люблю — сердце заньялось!..

А Ярышка ему ни слова, слушаетъ и рада слушать хоть до утра.

— А ну, ты мыни хучь одно слово!.. А ну, скажи-жъ... Ей-Богу — какъ увидѣлъ у перві разъ — ажъ розумомъ сгинулъ... Бѣгу у степь, бѣгу и хохочу!

И вымолвила ему тогда Ярышка первое слово, такое робкое и такое радостное для Опанаса:

— Ни, ты пиддурышъ мене!..

— Ей-Богу, не пиддурю... Ей-Богу, оженюсь!..

И не прошло три мѣсяца — онъ пиддурилъ таки Ярышку... Пиддурилъ и чуть, было, не бросилъ. Но такъ ужъ она плакала, такъ убивалась. Пожалѣлъ — зимою оженился...

А слѣдующимъ лѣтомъ Опанаса взяли на войну...

* *
*

Вышелъ изъ Опанаса новобранецъ бравый, а потомъ и солдатъ — ядреный, разбитной, веселый.

На перекличкахъ громче всѣхъ отзывается и вмѣсто «я», кричитъ, какъ въ барабанъ ударитъ: «е-о!..» И на пѣснѣ голосъ его всѣхъ звончѣе. Другіе поютъ иной разъ грустно, а у него все на плясовой мотивъ выходитъ. Даже это:

— Я съ родной землей простился,
Й-я простился навсегда!..

Во всей его фигурѣ, въ словахъ, во взглядѣ, въ выправкѣ какая-то сквозила неудержимая прыть... Какъ будто съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ увидалъ Ярышку и побѣжалъ на Пѣгашѣ по степи, разбѣжался и сдержать не можетъ бѣга.

Какъ будто съ разбѣгу и на войну попалъ и хотѣлъ какъ можно скорѣе съ ней управиться, отслужить, пе-

ребѣжать черезъ ея огонь и муки, и поскорѣе воротиться домой, въ привольныя Тургайскія степи, къ выбѣленной хаткѣ, въ которой живетъ его Ярышка съ маленькимъ малюткой Грицемъ. Охъ, да и причепилась къ его сердцу ласковая, черноокая Ярышка! И не думалъ никогда, что вѣнецъ такъ накрѣпко его привяжетъ къ молодой Ярышкѣ.

Писалъ ей Опанасъ каждое воскресенье, когда стоялъ ихъ полкъ въ резервѣ, писалъ, пересыпая поцѣлуями немногія слова свои. Цѣловалъ ее и въ бѣлое лицо, и въ губки алыя, и въ щечки румяныя. Скажетъ два-три слова о себѣ, о своей службѣ, о томъ, что ночами рѣдко спитъ, все думаетъ о ней, о своей горлиночкѣ сизокрылой, да опять цѣловать начнетъ заочно.

— «И прижимаю я тебе къ серцю и умѣсти съ сынкою Грыцюней моимъ маленькимъ и цѣлую я тебе нещетно разъ и еще прошу я тебе моя мылая жонка Ярыша Терентьевна отпеши ты мнѣ насчетъ хозяйству: отелилась ли Пестрянка наша и кого Богъ далъ?.. А Пѣгашка пересталъ хромать, али все-то шкадырляетъ?.. А Карюху отведи къ дядѣ Онисиму, пусть огуляется съ его Савраской. Бо гарный буде съ его приплодъ. И на тымъ приплоди, какъ вернусь, покатаю я тебе моя люба и съ сынкою моимъ Грыцюней. И еще разъ и нещетно я тебе цилую моя мылая жонка Ярыша Терентьева»...

И въ этомъ родѣ писалъ Опанасъ Ярышкѣ каждый праздникъ, все одно и то же, съ маленькими измѣненіями. А то еще нарисуетъ сверхъ письма свое сердце, истычетъ его мелкими точечками, выведетъ изъ

него, какъ изъ горшка, невѣдомый цвѣточекъ и подпишетъ снизу:

— «Ето наша изъ тобою жизть»...

Напишетъ письмо, отправитъ къ ротному писарю, а самъ возьметъ свою гармошку, съ которой никогда не разставался, и начнетъ наигрывать и напѣвать пѣсни, одну другой веселѣе и задорнѣе.

— Ай, скажетъ: Гапко, встань раненько,
Приберись-бо чупурненько —
Вона й слухаты не схоче,
Якъ сорока усе сокоче...

Поетъ смѣшную, а самому тоскливо. Поетъ про дурную жинку, а видитъ свою, хорошую, опрятную и ласковую Ярышку.

— Ай, на полудень стусакы
Насіжае підъ бокы!..

Поетъ о стусакахъ и дуляхъ, а чувствуетъ и вспоминаетъ ласки и поцѣлуи, ея крѣпкое, пахучее и розовое тѣло. И подъ веселую пѣсенку летитъ, летитъ черезъ поля и лѣса, черезъ горы и долы, далеко-далеко, къ Ярышкѣ...

И такъ онъ любитъ Сибирь и гордится своимъ полкомъ сибирскимъ, что когда услышитъ кацапское слово, долго дразнитъ и высмѣиваетъ. И горячо заступается за сибиряковъ:

— Хиба нашъ сибиряко скажетъ: «ваше балгородья, тибе ихно балгородья требуить!» Эхъ, москали-и!..

Выходило такъ, что Полтавщина и Сибирь для Опанаса — одна страна. Полтавщина — родной языкъ,

обычаи, свиное сало, а Сибирь — Ярышка... И весь бѣлый свѣтъ, солнце, небо, пѣсни, все хорошее — это Ярышка... И то, что Ярышка есть, живехонька, что она его жена и пишетъ ему, хоть и не сама, но тоже ласково и съ поцѣлуями, окрашивало жизнь Опанаса въ веселыя краски. Онъ чувствуетъ ея слова, доподлинныя, написанныя подъ ея диктовку:

— Какъ ѣду на пашню, либо за сѣномъ, либо хожу по огороду — и все мнѣ чуется што вотъ изъ за угла ты выѣдешь и ухватишь мене и зачнешь цилувать... И забьется мое сердце, какъ та птичка въ клѣтки... И зачну я тады плакать и усе хожу и дожидаю и плачу, не знаю отъ радости ли, отъ горя ли...

Всѣ свѣжія письма Опанасъ хоронилъ подъ подкладкою фуражки и читалъ и перечитывалъ ихъ, какъ только вырвется досужій часъ. Гдѣ нибудь въ укромномъ уголкѣ остановится, поставитъ винтовку, сниметъ фуражку, достанетъ письмо, прочтетъ, улыбнется и такъ ходитъ, улыбающійся, веселый, пока не получитъ новое письмо.

Такъ Ярышка, какъ живая, провожала Опанаса на ученьяхъ и въ походахъ, на работахъ и по безконечнымъ закоулкамъ страднаго солдатскаго житья. Понятно, ужъ чего грѣха таить, со дня на день Опанасъ надѣялся услышать о концѣ войны, о замиреніи и о возвращеніи домой. Но время все тянулось, все ползло, какъ туча по поднебесью, осенью: безъ начали и конца, сѣрое, туманное, спрятавшее солнце и зори.

Наконецъ, услышалъ Опанасъ о выступленіи на позиціи. Полкъ въ нѣсколько часовъ поднялся, загромыхалъ обозами и походнымъ снаряженіемъ и пошелъ.

Смотритъ Опанасъ на товарищей: притихли, призадумались. Не шутка, вѣдь — на смерть идутъ! А Опанаса никакое лихо не беретъ. И самъ онъ удивляется; нѣтъ у него страху, а надежда загорѣлась ярче. Теперь ужъ ясно — разъ онъ, Опанасъ, пошелъ сражаться — значитъ всѣ. А коли всѣ, значитъ все будетъ сразу покончено съ войной.

— Э, была, не была!.. Абы скорѣе!..

Опанасъ не разсуждалъ ни о чемъ; кромѣ привычныхъ заботъ о своихъ несложныхъ и безпокойныхъ обязанностяхъ и о Ярышкѣ — онъ не думалъ ни о чемъ. Но о Ярышкѣ больше всего. Теперь, пожалуй, думалъ только объ одной Ярышкѣ. Ни одной минуты не подумалъ, что умретъ, и ужъ никакъ не могъ представить, чтобы онъ, здоровый, сильный и веселый Опанасъ, остался безъ руки или безъ ноги... Но твердо зналъ, что драться будетъ «до издоха»... Онъ даже затаилъ въ себѣ одинъ секретъ, какъ безъ ошибки повалить противника, и какъ повалить не одного, не двухъ, а человѣкъ пятокъ и всѣхъ въ одну минуту... О, это онъ устроитъ, удивитъ товарищей!..

И тутъ-то-вотъ онъ снова видѣлъ Ярышку и себя уже дома и представлялъ, какъ она будетъ разсматривать его крестикъ на груди, а онъ ей съ хохотомъ будетъ разсказывать, какъ онъ «ихъ» пятерыхъ одинъ!.. Ха-ха!..

И весело шагалъ Опанасъ, равняясь и подтягивая ослабѣвшіе подсумки.

Только вышло все не такъ, какъ думалъ Опанасъ. И позиціи не такія, и сраженіе, и самая война — совсѣмъ не то, что на картинкахъ врутъ. Не видалъ онъ

за пять мѣсяцевъ ни войны, ни сраженій, хоть и отдежурилъ десять разъ въ окопахъ. Не война это, а скука. И тянется, дьяволъ, такъ, что весь азартъ проходитъ. Что въ окопахъ, что въ резервѣ — одинаково скучно стало Опанасу.

Высчиталъ онъ по пальцамъ: двадцать мѣсяцевъ Ярышки не видалъ. Тутъ заскучаешь!..

Должно быть, заскучалъ и ротный, подпоручикъ Ковалевъ, совсѣмъ безусый, одногодокъ Опанасу. Нѣтъ-нѣтъ и пришлетъ денщика — гармошку на время взять у Опанаса. Пріятно было Опанасу, что ротный у него одолжается. И когда въ землянкахъ стало сыро, а Опанасу приходилось уходить въ окопы — онъ смѣло несъ гармошку къ ротному. Тамъ суше и сохраннѣе.

А тутъ какъ-то вскорѣ послѣ Рождества, когда землянки позасыпало снѣгомъ и когда настала еще болѣе томительная скука на позиціяхъ, ротный позвалъ Опанаса съ гармошкою и весело, совсѣмъ по-дружески сказалъ ему:

— А ну-ка, поиграй намъ что-нибудь веселое!.. — Да ты садись, садись!.. Сидя-то удобнѣе...

Опанасъ неловко подчинился приказанью, сѣлъ и, придерживая на колѣняхъ гармонику, растерянно улыбающимися глазами глядѣлъ на офицеровъ, тѣсно сидѣвшихъ вокругъ маленькаго самодѣльнаго стола, въ низкой, скудно-освѣщенной землянкѣ. Всѣ они курили, сидѣли въ сизой тучѣ дыма и молча щурились на Опанаса.

И Опанасъ, недолго думая, сдвинулъ на затылокъ вязанку-папаху, нажалъ на всѣ лады и грянулъ высокимъ, лихимъ фальцетомъ:

— Эхъ, ножниці зача-ка-лы,
Да мать з отцемъ запла-ка-лы,
Эй, плачутъ жинка, мать, отецъ —
Да насъ погналы, якъ ове-ецъ!..

Всѣ офицеры вдругъ захохотали, зашумѣли, весело переглянулись.

— Здорово!..

— Зачакали!.. Ха-ха!..

— А ну-ка, жарь дальше...

Подпоручикъ былъ доволенъ, что Опанасъ сразу взялъ необходимый тонъ и по настоящему развеселилъ баталіоннаго, который хохоталъ всѣхъ громче и щурилъ на солдата загорѣлое, давно небритое лицо съ узенькими глазами и огромными усищами.

— Ты холостъ? — спросилъ у музыканта баталіонный.

— Никакъ нѣтъ!.. — вскочивъ съ чурки, громко отозвался Опанасъ.

— Значитъ, женатъ?

— Такъ точно! — еще громче крикнулъ онъ.

Опанасъ смотрѣлъ на офицеровъ и смѣялся весело и громко.

Потомъ онъ снова грянулъ на гармоникѣ и началъ подпѣвать родную, полтавскую:

Ой, Ярыно, подбодрысь,
— Туды сюды повернысь!..

И вдругъ лицо капитана расплылось въ блаженную улыбку, а глаза совсѣмъ исчезли въ щелкахъ, онъ задергалъ плечомъ, поглядѣлъ на товарищей и загоготалъ густымъ басомъ:

— Гокъ!.. — Гокъ!.. — Гокъ!.. — гокъ!..

А Опанасу это придало больше лихости. Онъ взвизгнулъ и залился сильнѣе:

— У Ярыны полоса — жито не пожато,

А Ярына з козакомъ весела богато...

— Ой, не могу!.. — закричалъ баталіонный и по-украински прибавилъ: — Ей бо — танцюваты хочу!..

Всѣ зашевелились, отодвинули столикъ и походную кровать, расчистили вѣтки на земляномъ полу, смѣялись громко и шумѣли. А Опанасъ все веселѣе подзадоривалъ:

— Ой, мамо, мамо, отпусти — міні ни до жита,

Безъ козака, безъ лыхого я не схочу житы!..

Вотъ тутъ-то, въ самый разгаръ веселья, когда уставшіе плясять и хохотать офицеры оправлялись, вытирали потъ и слезы давно просившагося изъ нихъ веселья, — капитанъ подошелъ къ Опанасу и спросилъ:

— Жинку-то свою давно не видѣлъ?

— Двадцать місяцовъ, ваше сокородіе!..

— А хочешь повидаться?..

И Опанасъ вдругъ поперхнулся радостью, не вѣря ей, но сразу, какъ отъ яркаго луча, сощурилъ черные глаза передъ ласковымъ и многообѣщающимъ взглядомъ баталіоннаго.

— Назначьте его въ слѣдующую очередь! — сказалъ капитанъ ротному. — Пусть онъ къ жинкѣ своей съѣздитъ...

Остальное все у Опанаса колесомъ пошло, и самъ онъ колесомъ покатился — и думы его, и дѣла, и даже дни...

И вотъ онъ съ отпускнымъ билетомъ, съ котомкой и папахой на затылкѣ, пѣшкомъ, темной ночью, не дожидаясь утра, скорымъ маршемъ идетъ съ позицій, въ толпѣ товарищей, на станцію.

До разсвѣта по морозной ночи прошагали верстъ двадцать пять, смотрятъ: нагоняетъ ихъ машина грузовая, грязно-сѣрая, гремучая, съ обвернутыми желѣзными цѣпями широкими колесами...

Одинъ по одному цѣпляются за задъ, подсаживаютъ другъ друга и на ходу вскакиваютъ. Шоффѣръ — свой братъ, солдатъ, кричитъ, ругается, но не высаживаетъ, ѣдетъ дальше, заставляя машину то и дѣло хрипло орать на обозы и окатывать ихъ грязной, полумерзлой пылью.

Опанасъ смотритъ на пѣгіе склоны холмовъ, на бѣлую дорогу, на почернѣвшіе на снѣжной бѣлизнѣ лѣса, на дальнія полуразрушенныя стѣны какого-то мѣстечка, на небо, голубое и высокое, похожее на то, что распростерлось тамъ, далеко, надъ Тургайской областью, и никакъ еще не вѣритъ, что поѣхалъ домой, въ тихую, съ бѣлыми хатами, деревню, къ Пѣгашкѣ, къ маленькому Грицю.. Къ Ярышкѣ..

Долго ѣхалъ Опанасъ домой. Ой, какъ долго! Лишь на двѣнадцатыя сутки пѣшкомъ, поздно ночью прибрелъ въ свою деревню. И не пошелъ домой, а зашелъ и постучался къ теткѣ Одаркѣ, хоть своя хата и была напротивъ черезъ улицу.

Тетка сразу не открыла дверь и долго думала и вспоминала, кто такой зоветъ ее теткой Одаркой.

— Да то-жъ я, Опанасъ! — негромко, воровски отозвался Опанасъ.

— Опона-асъ! — громко закричала Одарка, и въ ту же минуту слѣдомъ за нею изъ избы, какъ эхо донеслось, какъ музыка, какъ пѣсня:

— Опона-асъ!..

Опанасъ стоялъ на холодѣ передъ закрытой дверью, ждалъ, пока бабы одѣваются, и слышалъ, что тамъ, въ избѣ, еще кто-то пищитъ, но недовольно и испуганно.

— И Грицко тутъ!.. — сказалъ Опанасъ и широко улыбался въ темнотѣ.

— Опона-асъ!.. — вдругъ услыхалъ онъ за дверью знакомый, слегка задохнувшійся отъ торопливости голосъ и тутъ же почуялъ на шеѣ горячія, голыя руки Ярышки и ея шопотъ, совсѣмъ безсильный и упавшій — Опонасъ, мой, любый мой!..

— Отъ дурна!.. Чего же плакать!?.. — говорилъ ей Опанасъ, а самъ тоже заплакалъ и гладилъ по спинѣ Ярышку, теплую, пахучую и гладкую какъ шелкъ.

Тетка Одарка вздула огонь и утѣшала Гриця:

— Чего-жъ ты злякавсь — то-жъ тату!.. Твій тату!..

Опанасъ щурилъ черные, блестящіе глаза на сына и не глядѣлъ на Ярышку — почему то застыдился сразу ея теплой, сладкой близости и потомъ спрашивалъ у ней:

— А чего-жъ ты не у своей хати?.. — И изъ сбивчивыхъ, короткихъ словъ поймалъ самое главное, самое нужное, самое то, о чемъ и тамъ далеко, робко и тайно думалъ много разъ:

— Шобъ не було брехни какой: або я у тетки, або тетка у мене начуить...

И совсѣмъ, какъ пьяный, протянулъ Опанасъ, глядя влажными глазами на Гриця и прижимая къ себѣ Ярышку:

— О-о, сы-ынку мой!.. Сы-ынку!.. Чогожъ ты, дурный, плачешь?.. Мамку я твою взявъ!.. Не загублю!.. Не замаю!..

И позабылъ, что отпуску для дома осталось только дня четыре, что тамъ опять разлука, дальняя, тяжелая дорога, грязные, холодные, безсонные походы, а за ними глинистые сѣрые окопы, а можетъ быть, и смерть, или еще хуже: плѣнъ далёкій у невѣдомаго ворога.

Онъ мялъ прильнувшую къ нему въ тихой покорности Ярышку, упивался теплотой и запахомъ ея тѣла и, разсказывая что то вовсе не смѣшное, хохоталъ, хмѣльной отъ счастья.

РОДНИКЪ ВЪ ПУСТЫНѢ.

I.

Ужъ нѣсколько дней съ утра до вечера до головной боли, до тошноты качалась на верблюдѣ Ксенія, украдкой отъ самой себя лизала потрескавшіяся губы, маленькими глотками пила изъ фляжки теплую воду, подкрашенную клюквеннымъ экстрактомъ — и все таки не вѣрила, что она находится гдѣ-то на широтахъ Туркестана и Кашгаріи и что позади на верблюдѣ, среди вьюковъ и желтыхъ чемодановъ сидитъ, качается, смотритъ на нее и, улыбаясь, щурится отъ солнца ея мужъ.

Все было естественно и вѣроятно, пока была въ Москвѣ или пока неслись по безконечнымъ путямъ Сибири въ экспрессѣ международнаго общества, въ прекрасномъ купэ, съ рестораномъ и салонъ-вагономъ по сосѣдству.

Весна, первыя робкія сближенія съ мужемъ и просторъ Сибирскихъ степей дѣлали поѣздку радостной, волнующей и интересной: именно не въ Европу, а въ Азію понеслись они въ свадебное путешествіе, и въ этомъ была часть того особеннаго и яркаго, что вообще побудило Ксенію на ея оригинальный бракъ.

Это былъ рѣдкій случай выйти за англичанина, хотя и очень обрусѣвшаго, но все же настоящаго британца, слегка презиравшаго все не англійское и живущаго въ Россіи съ несомнѣнною изслѣдовательской цѣлью. Этотъ случай, какъ озорницу, подзадорилъ Ксенію и она вышла замужъ неожиданно для своихъ родителей. Она сама научила Роберта, какъ нужно совершать церковныя формальности, и онъ съ веселымъ любопытствомъ воспользовался всѣми льготами православія, какія можно купить за деньги въ любой изъ подмосковныхъ церковокъ.

Ксенія подозрѣвала, ,что Роберту нужна была не столько жена, сколько молодая москвитянка, спутница по Азіи и переводчица, знавшая восточные языки, и въ свою очередь прятала лукавое желаніе подчинить себѣ самоувѣреннаго иностранца и превратить его въ ручного интереснаго проводника на край свѣта.

Вообще на бракъ свой Ксенія смотрѣла, какъ на ключъ къ необычайно яркой, никому невѣдомой и интересной жизни.

Избалованная дочь уральскаго горнозаводчика, Ксенія съ дѣтства жила въ Москвѣ, до двадцати лѣтъ увлекалась иностранной литературой, спортомъ, рысаками и театрами, а съ двадцати лѣтъ неожиданно для себя стала переводчицей. Весь свой досугъ и темпераментъ отдала восточнымъ языкамъ и переводамъ и заражала своихъ читателей необычайнымъ любопытствомъ какъ разъ къ тѣмъ странамъ, которыя были менѣе всего извѣстны. И этимъ заинтриговала Роберта.

До знакомства съ нею онъ не повѣрилъ бы, что въ Россіи есть дѣвицы, знающія всѣ европейскіе и часть

восточныхъ языковъ, и относился къ Ксеніи съ тѣмъ вниманіемъ, какое могутъ проявить лишь англичане, разъ составившіе свое мнѣніе, но слегка сбитые съ толку.

Ксенія съ одинаковою легкостью болтала съ Робертомъ на разныхъ языкахъ и при этомъ всегда съ любопытствомъ всматривалась въ его зеленоватые глаза и тайно спрашивала себя:

— «Способенъ ли онъ полюбить?»

Робертъ былъ скучно-корректенъ, педантиченъ, слегка шутилъ, никогда не раздражался, и это огорчало Ксенію. Вначалѣ ей совсѣмъ не нравилась его красная, длинная, жилистая шея, отчего гладко-стриженная голова казалась маленькой. Не нравилась постоянная манера держать во рту сигару, смотрѣть мимо Ксеніи и ходить широкими шагами, съ раскачкой снизу вверхъ.

Больше же всего, уже послѣ свадьбы, Ксенію задѣло плохо скрытое въ Робертѣ высокомѣрное отношеніе ко всѣмъ не англичанамъ.

Однажды, — это было въ день посадки на сибирскій поѣздъ, — онъ смотрѣлъ въ окна вагона на безтолково-мечущихся пассажировъ съ огромными узлами, почти съ перинами, вспотѣвшихъ, красныхъ и растерянныхъ и ядовито усмѣхался.

Ксенія не выдержала и сказала:

— Мнѣ непріятно, когда я вижу этотъ твой издѣвающійся взглядъ. Ты постоянно насмѣхаешься надъ русскими и надъ Москвою.

— О, что ты! Россія и Москва — это настоящій кладъ для путешественника!

Ксенія скрыла раздраженіе, отвернулась и закусила губку:

— «А говорятъ еще, что англичане джентельмены...» — иронически подумала она.

Поэтому то и въ пути, несмотря на то, что Робертъ относился къ ней съ супружеской нѣжностью, она не могла привыкнуть къ нему и все какъ будто сторонилась его. Между тѣмъ Москва отодвигалась все дальше; мимо проносились пустынныя и дикія мѣста, мелькали незнакомыя чужія лица впереди вставала неизвѣстность и одинокія скитанія съ Робертомъ.

И вотъ, даже теперь, на шестой день караваннаго пути, изнемогая отъ зноя и оглядываясь назадъ, Ксенія неизмѣнно думала, что Робертъ только путешественникъ и англичанинъ и зеленые глаза его улыбаются не супругѣ, а безпомощной сѣверной женщинѣ, такой хрупкой и слабой подъ лучами безпощаднаго южнаго солнца, и такой забавной на верблюдѣ.

Она съ ненавистью смотрѣла на желтые чемоданы на горбу верблюда, на которомъ ѣхалъ Робертъ, потому что эти чемоданы, ихъ прихотливыя удобства и предусмотрительность больше всего напоминали ей о томъ, что Робертъ только путешественникъ и иностранецъ.

Голова Ксеніи, какъ надломленная лилія, то и дѣло падала на грудь, при этомъ обнажалась нетронутая солнцемъ часть шеи съ легкими золотистыми завитушками волосъ и бѣло-голубою нѣжной кожей.

Это напоминало Роберту о всемъ ея стройномъ, хрупкомъ и чистомъ тѣлѣ, и онъ, покачиваясь на вер-

блюдѣ, самодовольно улыбался и лѣниво попыхивалъ сигарою.

II

Впереди ѣхалъ дунганинъ изъ Кульджи, человѣкъ безъ имени, безъ языка и безъ отечества. Рожденный гдѣ то на узлу границъ шести восточныхъ странъ: — Россіи, Бухары, Афганистана, Индіи, Кашгаріи и Монголіи, онъ не принадлежалъ ни къ одной изъ нихъ, жилъ же во всѣхъ, совсѣмъ не интересовался границами, занимался вьючной перевозкою товаровъ на пространствѣ отъ Джаркента и до Лхассы, давнымъ давно сбрилъ мѣшавшую ему косу, носилъ сартовскую тибетейку и совсѣмъ утратилъ какія бы то ни было понятія о Богѣ и религіи.

Онъ кое какъ зналъ языки: китайскій, монгольскій, свой дунганскій — смѣсь киргизскаго съ кашгарскимъ, — всего три слова русскихъ: «нѣтъ», «хозяинъ» и «маленько». Изъ нихъ чище всѣхъ произносилъ «маленько», хуже, но вполнѣ понятно «нѣтъ» и совсѣмъ по своему — «хозяинъ», которое выходило у него: «кажайнъ». Однако, всѣхъ этихъ трехъ словъ ему хватало для сношеній съ русскими купцами гдѣ нибудь въ Копалѣ или Сергіополѣ близъ Семипалатинска.

Когда нужно было попросить прибавки, онъ вплеталъ въ свою рѣчь слова:

— Эй! Маленько! Маленько...

Когда нужно было войти въ дружескія отношенія, онъ повторялъ, какъ повторяютъ кличку злой собаки, которую хотятъ расположить къ себѣ:

— Эй, кожайнъ, кожайнъ!.. — и дѣлалъ мягкій жестъ рукой, какъ бы хотѣлъ «хозяина» погладить.

Когда же сердился, или не могъ согласиться съ расчетомъ, или оскорблялся, повторялъ глухо и обязательно отвернувшись:

— Нѣтъ! Нѣтъ!

Такъ и теперь, на смѣшанную рѣчь путешественниковъ, которые говорили ему по турецки, по китайски и по русски, чтобы онъ держалъ путь на сѣверъ, на Черченъ-дарью, онъ отвѣчалъ сердито и не поворачивая головы:

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Нѣтъ! — и держалъ путь прямо на югъ, на Джаркенъ-дарью.

Это совсѣмъ путало планъ Роберта. Онъ съ самаго начала не хотѣлъ ѣхать по избитымъ путямъ, описаннымъ другими путешественниками. Тянь-шань по описаніямъ Семенова и Потанина онъ такъ хорошо зналъ, что совершенно имъ не интересовался, и потому то изъ Семипалатинска не поѣхалъ на Вѣрный или на Балхашъ, которые зналъ по Пржевальскому, но поднялся по Иртышу до Зайсана, и отсюда съ упрямствомъ англичанина направился по совершенно невѣдомымъ путямъ черезъ Алатау на Кульджу и черезъ Небесныя Горы на Токламаканскую пустыню. Отсюда онъ намѣревался открыть прямой путь на хребетъ Алтынъ-тагъ, потомъ перерѣзать весь Тибетъ и выйти въ Индію въ уже знакомыя ему англійскія колоніи.

Все шло хорошо вплоть до Кучи, откуда нанятъ былъ этотъ дунганинъ. Отъ Кучи дунганинъ шелъ какъ надо до начала Токламаканскихъ степей. Но здѣсь онъ сразу отвернулся и пошелъ въ противоположную сторону.

Робертъ раза два соскакивалъ съ верблюда, догонялъ дунганина, бралъ за поводъ его верблюда, поворачивалъ на востокъ, грозилъ проводнику кулаками и ружьемъ, и дунганинъ нѣкоторое время шелъ, какъ ему было приказано. Но потомъ снова круто поворачивалъ на югъ, стегалъ верблюда бичемъ и глухо, злобно повторялъ:

— Нѣтъ. Нѣтъ...

Ксенія, наблюдая за этими сценками, тайно злорадствовала надъ Робертомъ:

— «Не все такъ дѣлается, какъ ты хочешь!»

Робертъ, какъ бы почуявъ это, пересталъ смотрѣть на Ксенію, замолчалъ и пошелъ пѣшкомъ. Это былъ явный признакъ его сквернаго расположенія духа. Пѣшкомъ онъ шелъ быстрѣе каравана, и то и дѣло уходилъ впередъ.

Дорога шла въ виду Тяньшанскихъ высотъ, которыя въ знойномъ, мутномъ воздухѣ едва маячили на юго-западѣ. Каменистая, выжженная солнцемъ и холмистая степь, была совершенно безводной и безлѣсной. Съ земли, уступая Роберту дорогу, вспрыгивали тысячи кузнечиковъ, какъ брызги отъ его сапогъ съ тяжелыми подошвами. Стрекотаніе кузнечиковъ напоминало и подчеркивало знойность и безжизненность степи. Потому, что Робертъ уходилъ впередъ, поджидалъ караванъ и снова шелъ по дорогѣ, ведшей на югъ къ вершинѣ Джаркенъ-дарьи, Ксенія видѣла, что Робертъ подчинялся дикарю. Но въ то же время, видя слегка сутулую спину мужа, съѣхавшую на затылокъ кэпи и эти упрямыя, крѣпко становящіяся на землю и полусогну-

тыя въ колѣняхъ ноги, она была убѣждена, что англичанинъ никогда не проститъ дунганину его непокорства.

Совсѣмъ прямо надъ головой стояло солнце и Ксенія напрасно искала тѣней отъ верблюда и отъ себя. Она обычно на тѣни ловила свой силуэтъ и какъ въ зеркалѣ провѣряла: хорошо ли лежитъ на головѣ газовый шарфъ, обернутый чалмой вокругъ прически. Эта женская манера искать себя во всемъ, что можетъ отражать: въ зеркалѣ, въ водѣ, въ уличной витринѣ и даже на тѣни — вызывала всегда шутки Роберта, и Ксенія старалась прихорашиваться украдкой отъ него. Теперь она еще чаще сторонилась его или потому, что была запылена и неумыта, или чувствовала, что отъ нея пахнетъ потомъ. Да и многія раньше непредвидѣнныя подробности: — ссадины на ногахъ отъ ремней сѣдла, смокшее и пропыленное, а потому ѣдкое бѣлье или воспаленное отъ постояннаго сидѣнія на сѣдлѣ тѣло — причиняли Ксеніи, кромѣ физическаго, глубокое душевное страданіе. При одной мысли о томъ, что Робертъ какъ нибудь узнаетъ или догадается объ этомъ, она вспыхивала и, завидуя, что онъ идетъ пѣшкомъ, презирала свое слишкомъ женственное тѣло, совсѣмъ не предназначенное для тяжелыхъ путешествій. Она бранила разныхъ романистовъ и писателей, которые во имя лицемѣрной эстетики такъ часто лгутъ и уже во всякомъ случаѣ умалчиваютъ обо всѣхъ тѣхъ мелочахъ, которыя могутъ служить причиной столькихъ неудобствъ, несчастій, даже отчаянія для женщины.

Ксенія знала, что загаръ ея лица совсѣмъ ее обезобразилъ, съ носа падаетъ шелуха, щеки стали красными. Это совсѣмъ не то, когда какая-либо куртизанка послѣ

трехмѣсячнаго безстыдства на лиманахъ и на морскихъ пляжахъ пріобрѣтаетъ сплошную бронзовую окраску срокомъ на полтора мѣсяца...

Всѣ эти мысли рядомъ съ жаждой и усталостью снова и снова почему то раздражали Ксенію и настраивали ее противъ Роберта: и за то, что онъ молчитъ, и за то, что онъ не русскій, и за то, что потащилъ ее въ эти проклятыя пустыни безъ воды и безъ дорогъ, и за то, наконецъ, что она все еще не можетъ почувствовать къ нему настоящаго довѣрія, любви и нѣжности, а главное за то, что здѣсь она уже не въ состояніи стать свободной и безпечной, какъ еще совсѣмъ недавно.

III.

Наступилъ девятый день пути отъ Зайсана. Солнце только что поднялось и сразу раскалилось. Ксенію съ утра одолѣвала сонливая тяжесть давно немытаго человѣка. И вотъ наконецъ-то вдали, въ широкой котловинѣ ей показалось озеро, съ темными овальными островами, а на островахъ — группы бѣлыхъ юртъ съ голубыми дымками, какъ съ высокими султанами.

— Сколько же здѣсь будетъ километровъ? — спросила она у Роберта и сейчасъ же восторженно прибавила: — Хоть бы скорѣй дойти. Вотъ гдѣ я вымоюсь-то, выкупаюсь!

Робертъ криво улыбнулся и прошамкалъ сквозь сигару:

— Посмотри хорошо... Долго посмотри!

Ксенія всмотрѣлась и замѣтила, что острова снимаются съ воды и исчезаютъ, а на концѣ озера внезапно

выростаютъ и дрожатъ рощи, густыя и тѣнистыя, совсѣмъ, какъ гдѣ нибудь въ Тверской губерніи.

— Миражъ?! — разочарованно и изумленно произнесла она и часто заморгала воспаленными глазами.

Робертъ пожавъ плечами, буркнулъ:

— Что же я сдѣлаю?

Ксенія закрыла глаза и передъ ней нарисовался только что пройденный путь черезъ Алатау и Небесныя Горы, гдѣ было такъ хорошо, разнообразно и лишь немножко жутко: тамъ были такія узкія тропинки, такъ высоки обрывы, такъ бурны и каменисты рѣчки. У Ксеніи сжималось сердце, когда лапы верблюдовъ застрѣвали въ каменьяхъ во время брода черезъ эти рѣчки. Оставляя кровавые брызги на водѣ или на розсыпяхъ береговъ, они подавленно кричали и начинали быстрѣе шагать, ныряя по воздуху маленькими птичьими головками и озираясь на невидимыхъ враговъ. А впереди опять такія же рѣчки и броды. И удивительно: тамъ даже не хотѣлось пить. Хотѣлось ѣхать все впередъ, хотѣлось поскорѣе выбраться на свѣтлыя, просторныя равнины.

И вотъ онѣ — равнины: уходятъ вдаль на всѣ четыре стороны и будто таютъ, растворяются въ желтомъ туманѣ: есть онѣ, и нѣтъ ихъ. —

Верблюды, третій день не видя воды, все быстрѣе и легче шли по раскаленному мелкому щебню, будто спѣша къ какому-то, имъ однимъ извѣстному, источнику и оттого, что они качали — смутно дремалось и чуть колыхался неподвижный воздухъ, какъ подъ опахаломъ.

Робертъ все чаще спрыгивалъ прямо на ходу съ верблюда и шелъ пѣшкомъ, а Ксенія охотнѣе дремала, ей

пріятно было, что Робертъ идетъ впереди и не видитъ ея вялой, полусонной фигуры и размореннаго дремотою и зноемъ лица.

Медленно ползло по небу солнце, и медленнѣй всего посерединѣ неба, а надъ самой головою, когда терялись тѣни, оно совсѣмъ останавливалось, какъ бы издѣваясь надъ изнеможенной въ зноѣ степью и рѣдкими на ней живыми существами.

Совсѣмъ по новому текли, сплетались и раскрашивались мысли Ксеніи, похожія то на грезы, то на чью-то рѣчь, напоминавшую журчаніе ручья, то на раскрашенныя въ неземныя яркія краски пейзажи. Или рисовалось далекое невѣдомое прошлое всего человѣчества, которое когда то было маленькимъ, разсѣяннымъ въ пустыняхъ и бродившимъ кочевою жизнью съ караванами, стадами и высокими съ крючками на верху посохами.

То вспоминались безконечные герои дѣтскихъ книгъ, и до сихъ поръ казавшіеся Ксеніи живыми, настоящими, гдѣ-то безсмертно существующими, и тутъ же слѣдомъ выплывали сценки собственнаго дѣтства.

Ксенія невольно улыбалась и не хотѣла открывать глазъ, чтобы не потерять чудесныхъ образовъ.

— О-о! — услыхала она закругленный и упругобасовитый голосъ Роберта, и открыла глаза.

Онъ стоялъ на полусогнутыхъ ногахъ, какъ бы готовясь къ прыжку, съ лѣвой рукой въ карманѣ брюкъ, а правою показывалъ въ степь, и окурокъ сигары быстро перебрасывался изъ угла въ уголъ его губъ.

Ксенія лѣниво посмотрѣла въ степь по направленію его руки и увидѣла, что тамъ неторопливымъ махомъ одинъ за другимъ бѣгутъ два волка. И удивилась, что

волки не большіе и не сѣрые, а желто-красные, съ высунутыми, отяжелѣвшими и черными отъ пыли языками.

Волки бѣжали совсѣмъ близко и не прочь отъ каравана, а съ нимъ рядомъ, не удаляясь и не приближаясь.

— Есть! — сказалъ Робертъ и помаячилъ проводнику, чтобы тотъ остановился.

Но дунганинъ, отвернувшись, глухо и упрямо промычалъ:

— Нѣтъ! — и продолжалъ ѣхать по степи, ускоряя шагъ верблюдовъ.

Вдругъ Ксенія слегка вскрикнула. Такъ неожиданно было то, что произошло въ одно мгновеніе.

Робертъ, какъ акробатъ, вскочилъ на верблюда, сѣлъ за спину проводника, и ударилъ его кулакомъ сначала по плечу, потомъ по спинѣ. А потомъ схватилъ въ ладони полубритую голову и началъ быстро-быстро натирать обожженныя солнцемъ уши. Верблюдъ изумленно остановился, поглядѣлъ на сѣдоковъ, потомъ свернулъ въ сторону и, наклонивши голову, сталъ шарить губами по выжженной травкѣ.

Ксенія видѣла, какъ на грудь Роберта сыпался горячій пепелъ отъ сигары, какъ багровое лицо его сморщилось, а кэпи свалилась на затылокъ, но онъ все такъ же дѣловито продолжалъ свою работу, пока дунганинъ не запѣлъ ребячьимъ тонкимъ голосомъ:

— Эй! Кажайнъ! Кажайнъ!..

Англичанинъ отнялъ руки отъ ушей проводника, выкинулъ ихъ въ стороны и вверхъ, какъ на гимнастикѣ, потомъ перевелъ духъ, вынулъ изъ кармана свѣжую сигару, закурилъ и снова началъ дѣлать то же, какъ бы

не слыша, какъ кричитъ и мечется измученный и окровавленный дунганинъ.

Ксенія очнулась не сразу и вспомнила, что надо что то сдѣлать. Она однимъ движеніемъ почему-то сбросила съ головы свою чалму и крикнула, какъ оскорбленная, ударяя по нему не столько самими англійскими словами, сколько тономъ:

— Стыдно, Робертъ!.. Стыдно такъ.

Робертъ оглянулся и, бросивъ истязаніе проводника, спрыгнулъ съ верблюда, взялъ его поводъ и подалъ Ксеніи.

— Хорошо держи, — сказалъ онъ тономъ приказанія и это почему-то не обидѣло Ксенію.

Она взяла поводъ, а Робертъ вскочилъ на своего верблюда, выхватилъ изъ чехла и прищурилъ глаза на то мѣсто, гдѣ были волки. Но волковъ тамъ уже не было. Ксенія взглянула налѣво, увидѣла, что волки пошли вокругъ каравана и крикнула Роберту:

— Вонъ они! Назадъ бѣгутъ!

— О! Это же совсѣмъ глупая страна! — азартно крикнулъ Робертъ и пошелъ вокругъ каравана, загибая малое кольцо.

Стараясь обойти другъ друга они кружились, танцовали по степи, пока Робертъ сталъ на колѣно и мучительно долго, какъ показалось Ксеніи, цѣлился. Она нѣсколько разъ зажмуривала глаза, ожидая выстрѣла, и, наконецъ, выстрѣлъ раздался въ тотъ моментъ, когда она, какъ ребенокъ передъ воображеннымъ чудовищемъ, одновременно сгорая страхомъ и любопытствомъ, открыла ихъ и не успѣла зажмурить.

По степи къ волкамъ запрыгали пыльные клубки.

Выплюнувши недокуренную сигару, Робертъ что-то проворчалъ и слѣдомъ за первою пустилъ другую пулю, и странно, что Ксенія не слышала второго выстрѣла... Потомъ запѣла третья. Волки пошли прочь отъ каравана, но англичанинъ съ прежней методичностью посылалъ имъ вслѣдъ пулю за пулей до послѣдней и лишь послѣдней опрокинулъ задняго. Волкъ перекувыркнулся черезъ голову, метнулся въ сторону и ошалѣло и устало побѣжалъ назадъ въ то время, какъ охотникъ вкладывалъ въ ружье новую обойму.

Но стрѣлять уже не нужно было. Волкъ пошелъ все медленнѣе, все сильнѣй шатаясь, но продолжая держать путь къ охотнику, какъ будто онъ хотѣлъ выяснить происшедшее недоразумѣніе или протянуть передъ смертью руку примиренія, и сказать «сдаюсь», или, напротивъ, вонзить костенѣющіе клыки въ ненавистное тѣло убійцы.

Робертъ тоже шелъ ему навстрѣчу, съ ружьемъ на изготовкѣ. Ксенія смотрѣла, какъ сходились звѣрь и человѣкъ, и впервые почувствовала страшную, неотвратимую власть Роберта и надъ волкомъ, и надъ проводникомъ, и надъ собою, и, вспомнивъ про довѣренный ей поводъ, крѣпче сжала его слабою рукою.

Проводникъ сидѣлъ на землѣ на корточкахъ, размазывалъ рукою по щекамъ сочившуюся изъ ушей кровь и потихоньку всхлипывалъ, какъ дитя.

Робертъ приволокъ за хвостъ прямо по землѣ волчью тушу, оставивъ за собою длинную полоску пыли на степи, и бросилъ волка передъ Ксеніей:

— Вотъ, въ холодныя ночи твоимъ ногамъ будетъ тепло, — сказалъ онъ и улыбнулся, какъ показалось Ксеніи, безъ всякаго самодовольства.

Она смотрѣла на его вспотѣвшее и запыленное лицо и тоже улыбалась, сама не зная чему. Потомъ передала ему поводъ верблюда и быстро стала обматывать голову шарфомъ, спѣша спрятать отъ него неприбранные волосы.

IV.

Остатокъ дня прошли лѣниво, безъ дороги, по холмамъ и на востокъ. Робертъ ѣхалъ впереди и то и дѣло помахивалъ отобраннымъ у проводника кнутомъ и поглядывалъ на компасъ. Однако онъ не былъ увѣренъ — хорошо ли, что онъ довѣряетъ компасу и картѣ и самъ ведетъ караванъ.

Дунганинъ ѣхалъ позади. Онъ часто начиналъ пинать въ бока своего верблюда и безпокойно обгонялъ Ксенію, но поровнявшись съ нею, снова отставалъ. Ксенія слышала, какъ онъ по дѣтски всхлипывалъ, и видѣла, какъ скоблилъ со щекъ и съ шеи засохшую кровь. Моложавое, курносое и смуглое его лицо, съ чуть замѣтными рѣдкими волосами на усахъ и подбородкѣ, теперь казалось окаймленнымъ темно-красными баками, а глаза, узкіе и маслянистые, посверкивали мимо Ксеніи какъ бы разсѣянно и виновато.

— «Онъ совсѣмъ еще обезьянка!» — подумала съ улыбкой Ксенія и старалась не смотрѣть на дунганина: ей непріятно было видѣть кровь, выпущенную Робертомъ.

Возникали и обрывались сложныя, запутанныя мысли, вспыхивали противорѣчивыя чувства и все это тонуло въ усталомъ безпокойствѣ:

— Что то еще будетъ впереди? Будетъ ли когда нибудь вода? Къ источнику бы какому нибудь, къ прохладному! — Утолить бы жажду. Припасть бы къ нему грудью! И лежать, лежать!

Сутулая спина Роберта, его частое поворачиваніе головы по сторонамъ заглядываніе на компасъ не обѣщали спокойной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Однако въ молодой задорной головѣ Ксеніи вспыхивали полудѣтскія мысли:

— «Вотъ они и приключенія!.. Начались».

А подсознательно родилось иное, почти злорадное:

— «А ну-ка милые герои! Вывертывайтесь изъ положенія. Это вамъ не книжка съ благополучнымъ концомъ».

Медленно наплывали сумерки, сначала оранжевыя, потомъ зеленоватыя, потомъ лиловыя, и первая звѣзда, вспыхнувъ на мѣстѣ угасающей зари, ласково смотрѣла въ душу Ксеніи, какъ старая знакомая. Отъ этого необитаемая степь показалась ей не столь пустынной и чужой, и Ксенія отчетливо почувствовала подъ собою землю-шаръ, землю-планету, одиноко кочующую въ пространствѣ и такую близкую, родную и роднящую со всѣми, кто живетъ на ней. Это было даже и несложно: Ксенія смотрѣла на дунганина, на Роберта и на верблюдовъ и какъ бы ощущала теплоту струившейся въ нихъ крови, которая сливалась съ ея кровью и растворялась въ теплыхъ сумеркахъ пустыни.

Ей страстно хотѣлось сойти съ верблюда, припасть къ землѣ и лежать такъ долго, неподвижно и благоговѣйно.

Она склонилась къ верблюду, обняла его пушистый теплый горбъ и вспомнила, что съ утра не сходила на землю, которая теперь дышала на нее горячимъ запахомъ щебня и звала къ себѣ на раскаленную дневнымъ зноемъ полукаменную грудь.

И вдругъ ей показалось, что верблюдъ валится на землю: она слабо простонала и свалилась съ верблюда.

— Э-э-гей! Кожайнъ! Кожайнъ! — закричалъ дунганинъ догоняя Роберта.

Робертъ спрыгнулъ съ верблюда и подбѣжалъ къ Ксеніи. Она пыталась встать на ноги, и не могла. Шатаясь, хваталась за руки Роберта и слабо хихикала, какъ пьяная. Потомъ упала на землю, растянулась и увидѣла, что земля пошла кругомъ и вотъ-вотъ опрокинется.

— Держи-же меня, Робертъ... Я падаю!

— Ты на землѣ лежишь... Куда ты можешь падать? — недоумѣнно возразилъ онъ, но все-таки держалъ ея теплыя, тонкія руки и, близко наклоняясь надъ ея лицомъ, дружески ворчалъ:

— Вотъ и потеряемъ цѣлую ночь: я хотѣлъ идти по звѣздамъ...

— Какъ древніе волхвы, да?.. — слабо улыбаясь, спрашивала Ксенія и видѣла, что онъ не сердится на ея слабость.

Пока развьючивали караванъ, Ксенія лежала на спинѣ и смотрѣла на небо, которое теперь стояло надъ землею твердо и было все усыпано звѣздами.

— Господи... Только однѣ звѣзды, да мы! — сказала она вслухъ, чувствуя, какъ мелкіе камни давятъ ей въ спину.

Робертъ принесъ и сталъ разстилать для нея спальный мѣшокъ, а дунганинъ обносилъ вокругъ Ксеніи черную веревку-арканъ изъ конскаго волоса, чтобы по землѣ не подползли къ ней ни змѣя, ни скорпіонъ. Тронутая этой заботливостью, Ксенія услышала, какъ проводникъ опять по дѣтски всхлипнулъ и сказалъ:

— Маленько... Каракуртъ, джиланъ кельмейды...*)

Робертъ хотѣлъ взять Ксенію на руки, чтобы перенести въ постель. Но она встала, придержалась за него и съ усмѣшкою сказала:

— Нѣтъ, обожди. Я сначала пойду погуляю и поправлюсь.

Пошатываясь и оправляя платье, она порылась въ своемъ чемоданѣ и пошла въ глубь сумерекъ, то и дѣло запинаясь за каменья, точно не умѣя ходить.

Она ступала по землѣ какъ по горячему тѣлу живого и могучаго разумнаго существа, подъ защитою котораго было не страшно уходить одной все дальше и дальше отъ каравана въ нѣмую степь.

Наконецъ, присѣвъ на камень, осмотрѣлась и прислушалась. Вмѣстѣ съ тьмою ее окутала и окружила тишина, бездумье, ласковая полудремотная усталость. Она откинула голову, смотрѣла на звѣзды и тихо улыбалась ихъ молчаливому мерцанію.

Потомъ зѣвнула, потянулась и стала медленно освобождаться отъ платья и бѣлья, которыя связывали ее, какъ липкія тенета.

*) Скорпіонъ, змѣя не подойдутъ.

Нѣжно, какъ крылами изъ одного пуха, ее обнялъ вѣтерокъ, и Ксенія вытянулась ему навстрѣчу, погрузилась въ его объятія, будто беззвучно поплыла по теплой, тихой, ласковой водѣ. Долго она такъ купалась въ струйкахъ теплаго вѣтра пустыни, распустила, расчесала волосы и играла ими съ вѣтромъ, какъ русалка. Потомъ обтерлась полотенцемъ и долго, лѣниво надѣвала свѣжее бѣлье и прибирала волосы.

Испытывая бодрость только что выкупавшагося человѣка, она плутовато подмигнула себѣ и сказала:

— Пусть онъ теперь меня поищетъ! — и легла на камни.

Но въ слѣдующую минуту вдругъ привстала на локоть и встрепенулась:

— А вдругъ волки? Либо скорпіонъ! Или змѣя?

Притихла и прислушалась:

— Гдѣ то топаютъ шаги. Нѣтъ, это сердце бьется. Нѣтъ, не сердце. Кто же это? — и вскочивъ съ мѣста, противъ воли сильно вскрикнула:

— А-ай!.. — Степь поглотила звуки и принесла издали:

— О-го-о!..

— А-ай! — уже протяжно, призывающе, испуганно и весело кричала Ксенія и побѣжала по степи зигзагами, не зная, гдѣ прозвучалъ этотъ увѣренный и сильный голосъ.

Она бѣжала долго и все металась по степи, потерявъ дорогу къ каравану, а за ней гонялся Робертъ и долго не могъ догнать ее и уловить во тьмѣ ея силуэта, пока, наконецъ, она не бросилась назадъ ему навстрѣчу.

И вотъ, горячая, съ сильно бьющимся сердцемъ, съ учащеннымъ дыханіемъ, не умѣя вымолвить ни слова, она повисла на его рукахъ и впервые услыхала совсѣмъ особенныя, нѣжныя и страстныя его слова:

— О, моя безумная!.. О, бѣдная!..

А потомъ приникла къ нему и покорно принимала его ласки, чувствуя, какъ горяча безплодная земля пустыни.

Онъ потемнѣвшими глазами вглядывался въ ея лицо, блѣдное во мракѣ ночи, а она смотрѣла мимо на безчисленныя звѣзды, яркія, далекія и молчаливыя, не знающія о земномъ стыдѣ.

V.

Только теперь они впервые и по настоящему довѣрчиво и близко подошли другъ къ другу. Ихъ слова особенно отчетливо звучали въ тишинѣ пустыни, пріобрѣтая необычайный и глубокій смыслъ, какъ будто въ необъятномъ храмѣ два жреца совершали священнодѣйствіе. Это было незабываемо для Ксеніи потому, что Робертъ былъ совсѣмъ преображенъ: онъ сталъ поэтомъ и философомъ, ученымъ и художникомъ. И мысли Ксеніи стали окрылены, ясны и чудесны. Никогда раньше слова и голосъ человѣческій не звучалъ для нея такою чудотворной музыкой: онъ говорилъ о древнемъ полудикомъ человѣкѣ — и выростали дѣвственные, непроходимые лѣса на окружающихъ ее холмахъ; припоминалъ ли онъ пуническія войны — и открывались безконечныя поля сраженій; говорилъ ли онъ о первыхъ христіанахъ — развертывалась панорама

Галилеи, а за нею мощно воздвигался величавый, шумный, прихотливый Римъ. Умолкали его слова — и воцарялась тишина пустыни, въ которой высокая мелодія словъ Ксеніи звучала, какъ тоскливая молитва о грядущемъ воскресеніи всѣхъ земныхъ пустынь.

А Робертъ увѣренными жестами прокладывалъ черезъ пустынные холмы желѣзные пути. Пускалъ по небу, какъ стаи журавлей, воздушныя флотиліи. Извергалъ изъ-подъ земли могучіе фонтаны водъ, воздвигалъ высокіе, стальные города, и все это отчетливо вставало передъ Ксеніей, какъ близкая дѣйствительность, потому что самое чудесное, самое волшебное — это человѣческое слово, музыкой звучащее въ пустынѣ и рождающее всесотворяющую мысль. Если въ Пустыню проникло это слово, если въ ней родилась мысль — значитъ:

— Да будетъ по слову твоему! — торжественно и гордо говорила Ксенія, завершая свои мысли и благословляя взглядомъ Роберта.

Потомъ онъ снова обнялъ ее и сказалъ сурово, будто заклиная:

— Если не я, то сынъ мой долженъ окропить живой водой эту пустыню.

И Ксенія впервые поняла, какое это большое и значительное слово «сынъ». И можетъ быть, вотъ здѣсь въ пустынѣ, на безплодной землѣ, онъ только что посѣянъ и чудесно и торжественно пойдетъ отсюда его жизнь и будетъ ему родина пустыня...

— Какъ это мудро. Какъ это красиво. Какъ значительно! — шептала Ксенія, молитвенно смотря на звѣзды.

Неожиданно вспыхнулъ разсвѣтъ, такой же оранжево-пыльный и безросный, какъ закатъ, и прервалъ горячую и задушевную бесѣду.

Они поднялись на ближайшій холмъ, оглядѣлись и невдалекѣ увидѣли одиноко лежавшіе вьюки и чемоданы, но верблюдовъ и дунганина нигдѣ по близости не было.

Робертъ вспомнилъ о сигарахъ, къ которымъ за всю ночь не прикасался, нахмурился и закурилъ. Ксенія тревожно посмотрѣла на него, потомъ на опустѣвшій станъ и прерывисто, упавшимъ голосомъ спросила:

— Неужели... Неужели онъ уѣхалъ? —

Робертъ молча пожалъ плечами и глухо произнесъ на родномъ языкѣ, какъ бы говоря съ самимъ собою:

— Это мнѣ урокъ за ночныя похожденія!

Ксенія вдругъ вся увяла, потеряла всякую способность обижаться, говоритъ и даже думать. Она сунула въ свой чемоданъ принесенный ею въ полотенцѣ узелокъ, закрыла чемоданъ; сѣла на него и безпомощно взглянула на разгорающійся востокъ, такой зловѣще-молчаливый, необъятный и безжизненный.

— Конечно я во всемъ виновата, — сказала она наконецъ.

Стоявшій неподвижно Робертъ повернулся къ ней и рѣзко отчеканилъ по русски:

— Э-э! Что толку въ томъ, что мы виноваты? Надо думать, что дѣлать дальше.

Онъ раза два прошелся вокругъ багажа, съ досадой пнулъ тяжелые вьюки, сѣлъ на нихъ и исподлобья поглядѣлъ на Ксенію. Она невольно увидѣла его двигавшуюся челюсть и искривленныя усмѣшкой губы.

— Вотъ какъ потѣшается надъ человѣкомъ дѣйствительность! — помолчавъ, прибавилъ Робертъ съ разстановкой: — Я очень глупо сдѣлалъ, что съ тобой поѣхалъ безъ дороги. Рисковать я могъ только своей персоной.

Это какъ то обогрѣло Ксенію, она подошла къ нему и твердо заявила:

— Ради Бога, ты со мной не церемонься! Ты можешь оставить меня здѣсь... При багажѣ.

Онъ съ усмѣшкой возразилъ ей:

— Это не такъ просто, какъ ты думаешь.

И снова нахмурился, потомъ досталъ походный погребокъ, быстро приготовилъ завтракъ изъ консервовъ и сурово сказалъ:

— Нужно хорошо покушать, потомъ подумать... Ну, время дорого, выпей и закуси! — приказалъ онъ строго.

Ксенія невольно подчинилась, выпила всю рюмку коньяку, съѣла лишній бутербродъ и оживилась.

— Приказывай! — сказала она, улыбаясь. — Я думаю, что все смогу исполнить.

— Ты всего не исполнишь потому, что у тебя отвратительные сапоги! — сказалъ онъ озабоченно. — Въ этихъ сапогахъ на балъ ходить, а не въ Индію.

И быстро у ея ботинокъ сверкнувшимъ тесакомъ отсѣкъ прекрасные французскіе каблуки.

— Надѣнь ихъ и бери съ собой самое легкое и самое необходимое.

А самъ между тѣмъ навьючилъ на себя часть багажа, сложилъ въ пирамиду оставшіеся чемоданы, укрылъ ихъ

брезентомъ, сдѣлалъ изъ дунганскаго кнута и носового платка флажокъ и укрѣпилъ на пирамидкѣ.

— Такъ мы скорѣе его потомъ найдемъ, — сказалъ онъ просто и увѣренно.

— Ты думаешь, — спросила она робко, — намъ удастся возвратиться?

— Если не я, то, повторяю тебѣ, сынъ мой долженъ будетъ продолжать мою работу! — сказалъ онъ громко, развертывая карту и доставая компасъ.

Ксенія слабо улыбнулась его шуткѣ, но его серьезный тонъ и строгій взглядъ сѣро-зеленыхъ глазъ опять заставилъ ее задуматься.

Она совсѣмъ не представляла истинной картины ихъ несчастія, а Робертъ ей намѣренно не говорилъ объ этомъ.

Онъ прикинулъ спичкою масштабъ по картѣ, нахмурился и сбросилъ съ себя вьюки.

— Намъ очень далеко итти пѣшкомъ? — спросила она, и въ голосѣ ея зазвучала тревога.

Робертъ уклонился отъ отвѣта и посовѣтовалъ:

— Тебѣ необходимо хоть немножко уснуть.

— А тебѣ?

— И мнѣ. И береги ты воду! — строго добавилъ онъ, увидѣвъ, что наливая свою фляжку, она пролила немного изъ походнаго боченка.

Потомъ онъ легъ на раскинутый плащъ и, закрывъ глаза рукою, замолчалъ.

Какъ никогда, онъ почувствовалъ усталость и неспособность мыслить. Онъ не могъ сообразить — куда нужно итти, чтобы имѣть надежду выйти къ населеннымъ пунктамъ. Если-бы не было съ нимъ женщины —

онъ могъ бы продолжать намѣченный путь, но Ксенія, — онъ это живо представлялъ, — не вынесетъ ни зноя, ни разстоянія, ни голода, ни жажды. Неужели возвращаться?

Такъ ничего и не рѣшилъ онъ и заснулъ, лежа кверху лицомъ.

Ксенія побродила вокругъ него, поглядѣла на озаренную поднимающимся солнцемъ степь и, спрятавъ голову въ тѣнь отъ багажа, тоже заснула, быстро, крѣпко и безъ сновъ. Такъ же, какъ спала тысячелѣтнимъ сномъ пустыня. Только кое-гдѣ цицикали кузнечики, да бѣленькій флажокъ, привязанный къ кнуту надъ пирамидкою изъ багажа, чуть-чуть колыхался подъ легкимъ вѣтеркомъ, какъ будто намекалъ на что то важно и лукаво.

VI.

Какъ-то не хотѣлось уходить отъ пирамиды изъ узловъ и чемодановъ, точно отъ домашняго уюта съ любимыми и необходимыми предметами. Ксенія еще разъ переложила свой вьючокъ, который сдѣлала гораздо тяжелѣе, чѣмъ вначалѣ. Робертъ лежалъ, курилъ сигару и молчалъ. Онъ рѣшилъ, что медлить и соображать лучше всего здѣсь, гдѣ есть запасы пищи и воды, въ пути-же колебаться будетъ некогда.

Они сварили изъ консервовъ супъ, хорошо съ комфортомъ пообѣдали, еще разъ вмѣстѣ изучили карту и, нагрузившись, вышли послѣ полудня. Пошли они на сѣверо-востокъ, гдѣ должно лежать степное, небольшое озеро, и гдѣ они надѣялись найти какое либо кочевое племя.

Пошли довольно бодро, даже весело. Подъ котомками оба казались горбатыми, смотрѣли другъ на друга и смѣялись. Потомъ много говорили, невольно, по привычкѣ, мѣшая языки, и Ксенія первая это замѣтила:

— Странно, — сказала она — каждая изъ нашихъ мыслей облюбовываетъ себѣ тотъ или иной языкъ. — Замѣтилъ ли ты, что это у насъ выходитъ не случайно?

— Да, — сказалъ онъ, криво улыбаясь, — когда ты мнѣ хочешь сказать непріятность, ты непремѣнно дѣлаешь это по нѣмецки!

— И по англійски, когда говорю о моряхъ или о всѣхъ четырехъ концахъ свѣта, — живо подхватила она и лукаво посмотрѣла на него.

Онъ скосился на нее и сказалъ:

— А по русски — мы будемъ ругаться. —

— Если угодно! Русскій языкъ выразителенъ и гибокъ для всего!

— Для русскихъ! — подсказалъ Робертъ.

— Для всѣхъ, кто его хорошо знаетъ! — упрямо возразила Ксенія и, помолчавъ, спросила: — А ты думаешь, что всѣ люди будутъ говорить на одномъ англійскомъ? Можетъ быть и на звѣздахъ говорятъ лишь по англійски?

Робертъ громко засмѣялся и остановился, чтобы поправить на себѣ вьюки. Онъ снялъ съ себя ружье, которое слишкомъ раскалилось отъ жары и жгло ему плечо, и замѣтилъ, что Ксенія поджимаетъ одну ногу.

— Мозоль?

— Чуть-чуть, — сказала она беззаботно.

Но онъ усадилъ ее на землю и самъ снялъ ботинокъ.

На бѣлой нѣжной кожѣ розовѣла маленькая ссадина присыпанная пылью. Робертъ нахмурился, поправилъ ей ботинокъ, и они снова продолжали путь. Но разговоръ уже не налаживался. Ксенія то и дѣло прятала отъ Роберта легкія гримасы, когда ботинокъ колющею болью напоминалъ о ссадинѣ.

День догоралъ. Солнце краснымъ колесомъ скатилось на землю и, когда ночь снова навалилась на пустыню, Робертъ кое-какъ устроилъ ночлегъ Ксеніи, а самъ сидѣлъ возлѣ нея и утѣшался:

— Какъ хорошо, что здѣсь не холодно и нѣтъ дождей. У насъ такъ мало теплаго...

А она отвѣтила ему съ глубокимъ вздохомъ:

— О, какъ бы я хотѣла, чтобы пошелъ дождь! — Мнѣ такъ жарко, такъ душно!

И опять нахмурился и замолчалъ Робертъ: всѣ эти мелочи не обѣщали ничего хорошаго, и сонъ ихъ былъ тяжелъ и безпокоенъ.

Весь слѣдующій день Ксенія прошла безропотно, хоть и побросала часть вещей и часто отставала. Но потомъ...

... Какъ въ тяжкой болѣзни все медленнѣе и тупѣе проходили дни и ночи. По временамъ ей казалось все это неправдой, бредомъ, безсознательною знойной грезой, когда въ большомъ жару на человѣка наваливаются ненужныя и оскорбительныя насилія: то заставляютъ его нырять въ горячую грязь, то задыхаться подъ сугробами пыли, то лѣзть на шаткую высокую лѣстницу, которая вотъ-вотъ развалится и рухнетъ. — Или гоняются за нимъ неумолимые враги, чтобы взять его и мучить до потери памяти. И нѣтъ конца кошмарамъ, темнымъ,

жаркимъ и обиднымъ, отъ которыхъ человѣкъ не въ силахъ убѣжать и бьется, мечется въ постели безъ сознанья и просвѣта.

Такъ на пятый день похода Ксенія бросилась на землю и не заботясь ни о позѣ, ни о платьѣ, лежала и не понимала, гдѣ она и что съ нею, и почему преслѣдуетъ ее этотъ хмурый человѣкъ съ сигарою во рту и съ красно-багровымъ, потнымъ и измученнымъ лицомъ?

Ксенія давно не слушала, или слушала, но не понимала, что онъ говоритъ, но знала, что онъ, какъ кошмаръ, неумолимъ и безпощаденъ. Какъ бы она ни протестовала, онъ все равно будетъ поднимать ее, давать ей мятныя лепешки, отчего вся степь и небо и солнце пропахли этимъ противнымъ мятнымъ запахомъ; будетъ говорить ей, то ласково и нѣжно, то грубо и отчаянно, что надо итти впередъ.

Ахъ, это проклятое и жуткое: впередъ!... Какъ оно далеко, какъ несбыточно, какъ странно. Иной разъ Ксенія уже совсѣмъ забудетъ обо всемъ, и мысль уснетъ, и сердце остановится, и солнце погаснетъ, и зной остынетъ, и такъ хорошо тогда забыться навсегда, уснуть и не пробуждаться. — Нѣтъ, онъ, этотъ неотвязный призракъ, съ еще большей силой, съ неумолимою жестокостью беретъ ее, трясетъ, становитъ на ноги и, самъ шатаясь и изнемогая, ведетъ, ведетъ куда то въ ярко-желтое и пыльное и жаркое, какъ пожаръ.

Много разъ она слышала его слова:

— Скоро будетъ озеро. Тамъ ты напьешься. Тамъ отдохнешь... Иди, иди! Еще немного! — и вслѣдъ за этими словами, какъ наяву, ей представлялось дивное видѣніе: глубокое и голубое озеро, вѣтеръ гонитъ

волны одну за другою: онѣ бѣгутъ играючи, качаясь и звеня серебрянными струйками, а у береговъ колышутъ камыши, тѣнистые, густые, задумчиво засматривающіе вглубь на мозаическое дно.

Она уже готова была однимъ движеніемъ снять съ себя связавшіе ее тяжелые и липкіе покровы и отдаться волнамъ, похоронить себя подъ ихъ чудесной синевою, какъ онъ опять беретъ ее, трясетъ и мучаетъ, и говоритъ:

— Очнись! Еще немножко потерпи! Теперь ужъ недалеко... Ну, ради Бога!..

О, какъ ненавидѣла она его за эту ложь, какъ ей хотѣлось, чтобы онъ ушелъ отъ нея, безслѣдно сгинулъ и оставилъ бы ее въ покоѣ.

Нѣтъ, онъ не оставлялъ ее ни на минуту, все велъ куда то, мучился и мучилъ, и не было у нея силъ сбросить съ себя его иго.

Такъ и тогда, передъ закатомъ нескончаемо-мучительнаго дня, когда онъ зашагалъ увѣреннѣе и бодрѣе и, показывая вдаль рукою, увѣрялъ ее:

— Теперь ужъ правда, не миражъ, смотри!

Она смотрѣла, видѣла дымъ надъ бѣлыми постройками, а за ними голубую воду озера, но не вѣрила. Не вѣрила, хотя и призывала сладостный обманъ. — И отъ этого у нея снова закружилась голова, комкомъ сбилась обида гдѣ то подъ ложечкой, стѣснило сердце, и она упала къ нему на руки, и точно выронила изъ себя небо и землю, и оранжевый закатъ, волю и сознаніе.

Онъ подержалъ ее немного на рукахъ, даже быстро зашагалъ съ нею, какъ бы желая скорѣе донести ее до озера, но скоро и самъ изнемогъ и тяжело упалъ на

колѣни, а потомъ на локти, и не могъ подняться. Потомъ увидѣлъ ея блѣдное безкровное лицо, прикоснулся къ груди ухомъ и услышалъ, что сердце бьется все слабѣй и какъ то неохотнѣе... И не могъ поднять головы съ ея груди. Зналъ, что это страшно, если онъ забудется и не поднимется, и все таки не могъ подняться. А потомъ и ему стало безразлично итти или лежать, жить или умереть, и онъ лежалъ безъ мысли, безъ желанья и безъ силъ, въ уродливой позѣ, рядомъ съ полумертвой женщиной.

VII

Столпившіеся возлѣ озера лачуги, домики и юрты назывались общимъ именемъ Суукъ-куль — холодное озеро.

Озеро, конечно, не было холоднымъ и даже то, что издали въ немъ принималось за воду — было лишь бѣловатымъ иломъ, столь обманчивымъ для глаза. Озеро отъ зноя лѣтомъ высыхало, и его перебродили кулики, а надъ небольшими лужицами трепались, какъ тряпки по вѣтру, и вѣчно плакали о чемъ то чибисы.

Да и лужицы къ серединѣ лѣта исчезали, потому что Суукъ-кульцы разносили воду по домамъ. И бойкій пограничный городокъ, наполненный зимой и осенью пестрымъ, суетливымъ и горячимъ торговымъ людомъ, съ весны замиралъ и особенно былъ скученъ въ знойные лѣтніе мѣсяцы. Въ немъ оставались только старожилы, лѣнивые и злые, ожидавшіе съ туманно-желтыхъ горизонтовъ случайныхъ, контрабандныхъ каравановъ, у которыхъ вымѣнивали за гнилую грязную воду цѣнные товары: хлѣбъ, шелкъ, чай и серебро.

Цѣлыми днями все мужское населеніе ютилось либо въ тѣни мечети, либо на базарной площади, или подъ истрепанными холщевыми навѣсами возлѣ своихъ пустыхъ и тѣсныхъ лавочекъ. Полураздѣтые, черные отъ солнца, жилистые и сухіе, въ цвѣтныхъ платкахъ и пестрыхъ тюрбанахъ на головахъ, они дремали, покачиваясь изъ стороны въ сторону, и лѣниво перебрасывались рѣдкими словами, пока не прибѣжитъ изъ степи какой либо счастливецъ съ извѣстіемъ о показавшемся вдали случайномъ караванѣ. Тогда весь городокъ вставалъ на ноги и оживалъ. Поднимался галдежъ и споры о водѣ, объ очереди и о цѣнахъ. И горе каравану, если Суукъ-кульцы межъ собой въ ладу и войдутъ въ стачку. Дорого тогда обходилось утоленіе жажды путниковъ и верблюдовъ.

И вотъ въ такое то унылое и будничное время, въ Суукъ-куль со стороны заката пришелъ жуткій слухъ о томъ, что на русскихъ поднимаются войною нѣмцы, и русскіе хотятъ взять на войну всѣхъ сартовъ и дунганъ, татаръ, калмыковъ и киргизъ. Никто въ Суукъ-кулѣ не зналъ по настоящему, чьи они подданные: русскіе или китайскіе, но всѣ знали, что Россія сильная и страшная, и если къ ней пришла бѣда, значитъ бѣда пришла ко всѣмъ.

Не успѣли Суукъ-кульцы пережить огненнаго, полнаго тревогъ и жуткихъ опасеній слуха, не успѣли разукрасить его во всѣ цвѣта причудливой восточной сказки, какъ пронесся новый слухъ; и даже не слухъ, а настоящая быль... многіе видѣли, какъ надъ Кашгаріей на Лхассу пролетѣла нѣмецкая желѣзная птица. А это значило, что пролетѣла она для того, чтобы поднять

Китай, никогда не воевавшій и еще болѣе страшный, чѣмъ Россія. Что теперь дѣлать, на чью сторону итти, у кого просить защиты?

И тутъ же слѣдомъ, на другой или на третій день, рано утромъ, прямо на базаръ привезли и самыхъ «нѣмцевъ», не то свалившихся съ желѣзной птицы, не то иначе появившихся въ пустынѣ. Да и не важно было, какъ они сюда попали, важно, что ихъ поймали, связали, положили на высокую, скрипучую двухколесную арбу и привезли на мулахъ въ Суукъ-куль.

Какъ на пожаръ, сбѣжались Суукъ-кульцы и окружили арбу, къ которой были крѣпко — накрѣпко прикручены такъ не похожіе на живыхъ, совсѣмъ не страшные, истерзанные, окровавленные плѣнники. Однако всѣ кричали возбужденно и озлобленно, сверлили плѣнниковъ глазами; одни плевали на нихъ, другіе бросали въ нихъ каменьями и палками, третьи порывались съ явной жаждою схватить за горло или грызть зубами: такъ хищно были вытянуты руки и ощерены зубы.. И видно было, какъ завидовали многіе тому, который стоялъ на арбѣ съ отобраннымъ у «нѣмца» красивымъ ружьемъ, что то сипло разсказывалъ толпѣ, и то и дѣло тыкалъ дуломъ и прикладомъ въ грудь старшаго изъ связанныхъ. Онъ билъ человѣка и смѣялся, сверкая бѣлыми зубами, и, вздергивая маленькій широкій носъ, явно сочинялъ сказку:

— А этотъ, который въ бабьемъ нарядѣ, въ трубу кругомъ смотрѣлъ и на бумагу все записывалъ, — и дунганинъ дернулъ за рукавъ младшаго и прибавилъ для потѣхи зрителей: я сперва думалъ: это дѣвка. Надо бы раздѣть — смотрѣть. Можетъ правда — дѣвка...

А толпа торжествовала и рычала, метались возлѣ арбы грязные тюрбаны и бронзовые кулаки и груди.

Все было такъ, какъ бываетъ во время самосуда, когда толпа еще не насладилась, не натѣшилась надъ тѣми, кто попалъ въ ея кровавыя объятія.

Уже замерли и смолкли побѣжденные, ибо передъ слѣпой стихіей звѣрства ни слова, ни разумъ, ни мольбы не въ силахъ были остановить хмѣльного и безумнаго злодѣйства.

И потому-то слабый, жалкій и истерзанный видъ Ксеніи не только ни въ комъ не вызывалъ жалости, но — напротивъ — возбуждалъ въ толпѣ еще большее остервенѣніе, и даже сѣдой старикъ въ чалмѣ кричалъ:

— Ишь! Этотъ-то совсѣмъ еще парнишка, а уже злодѣй. И тянулся черезъ головы другихъ, чтобы достать и ткнуть измученную костылемъ.

Робертъ, истощенный голодомъ и обезсиленный побоями, лежалъ спиною къ Ксеніи и, казалось, ничего не видѣлъ и не понималъ, но вдругъ внезапный вопль Ксеніи вывелъ его изъ забытья и онъ, какъ потревоженный голодный звѣрь, заметался и сталъ рвать веревки. Мускулистыя, спортсментскія руки его въ затянутыхъ узлахъ такъ сильно напряглись, что изъ нихъ брызнула на толпу кровь...

Теперь нельзя было узнать въ немъ Роберта: безъ шапки, съ окровавленнымъ лицомъ, съ выкаченными бѣлесыми глазами, онъ былъ безобразенъ. Толпа отхлынула и замерла, даже дунгане, правившіе мулами, спрыгнули съ арбы: такъ неожиданно и страшно началъ рваться Робертъ. Но веревка изъ конскаго волоса была крѣпка, и узлы ея затянулись еще крѣпче. Ро-

бертъ припалъ къ узламъ зубами, но въ это время сзади снова въ спину его прилетѣлъ камень, и Робертъ только стиснулъ окровавленные зубы и глухо застоналъ. И была во взглядѣ его скорбь и ненависть, и мольба, похожая на клятву: рано или поздно прійти и побѣдить.

Потомъ, когда опять кто-то ударилъ Ксенію и когда вновь раздался ея вопль, Робертъ выгнулъ жилистую шею и увидѣлъ ее связанную, униженную, бьющуюся въ безсильномъ протестѣ... И онъ собралъ остатки своихъ силъ, уперся обѣими ногами въ колесо арбы, рванулся и вмѣстѣ съ костюмомъ разорвалъ веревки...

И вскочивъ на арбѣ на ноги почти голый, ,съ высоко и быстро вздымавшеюся грудью, онъ нѣкоторое время пожиралъ глазами трусливо отступившую толпу и повторялъ:

— О, мы прійдемъ къ вамъ! Мы прійдемъ!..

И снова услыхавъ охрипшій голосъ Ксеніи, онъ соскочилъ съ арбы и бросился на самаго стараго, сѣдого, въ бѣломъ тюрбанѣ мусульманина, какъ будто хотѣлъ пролить на него всю силу своей мести. Но тутъ произошло съ нимъ нѣчто чудотворное: бѣлыя сѣдины и пышная чалма задержали его поднятые кулаки и молніей ударила въ его мозгъ надежда спасти Ксенію. — Онъ схватилъ за плечи старика, трясъ его и кричалъ надъ самымъ его ухомъ по киргизски то, что нѣкогда давно случайно прочелъ въ Коранѣ:

— Вамъ отомститъ Аллахъ. За убійство женщины, носящей въ себѣ плодъ жизни! Жестоко отомститъ всему народу!

И старый мусульманинъ вдругъ затрясся. Онъ весь ссутулился, взмахнулъ костылемъ на изумленную толпу и первый бросился развязывать дрожащими руками Ксенію, хрипло и изступленно крича на всѣхъ и каждаго:

— Это женщина! Она беременна! О-о! Аллахъ, Аллахъ... Она беременна!..

Еще не всѣ знали въ чемъ дѣло, но видя, что плѣнники освобождаются, толпа вдругъ стихла, въ ней укротилась ненависть и злоба, и вмѣсто нихъ вселился страхъ. Многіе бѣжали отъ арбы по узкимъ улицамъ и кричали съ рабскою трусливостью:

— Ой-ой! Это начальники! Начальниковъ избили! Что теперь намъ будетъ?

И только тѣ, кто понялъ въ чемъ дѣло, бѣжали за водой, чтобы отлить и отпоить замученную женщину, чтобы выпросить у ней прощеніе за тяжкое, незамолимое, нанесенное всему человѣческому роду оскорбленіе.

Когда Ксенія глотнула воды и пришла въ себя, она прежде всего отыскала глазами Роберта, который стоялъ, пошатываясь, возлѣ арбы и хватался за нее руками. Лицо его было багрово-синимъ, а изо рта сочилась темная, густая кровь. И только глаза казались тѣми же недавными, какъ въ незабываемую ночь въ пустынѣ...

Онъ смотрѣлъ на нее, губы его кривились въ побѣдную улыбку, но улыбка эта была страшною гримасой смерти.

Ксенія съ трудомъ приблизилась къ нему и опустилась возлѣ его ногъ на землю, безсильная и онѣмѣвшая отъ скорби. А онъ все такъ же упрямо и крѣпко про-

должалъ держать похолодѣвшими рукими пыльную, скрипучую и старую арбу, какъ будто рѣшилъ взять ее съ собой на страшный судъ въ свидѣтели. И все ниже клонилъ голову, все болѣе слабѣлъ и осѣдалъ возлѣ арбы, все пристальнѣе глядѣлъ на Ксенію потухавшимъ взглядомъ, напрасно пытаясь что то сказать ей кровавыми устами...

VIII.

Какъ всегда бываетъ, черезъ нѣкоторое время, когда Ксенія оправилась отъ пережитого, когда у нея исчезли послѣдніе кровоподтеки отъ побоевъ и когда она привыкла къ мысли, что люди, такъ заботливо поддерживавшіе теперь ея существованіе, пріютившіе ее и окружавшіе ласковой жалостью, не могли сознательно отнять жизнь у близкаго ей человѣка, — въ душѣ ея вмѣсто глубокаго отчаянія, осталось одно грустное недоумѣніе: что-жъ это? Неужели Робертъ умеръ? Почему же не она, а онъ? Вѣдь она слабѣе его во много разъ...

Все, какъ въ тяжеломъ снѣ: и вѣрно, и невѣроятно, и вмѣстѣ съ тѣмъ все просто и не сложно: вѣдь всѣ наиболѣе тяжелые удары выпавшаго на ихъ долю испытанія Робертъ принялъ на себя, и погибъ, спасая ее...

Каждый день она ходила на могилу Роберта, на вершину древняго высокаго кургана на берегу озера, и долго тамъ сидѣла, какъ бы бесѣдуя съ нимъ о непоправимомъ, какъ бы выпрашивая у него прощенія и совѣта: какъ искупить его жертву? И все спокойнѣе, трезвѣе разбиралась здѣсь она во всемъ и не находила виноватыхъ въ происшедшемъ. Передъ нею неизмѣнно

разстилалась сѣрая и знойная, безплодная и дикая пустыня. Можетъ быть она одна во всемъ повинна, но какъ съ нея спросить, кому на нее жаловаться?..

Только теперь она стала догадываться, какой завѣтъ пытался ей оставить Робертъ въ преддверіи вѣчности, и благоговѣйно повторяла, какъ молитву, его горячую мечту: «окропить живой водой пустыню».

За эту мечту она хваталась, какъ за тоненькую нить, которая когда-то приведетъ ее къ истинѣ, какъ къ роднику. Вѣдь рано или поздно онъ забьетъ изъ нѣдръ пустыни, потому что съ пустыней никогда не примирится человѣкъ!

И вдругъ все разрѣшилось неожиданно и просто.

Однажды Ксенія съ кургана увидала приближавшійся караванъ изъ трехъ верблюдовъ, и сердце ея больно сжалось, точно эти три верблюда напомнили ей о давно минувшей юности..

Сердце угадало: это ѣхалъ тотъ самый дунганинъ, который, бросивъ ихъ въ пустынѣ, такъ жестоко расплатился съ Робертомъ за оскорбленіе.

Ксенія почти побѣжала навстрѣчу каравану, и дунганинъ, увидавъ ее, худую, блѣдную и постарѣвшую, спрыгнулъ съ верблюда и наивно что-то лепеталъ, повторяя безъ нужды:

— Эй!.. Маленько! Кажайнъ!.. — и прикладывалъ къ сердцу тонкія смуглыя руки, кланялся ей въ поясъ, показывалъ на небо и на горизонтъ, будто призывалъ ихъ въ свидѣтели своего искренняго покаянія.

Узнавъ черезъ дунганина всю правду, также искренно раскаялся и весь Суукъ-куль, и жители его встрѣчали Ксенію полусклоненными и виноватыми. И

самъ мулла поѣхалъ въ поиски за покинутымъ въ пустынѣ багажемъ, среди котораго самымъ дорогимъ для Ксеніи были записки Роберта, эти теплыя нити между мертвыми и живыми.

Когда мулла съ дунганиномъ вернулись въ Суукъ-куль и сдали Ксеніи все до мелочей, она долго плакала надъ искусственнымъ флажкомъ, какъ надъ послѣднимъ знакомъ ихъ несбывшихся надеждъ. А послѣ слезъ ея желанья стали ясны и крѣпки, какъ сталь.

Дунганинъ направлялся въ Лхассу. Ксенія навьючила на его верблюдовъ весь багажъ, и караванъ медленно растаялъ на знойной равнинѣ.

Она опять сидѣла на верблюдѣ, тоненькая, гибкая, въ газовомъ тюрбанѣ, и, качаясь, думала дремотно и печально все одну и ту-же думу, которая все время завершалась въ форму одинокаго кургана, брошеннаго въ пустынѣ на берегу пересохшаго озера.

Мягкія московскія черты ея лица какъ бы подсохли и заострились, въ глазахъ же появилась упрямая настойчивость во что-бы то ни стало, хоть пѣшкомъ, пройти въ Индію, а тамъ и въ Англію, розыскать родителей Роберта и съ ними, возлѣ нихъ, оплакать свое яркое и мимолетное, навсегда поглощенное пустыней счастье...

— А потомъ... — и Ксенія вдругъ спохватилась, точно въ этотъ мигъ узнала новую, доселѣ невѣдомую тайну истиннаго счастья. — Вѣдь я же... въ самомъ дѣлѣ... По настоящему...

И снова, какъ въ ту ночь въ пустынѣ, самое простое и обыкновенное — зачатіе человѣка — показалось ей и мудрымъ, и прекраснымъ чудомъ.

Она всматривалась въ безпредѣльныя, безплодныя дали, но не видѣла ихъ, а видѣла передъ собою новыя невѣдомыя страны, сказочныя рѣки и долины, все то, что можетъ видѣть юная мечта, окрашенная безграничной, новой радостью, купленной цѣною жизни и страданій.

И точно кто-то ласковый и величавый ей шепталъ надъ самымъ ухомъ:

— Ты родишь сына и сотворишь чудо! И чудо это сдѣлаетъ безсмертнымъ Роберта. Раскраситъ явь въ земныя сказки, оплодотворитъ безплодныя пустыни, воздвигнетъ башни до небесъ и научитъ всѣхъ людей единому нарѣчію, для всѣхъ понятному, какъ материнская любовь.

И рѣшила Ксенія беречь себя, какъ хрупкую хранилищницу чуда, какъ кусокъ земли весною, въ которую только что брошено зерно чудеснаго растенія.

Мѣрно шли верблюды по песчаной раскаленной степи. Медленно шло солнце по небу, какъ всегда, покорное законамъ вѣчности.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

Полынь — трава 5

Смолокуры 21

Дремь 37

Любава 73

Какъ Гурьянъ сталъ образованнымъ 141

Якуня — Ваня 155

Матушкинъ грѣхъ 177

Ярышка 209

Родникъ въ пустынѣ 227

Русское К-во Я. Поволоцкаго и Ко.

13, rue Bonaparte, Paris VI-e.

Избранныя произведенія иностранныхъ писателей

Иллюстрированная библіотека Цѣна за томъ 5,— фр.

№ 1. ЖАНЪ РИШПЭНЪ, „Тина". („Коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть"). Илл. съ акварелей Л. Деруссо.
№ 2. П. БУРЖЕ, „Преступленіе". Илл. по аквар. Стороса.
№ 3. Э. РОДЪ, „Мишель Тессье". Илл. съ аквар. Тронсе.
№ 4. ЖИПЪ, „Романъ Котика". Иллюстр. Ренэ Венсенъ.
№ 5. ПРОСПЕРЪ МЕРИМЭ, „Графиня Діана". (Историческій романъ). Иллюстраціи Э. Тудуза.
№ 6. МАРСЕЛЬ ПРЕВО, „Около любви". Иллюстраціи съ акварелей Форе, Кузена, М. и Ж. Абейэ.
№ 7. ОКТАВЪ МИРБО, „Аббатъ Жюль" Илл. Э. Поля.
№ 8. Э. ЗОЛЯ, „Избранные разсказы". Иллюст. Ж. Вилла.

Миніатюрная библіотека

№ 1. Ив. НАЖИВИНЪ, „Осени поздней цвѣты запоздалые". (Повѣсть). 103 стр. . . . . Цѣна 2,— фр.
№ 2. К. Д. БАЛЬМОНТЪ, „Свѣтлый часъ". (Сборникъ стихотвореній). 69 стр. . . . . Цѣна 2,— фр.
№ 3. Б. ЛАЗАРЕВСКІЙ, „Птицы ночныя". (Р-зы). 72 стр. 2 фр.
№ 4-5. СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ, „Вышла изъ круга". (Повѣсть). Два выпуска. (87-101 стр).
Цѣна за оба выпуска . . . . . 5,— фр.
№ 6. Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ, „Въ нѣкоторомъ царствѣ". (Сборникъ разсказовъ). 103 стр. Цѣна 3,— фр.
№ 7. Д. Н. ОСТРОВСКІЙ, „Гроза". (Др. въ 5 д.) 176 стр. 4,50 фр.
№ 8. Д. Н. ОСТРОВСКІЙ, „Бѣдность—не порокъ". (Драма въ 5 дѣйств.). . . . . Цѣна 4,50 фр.

Книги для дѣтей

„РОДНОЕ". Сборникъ стихотвореній для дѣтей, составила Л. А. Коварская. . . . . Цѣна 4,50
РОДНЫЕ ПИСАТЕЛИ. — Біографіи и литерат. характеристики русскихъ писателей. Сост. Л. А. Коварская.
„ДѢТИ-ДѢТЯМЪ". — Сборники разсказовъ, написан. и иллюстр. дѣтьми въ возрастѣ отъ 10-13 лѣтъ. Подъ редакціей И. и Л. Коварскихъ.
РУССКІЯ СКАЗКИ, иллюстрированныя дѣтьми.
„Про Лису и Колобокъ". . . . . Цѣна 1,25 фр.
„Морозко" . . . . . Цѣна 2,50 фр.
„Какъ Лиса у мужика рыбкой поживилась. — 1,75 фр.